

ВЕСТНИК

УФИМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НЕФТЯНОЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

УГНТУ

Наука, образование, экономика

Серия экономика

№ 4 (18), декабрь, 2016

Журнал основан в 2012 году. Выходит 4 раза в год

Учредитель

Федеральное бюджетное государственное образовательное учреждение высшего образования

«Уфимский государственный нефтяной технический университет» (УГНТУ)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук».

Редакционный совет:

А.Н. Дегтярев — д-р экон. наук, профессор, председатель редакционного совета, академик РАЕН, член-корреспондент АН РБ, Институт экономики и сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)

Д.Е. Сорокин — д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, проректор по научной работе, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (г. Москва, Российская Федерация)

А.Ф. Расулев — д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономическая теория», Ташкентский государственный экономический университет (г. Ташкент, Узбекистан)

Б.Д. Хусаинов — д-р экон. наук, профессор, заведующий Отделом исследований глобализации и региональной интеграции Института экономики МОН РК (г. Алма-Ата, Казахстан)

А.Г. Шеломенцев — д-р экон. наук, профессор, заведующий Отделом развития региональных социально-экономических систем, институт экономики Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург, Российская Федерация)

А.Н. Пыткин — д-р экон. наук, профессор, директор Пермского филиала Института экономики Уральского отделения РАН (г. Пермь, Российская Федерация)

Г.А. Ахинов — д-р экон. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова» (г. Москва, Российская Федерация)

А.И. Добрынин — д-р экон. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов» (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Т.П. Данько — д-р экон. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова» (г. Москва, Российская Федерация)

Ю.Л. Пустовгаров — управляющий директор АО «Кумертауское авиационное производственное предприятие», депутат Государственного Собрания — Курултая РБ (г. Уфа, Российская Федерация)

Л.М. Мазитова — канд. экон. наук, заместитель министра экономического развития РБ (г. Уфа, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:

Н.З. Солодилова — д-р экон. наук, профессор, главный редактор, директор Института экономики и сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)

Ш.З. Валиев — д-р экон. наук, профессор, заместитель главного редактора, начальник отдела научных изданий ИЭС, заведующий кафедрой «Региональная экономика и управление», Институт экономики и сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)

А.И. Кузьмин — д-р социол. наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, ведущий научный сотрудник Института экономики Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург, Российская Федерация)

Г.Т. Галиев — д-р социол. наук, профессор, начальник отдела дополнительного образования, Институт экономики и сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)

- Т.В. Черкасова — д-р социол. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)
- Р.И. Маликов — д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика и менеджмент», Институт экономики и сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)
- И.У. Зилькарнай — д-р экон. наук, профессор, заведующий лабораторией исследования социально-экономических проблем регионов, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет» (г. Уфа, Российская Федерация)
- Н.М. Блаженкова — д-р экон. наук, профессор, заведующая кафедрой «Финансы и кредит», Институт экономики и сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)
- Р.М. Сафуанов — д-р экон. наук, профессор, директор Уфимского филиала ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (г. Уфа, Российская Федерация)
- В.И. Сухочев — д-р экон. наук, профессор, ректор НОУ ВПО «Кумертауский институт экономики и права» (г. Кумертау, Российская Федерация)
- И.Р. Зарипова — д-р экон. наук, профессор, Институт экономики и сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)
- З.Г. Зайнашева — д-р экон. наук, профессор, Институт экономики и сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)
- У.Г. Зиннуров — д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг» ФГБОУ ВО «Уфимский государственный авиационный технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)
- В.В. Жилин — д-р экон. наук, д-р с.-х. наук, профессор, ГБОУ ВО «Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан» (г. Уфа, Российская Федерация)
- А.О. Блинов — д-р экон. наук, профессор, Филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» в г. Домодедово (г. Домодедово, Российская Федерация)
- О.В. Мишулина — д-р экон. наук, профессор, заведующая кафедрой «Менеджмент и маркетинг» Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова (г. Костанай, Казахстан)
- Л.А. Амирова — д-р пед. наук, профессор, проректор по научной работе, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» (г. Уфа, Российская Федерация)
- Р.Г. Аслаева — д-р пед. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» (г. Уфа, Российская Федерация)
- Т.Н. Третьякова — д-р пед. наук, профессор, заведующая кафедрой «Туризм и социально-культурный сервис», Институт спорта, туризма и сервиса ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет» (г. Челябинск, Российская Федерация)
- А.И. Сорокина — д-р психол. наук, профессор, Институт экономики и сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)

Ответственный секретарь: Д. А. Седаков

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Доступ и подписка на электронную версию журнала — www.elibrary.ru
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 — 67386 от 05.10.2016 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

© Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2016.

Адрес редакции и издательства: 450062, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Космонавтов, д. 1
Тел.: (347) 243–16–19, ies.rusoil.net

Цена свободная. **12+**

Подписано в печать 19.12.2016 г. Формат 60x84/8. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,78.
Тираж 1 000 экз. Заказ № 33.

Адрес типографии: 450062, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Космонавтов, д. 1

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале «Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика», допускается только с письменного разрешения редакции.

Материалы приводятся в авторской редакции.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Отпечатано в типографии издательства УГНТУ с готовых электронных файлов.

BULLETIN

UFA STATE PETROLEUM TECHNOLOGICAL UNIVERSITY

Science, education, economy

Series economy

№ 4 (18), December, 2016

Founded in 2012. Issued 4 times a year

Founder

Federal State-Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ufa State Petroleum Technological University» (USPTU)

The journal is included in the «List of peer-reviewed scientific publications, which should be published basic scientific results of theses on competition of a scientific degree of candidate of Sciences, on competition of a scientific degree of the doctor of Sciences».

Editorial board:

Prof. Alexander N. Degtyarev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Chairman of the Editorial Board, Member of Russian Academy of Natural Sciences, Active Member of Academy of Sciences of Bashkortostan, Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

Prof. Dmitriy E. Sorokin — Doctor of Economic Sciences, Professor, Vice-Rector on Scientific Work, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

Prof. Alisher F. Rasulev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department «Economic Theory» of Tashkent State Economic University (Tashkent, Uzbekistan)

Prof. Bulat D. Khusainov — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Department «Globalization and Integration Studies», Institute of Economy, MES of RK (Alma-Ata, Kazakhstan)

Prof. Andrey G. Shelomentsev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Regional Development of Social and Economic Systems, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation)

Prof. Alexander N. Pytkin — Doctor of Economic Sciences, Professor, Director of Perm Branch of Institute of Economics at Urals Branch of Russian Academy and Sciences (Perm, Russian Federation)

Prof. Grigor A. Akhinov — Doctor of Economic Sciences, Professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow, Russian Federation)

Prof. Alexander I. Dobrynin — Doctor of Economic Sciences, Professor, Saint-Petersburg State University of Economics and Finance (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Prof. Tamara P. Danko — Doctor of Economic Sciences, Professor, Russian Academy of Economics by G.V. Plekhanov (Moscow, Russian Federation)

Yuriy L. Pustovgarov — Managing Director of AO «Kumertau Aviation Production Enterprise», delegate of the State Assembly (Ufa, Russian Federation)

Lilia M. Mazitova — Candidate of Economic Sciences, Deputy Minister of Economic Development of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russian Federation)

Editorial staff:

Prof. Natalia Z. Solodilova — Doctor of Economic Sciences, Professor, editor in chief, Director of the Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

Prof. Shamil Z. Valiev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Deputy Chief Editor, Head of Scientific Edition Department, Head of Regional Economics and Management, Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

Prof. Alexander I. Kuzmin — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Active Member of Russian Academy of Natural Sciences, Leading Researcher at Institute of Economics at Urals Branch of Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation)

Prof. Gali T. Galiev — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief of Department of Additional Education, Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

Prof. Tatjana V. Cherkasova — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

Prof. Rustam I. Malikov — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Economics and Management, Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

Prof. Ildar U. Zulkarnai — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Laboratory of Socio-Economic Problems in the Regions Research, Bashkir State University (Ufa, Russian Federation)

Prof. Natalia M. Blazhenkova — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Finance and Credit, Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

Prof. Rafael M. Safuanov — Doctor of Economic Sciences, Professor, Director of Ufa Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation (Ufa, Russian Federation)

Prof. Victor I. Sukhochev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector of Kumertau Institute of Economics and Law (Kumertau, Russian Federation)

Prof. Ilsiyyar R. Zaripova — Doctor of Economic Sciences, Professor, Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

Prof. Zarima G. Zainasheva — Doctor of Economic Sciences, Professor, Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

Prof. Ulfat G. Zinnurov — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Management and Marketing Chair, Ufa State Aviation Technical University (Ufa, Russian Federation)

Prof. Valery V. Zhilin — Doctor of Economic Sciences, Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Bashkir Academy of State Service and Management Board under the President of Bashkortostan Republic (Ufa, Russian Federation)

Prof. Andrey O. Blinov — Doctor of Economic Sciences, Professor, Branch of Russian State Humanitarian University in Domodedovo (Domodedovo, Russian Federation)

Prof. Olga V. Mishulina — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Management and Marketing Chair at Kostanai State University named for A. Baitursynov (Kostanai, Kazakhstan)

Prof. Lyudmila A. Amirova — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector on Scientific Work, Bashkir State Pedagogical University named for M. Akmulla (Ufa, Russian Federation)

Prof. Rahima G. Aslaeva — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Bashkir State Pedagogical University named for M. Akmulla (Ufa, Russian Federation)

Prof. Tatjana N. Tretjakova — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department «Tourism and Socio-Cultural Service» of the Institute of Sport, Tourism and Service, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation)

Prof. Anna I. Sorokina — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

Executive editor — Dmitriy A. Sedakov

The magazine is included in the Russian Federation index of scientific citation (RISC).

Access and subscription to the electronic version of the magazine — www.elibrary.ru

Mass media registration certificate ПИ № ФС 77-67386 dd. 05.10.2016 is issued by the Federal Department of Mass Media Supervision.

© Ufa State Petroleum Technological University, 2016.

Address of Editors office and Founder: 450062, Republic of Bashkortostan, Ufa, Kosmonavtov str. 1.

Tel. (347) 243–16–19, ies.rusoil.net

Price is free. **12+**

Publishing authorized on 19.12.2016. Paper format 60x84/8. Offset printing. 22,78 publication base sheets.

Volume 1 000 copies. Order № 33.

Address of Publishing Office: 450062, Republic of Bashkortostan, Ufa, Kosmonavtov str. 1.

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced without prior written consent of the Editors office of the «Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economy».

The items of this publication preserve original edition by their authors.

The Editors office do not always share an opinion of authors of the articles published.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ В ОТРАСЛЯХ И СФЕРАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Лейберт Т. Б., Халикова Э. А.</i> Влияние государственной налоговой политики на деятельность нефтяных компаний..	9
<i>Зулькарнай И. У.</i> Стимулы экономического развития, создаваемые бюджетной системой Китая для всех уровней государственного и местного управления	16
<i>Гарипов Ф. Н., Гарипова З. Ф.</i> К проблеме институционального развития экономики	22
<i>Чотонов М. М.</i> Методы бюджетного регулирования социальной защиты населения Кыргызской Республики	32
<i>Валиев Ш. З., Абзалилова Л. Р., Федорова О. А.</i> Применение методов когнитивного моделирования при разработке стратегического планирования предприятий нефтехимической и нефтеперерабатывающей отраслей	39
<i>Зайнашева З. Г., Мутраков О. С.</i> Зарубежный опыт планирования и развития сферы спортивно-оздоровительных услуг	45
<i>Южаков В. А.</i> Причины экономического спада: санкции, цены на нефть и необходимость институциональных преобразований	50
<i>Щёлокова Д. В.</i> Учет рисков при оценке экономической эффективности добычи углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников сырья	63
<i>Сираж Разуки Аббас.</i> Формирование компетенции и компетентности бухгалтерской службы	71

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

<i>Буренина И. В., Быль Е. А.</i> Быстрорастущие компании: обзор и сравнение подходов к определению и критериям	80
<i>Дубовик М. В., Тимирьянова В. М.</i> Анализ отложенного спроса потребителей на региональном рынке бытовой техники	86
<i>Самарина Е. А.</i> Сущность и значимость адаптивного управления развитием предпринимательских структур в корпоративной среде	98

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ

<i>Клименков Г. В.</i> Формирование стратегии организации и функционирования управляющей структуры региона	104
<i>Габидуллина Э. В., Галиуллина С. Д., Сулова Т. А., Корнева В. О.</i> Брендинг как один из инструментов развития территорий	110
<i>Павлова К. К.</i> Структура доходов населения как индикатор социально-экономического развития территории	119

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Абросимова М. А., Захаров А. В.</i> Особенности создания умной инфраструктуры в вузе	125
<i>Минеева И. М., Галиуллина С. Д.</i> Использование исторических знаний в социально-экономическом развитии России	132
<i>Ислакаева Г. Р.</i> Вопросы стимулирования публикационной активности в научных изданиях, индексируемых в Web of Science и Scopus	139
<i>Зубкова Н. М., Карабельская И. В., Гирфанова Л. Р.</i> Формирование нового мышления в современном экологическом дизайне	146
<i>Ольховик А. О.</i> Теоретико-игровое моделирование взаимодействия субъектов сферы высшего образования	150

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

<i>Галлямов Р. Р.</i> Урало-Поволжский макрорегион России: состояние и перспективы возрождения исламской религиозности	156
<i>Гайсина Л. М.</i> Концепция синергетического управления в нефтегазовой сфере: единство социальной самоорганизации и стабилизации в условиях социальных изменений	163
<i>Михайлов В. С.</i> Институциональные ограничения как стимулы развития социальных меньшинств	173
Об авторах	179
Список статей, изданных в 2016 году	185

CONTENT

ECONOMIC SCIENCE

ECONOMY AND MANAGEMENT IN BRANCHES AND FIELDS OF ACTIVITY

<i>Leybert T. B., Khalikova E. A.</i> Influence of the state tax policy on activity of the oil companies	9
<i>Zulkarnay I. U.</i> Incentives of economic development that the budget system of China creates for state and local governments	16
<i>Garipov F. N., Garipova Z. F.</i> The problem of institutional development of the economy	22
<i>Chotonov M. M.</i> Methods of budgetary regulation of social protection of population of the Kyrgyz Republic	32
<i>Valiev Sh. Z., Abzalilova L. R., Fedorova O. A.</i> Application of cognitive modelling in the development of strategic planning petrochemical and oil-refining industry	39
<i>Zainasheva Z. G., Mutrakov O. S.</i> Foreign experience in planning and developing the sphere of sports and fitness services	45
<i>Yuzhakov V. A.</i> The causes of the recession: sanctions, oil prices and necessity of institutional reforms	50
<i>Shchelokova D. V.</i> Adjusting for risk in economic efficiency assessment of hydrocarbon resources production from non-conventional sources of raw materials	63
<i>Siraj Razooqi Abbas.</i> Accounting department competence and scope formation	71

BUSINESS

<i>Burenina I. V., Byl E. A.</i> Fast-growing companies: an overview and comparison of approaches to definition and criteria	80
<i>Dubovik M. V., Timirjanova V. M.</i> Analysis of pent-up demand of consumers in the regional market of home appliances	86
<i>Samarina E. A.</i> The nature and importance of adaptive management development of enterprise structures in an enterprise environment	98

INNOVATIVE DEVELOPMENT OF REGIONS

<i>Klimenkov G. V.</i> Formation of strategy organization and operation of the management structure of the region	104
<i>Gabidullina E. V., Galiullina S. D., Suslova T. A., Korneva V. O.</i> Branding as a tool for development of the territory	110
<i>Pavlova K. K.</i> The structure of the population income as an indicator of a social and economic development of the territory	119

PEDAGOGICAL SCIENCE

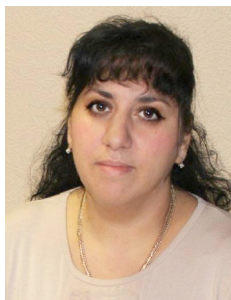
DEVELOPMENT OF EDUCATION

<i>Abrosimova M. A., Zakharov A. V.</i> The peculiarities of developing smart infrastructure in a higher educational institution	125
<i>Mineeva I. M., Galiullina S. D.</i> The use of historical knowledge in the socio-economic development of Russia	132
<i>Islakaeva G. R.</i> Problems of stimulation of public activities in journals indexed in Web of Science and Scopus	139
<i>Zubkova N. M., Karabelskaya I. V., Girfanova L. R.</i> Formation of new thinking in the modern ecological design	146
<i>Olkhovik A. O.</i> Game-theoretic modeling of interaction of main actors of the higher education sphere	150

SOCIAL SCIENCE

SOCIAL DEVELOPMENT

<i>Gallyamov R. R.</i> Ural-Volga macroregion of Russia: condition and prospects of the revival of Islamic religiosity	156
<i>Gaisina L. M.</i> The synergy management concept in the oil and gas industry: unity of social self-organization and stabilization in the conditions of social changes	163
<i>Mikhailov V. S.</i> Institutional limitations as incentives of social minorities	173
About the authors	179
List of articles published in 2016	185

Лейберт Т. Б.
Leybert T. B.

*доктор экономических наук, директор
Института нефтегазового бизнеса,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

Халикова Э. А.
Khalikova E. A.

*кандидат экономических наук, доцент
кафедры «Бухгалтерский учет и аудит»
Института нефтегазового бизнеса,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

УДК 338.012

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕФТЯНЫХ КОМПАНИЙ

В статье представлены результаты научного исследования в области государственного налогового регулирования деятельности налоговых компаний. Приведены исторические очерки и хронология введения различных форм налогового регулирования на основе использования экономического механизма «налогового маневра».

В статье рассматривается роль налогового маневра в достижении баланса экономических интересов государства в части формирования доходов федерального бюджета и нефтяных компаний в части оптимизации налоговых обязательств с точки зрения полноты их начисления с получаемых доходов от использования углеводородных ресурсов и своевременности уплаты.

В связи с этим в статье дана подробная характеристика налогового маневра как экономического механизма воздействия государства на деятельность нефтяных компаний посредством перераспределения вывозных экспортных таможенных пошлин на нефть и нефтепродукты с одновременной корректировкой других налогов для соблюдения интересов государственного бюджета, нефтяных компаний и потребителей внутреннего рынка.

Сформулированы предпосылки и условия реформирования (корректировки) налогового маневра в сторону снижения экспортных пошлин на светлые нефтепродукты и увеличения ставки налога на добычу полезных ископаемых и акцизов. Доказана необходимость введения корректировочных действий государства с целью обеспечения доходной части бюджета и стимулирования инвестиционной активности нефтяных компаний в секторе «переработка».

На основе представленных результатов деятельности нефтяных компаний за первое полугодие 2016 года сделан прогноз значений ставок налогов, дана оценка негативных последствий государственной налоговой политики на деятельность нефтяных компаний.

В статье отмечается, что в условиях дальнейшего снижения мировых цен на нефть произойдет еще большее уменьшение маржи нефтяных компаний, что скажется на объемах переработки нефти ввиду сокращения объемов выпуска товарных светлых нефтепродуктов, и, как следствие, возникновении дефицита на внутреннем рынке нефтепродуктов.

В качестве инструмента регулирования таких действий авторы статьи видят использование налоговыми компаниями налоговых льгот по добыче сверхвязких нефтей, по выработанным месторождениям и трудноизвлекаемым запасам.

Ключевые слова: налоговая политика, налоговые компании, действующая система налогообложения, большой налоговый маневр, экспортные пошлины, налог на добычу полезных ископаемых, акцизы, налоговые изъятия, маржа, светлые нефтепродукты.

INFLUENCE OF THE STATE TAX POLICY ON ACTIVITY OF THE OIL COMPANIES

Results of scientific research in the field of the state tax regulation of activity of the tax companies are presented in article. Historical sketches and chronology of introduction of various forms of tax regulation on the basis of use of the economic mechanism of «tax maneuver» are given.

In article the role of tax maneuver in achievement of balance of economic interests of the state regarding formation of the income of the federal budget and the oil companies regarding optimization of tax obligations, from the point of view of completeness of their charge from the gained income from use of hydrocarbon resources and timeliness of payment is considered.

In this regard in article the detailed characteristic of tax maneuver as economic mechanism of impact of the state on activity of the oil companies by means of redistribution of the export customs duties on oil and oil products with simultaneous correction of other taxes for respect for interests of the state budget, the oil companies and consumers of domestic market is given.

Prerequisites and conditions of reforming (adjustment) of tax maneuver towards decrease in export duties on light oil products and increases in a rate of a severance tax and excises are formulated. Need of introduction adjustment actions of the state for the purpose of providing revenues of the budget and stimulation of investment activity of the oil companies in sector «processing» is proved.

On the basis of the presented results of activity of the oil companies for the first half of the year 2016 it is made a forecast of expected values of rates of taxes an assessment of negative consequences of the state tax policy on activity of the oil companies is given.

In article it is noted that in the conditions of further decrease in the world prices for oil there will be a bigger reduction of a margin of the oil companies that will affect oil refining volumes in a type of reduction of volumes of production of commodity light oil products, and, as a result, to emergence of deficiency in domestic market of oil products.

As the instrument of regulation of such actions authors of article see use of tax benefits by the tax companies on production super viscous oil, on the developed fields and hardly removable stocks.

Key words: tax policy, the tax companies, the operating system of the taxation, big tax maneuver, export duties, a severance tax, excises, tax withdrawals, a margin, light oil products.

Сегодня успешная деятельность вертикально-интегрированных нефтяных компаний, связанная с разведкой, добычей нефти и газа, производством и сбытом нефтепродуктов, является важнейшим фактором обеспечения стабильности в экономике России, создавая устойчивый спрос на российскую продукцию. Несомненно, на эффективное функционирование деятельности нефтяных компаний влияние оказывает государственная налоговая политика, включающая действующую систему налогообложения с применением налоговых льгот для выработанных месторождений, по добыче сверхвязких нефтей и по трудноизвлекаемым запасам, налогового маневра и механизма регулирования порядка исчисления налога на добычу

полезных ископаемых на базе мировых цен на нефть и курса доллара.

В научных исследованиях Щуренко Н.Н. и Халиковой Э.А. сформулированы основные области воздействия государства на деятельность нефтяных компаний с целью повышения эффективности использования ресурсов. К ним относятся: законодательное регулирование по рациональному использованию недр, развитие малого и среднего бизнеса в независимых нефтяных компаниях и в вертикально-интегрированных нефтяных компаниях [1].

Как показывают результаты анализа налоговой нагрузки в отдельных видах экономической деятельности в Российской Федерации за 2015 год (рисунок 1), наибольший уровень налоговых изъятий в выручке

от продажи приходится на добычу полезных ископаемых, который соответствует 73,6%.

Новейшим в истории государственной налоговой политики России стало введение налогового маневра как экономического механизма воздействия государства на деятельность нефтяных компаний посредством перераспределения вывозных экспортных таможенных пошлин на нефть и нефтепродукты с одновременной корректировкой других налогов для соблюдения интересов государственного бюджета, нефтяных компаний и потребителей внутреннего рынка [2, 3].

По данным исследований [4] консалтинговой компании VYGON Consulting, изучена эволюция государственной налоговой политики нефтяных компаний и основные этапы развития налогового маневра (таблица 1).

Специалистами было отмечено, что первый налоговый маневр был осуществлен с 1995 по 1996 годы с целью сокращения бюджетного дефицита, государство отказалось от применения вывозных таможенных пошлин и увеличило ставки акцизов на нефть. В 1999 году на фоне бюджетных проблем государство вновь ввело вывозные экспортные пошлины и установило ставки на мазут на невысоком уровне.

Предполагалось, что нефтеперерабатывающая промышленность создает добавленную стоимость, однако это происходило только при значительной доле производства светлых нефтепродуктов и близости к рынкам сбыта [5]. Концептуальные положения перспективной инвестиционной политики предприятий отечественного нефтеперерабатывающего комплекса, рассмотренные в трудах [6, 7],

Рисунок 1. Оценка налоговой нагрузки нефтяной промышленной по сравнению с другими видами экономической деятельности в России в 2015 году

Таблица 1. Хронология налоговых маневров в России [4]

Год	Название налогового маневра	Краткая характеристика
1995-1996 гг.	Первый	Снижение вывозных экспортных пошлин на нефть с повышением акцизов на нефть
2011 г.	60-66-90-100	Коэффициент для расчета вывозной экспортной пошлины на нефть был снижен с 65% до 60%, пошлины на светлые нефтепродукты установлены на уровне 66%, на бензин — 90% от пошлины на нефть. С 2015 г. предполагалось введение 100%-ной пошлины на темные нефтепродукты
2013 г.	Малый налоговый маневр	Незначительные, но одновременные корректировки ставок НДС и экспортных пошлин на период 2014–2016 гг. с сохранением срока по выравниванию пошлины на нефть
2014 г.	Большой налоговый маневр (БНМ)	Существенное снижение экспортных пошлин на нефть, перенос выравнивания пошлин на нефть и темные нефтепродукты на 2017 г., частичная компенсация роста цен на внутреннем рынке с корректировкой акцизной политики

предполагали значительный прирост добавленной стоимости в процессе инвестирования технологического переоснащения и освоения высоких технологий, способствующих росту производства продукции.

Благодаря выстроенной системе ставок экспортных пошлин российские нефтеперерабатывающие заводы получили значительную так называемую «таможенную субсидию», которая создавалась за счет существенно меньшей налоговой нагрузки на экспорт нефтепродуктов, чем на экспорт эквивалентного количества нефти. Но вместо стимулирования строительства вторичной переработки нефти таможенно-тарифная политика поощряла наращивание объемов первичной переработки нефти.

Вторым этапом функционирования налогового маневра стало введение в 2011 году так называемой системы «60-66-90-100», которая создала дополнительные стимулы для добычи и глубокой переработки нефти. Существенные колебания цен на нефть в 2011 и 2014 годах оказали негативное влияние на деятельность нефтяных компаний. Это связано было с сильной зависимостью уровня экспортных пошлин и величины таможенной субсидии нефтеперерабатывающей промышленности от мировых цен на

нефть. При этом субсидия необоснованно увеличилась до сверхвысоких уровней при росте мировых цен на нефть.

В условиях нестабильности на мировом рынке с целью увеличения доходов бюджета и развития вторичных процессов переработки начиная с 2015 года государство ввело большой налоговый маневр. Он предполагал введение 100%-ной вывозной экспортной пошлины на темные нефтепродукты, некоторое понижение ставок вывозных таможенных пошлин на светлые нефтепродукты и повышение ставок НДС на нефть и конденсат.

Критическое снижение мировых цен на нефть привело к тому, что государство вынуждено было провести корректировки большого налогового маневра на 2016–2017 годы (таблица 2). Основные корректировки большого налогового маневра связаны с изменением ставок вывозных таможенных пошлин, НДС и акцизов [8, 9].

Начиная с 2016 г. активизируется работа по дальнейшему реформированию налогообложения нефтяной отрасли: вводятся дополнительные изъятия по НДС, увеличились акцизы на средние дистилляты.

Ставка вывозной экспортной пошлины на нефть в 2016 году установлена в размере

Таблица 2. Корректировка большого налогового маневра за 2015–2017 годы

Налоги	2015 г.		2016 г.		2017 г.	
	ДНС	БНМ	ДНС	БНМ	ДНС	БНМ
НДС на нефть, руб./т	530	766	559	857	559	919+ 306
Экспортная пошлина на нефть, %	57	42	55	42	55	30
Экспортная пошлина на светлые нефтепродукты, %	63	48	61	40	61	30
Экспортная пошлина на масла, %	100	48	100	40	100	30
Экспортная пошлина на автомобильный бензин (АБ), %	90	78	90	61	90	30
Экспортная пошлина на нефть, %	90	85	90	71	90	55
Экспортная пошлина на темные нефтепродукты, %	100	76	100	82	100	100
Экспортная пошлина на кокс, %	100	6,5	100	6,5	100	6,5
Экспортная пошлина на битумы, %	100	76	100	82	100	100
Акциз на автомобильный бензин (ДТ) К4/К5, руб./т	10858/7750	7300/5530	9500	10500/7530 до 31.03.16 13100/10130 с 01.04.16	5830	10130
Акциз на дизельное топливо К4/К5, руб./т	5970/5244	3450	5970	4150 до 31.03.16 5293 с 01.04.16	3950	6800
Акциз на средние дистилляты, руб./т	-	-	-	4150 до 31.03.16 5293 с 01.04.16	-	7800

¹ Примечание: ДНС — действующая налоговая система; БНМ — большой налоговый маневр

42 % вместо планировавшихся 36 %. С 1 апреля 2016 года увеличились акцизы. Так, на бензин ставка акциза выросла на 2,6 тыс. руб./т, а на дизельное топливо — примерно на 1,1 тыс. руб./т.

С 1 января 2017 г. планируется дополнительное изъятие по НДС в размере 306 руб./т., сохранится ставка акциза на автомобильные бензины на уровне 2016 г. и увеличится ставка акциза на дизельное топливо до 6800 руб./т.

В результате введения большого налогового маневра за первое полугодие 2016 года наблюдается небольшое снижение показателей деятельности нефтяных компаний по сравнению с аналогичным периодом 2015 года (таблица 3).

По данным таблицы 3 видно, что наблюдается небольшое снижение объемов переработки нефти — на 3,3 %. Основной объем снижения нефтепереработки приходится на мазут. За анализируемый период этот показатель снизился на 9,3 млн т. При этом объемы производства бензина выросли на 0,3 млн т за первое полугодие 2016 года по сравнению с аналогичным периодом 2015 года. Дефицит моторных топлив маловероятен.

Избыточное сырье для нефтеперерабатывающих заводов экспортируется на внешний рынок. Прогнозный объем экспорта по итогам 2016 г. может составить порядка 255 млн т, что станет максимальным результатом за последние 10 лет. Последний раз максимальное зна-

чение экспорта нефти было достигнуто в 2007 году и составило 253,9 млн т.

При этом к критическим границам подошла маржа среднеотраслевого нефтеперерабатывающего завода в России. Так, в 2014 году маржа составляла 11 долл./bbl, в 2015 году — 5,5 долл./bbl, а в 2016 (прогноз) — 1,5 долл./bbl.

Следовательно, дальнейшее снижение маржи может привести к дополнительному уменьшению объемов переработки нефти за счет уменьшения объемов выпуска автомобильного бензина и дизельного топлива и, как следствие, к возникновению дефицита на внутреннем рынке нефтепродуктов.

Согласно основным направлениям налоговой политики государства планируется на период с 2017 по 2019 годы увеличение ставок НДС, акцизов на автомобильный бензин, дизельное топливо и средние дистилляты (таблица 4) [10].

Прежде всего, стоит отметить, что производственные результаты нефтяных компаний до настоящего времени позволяют государству говорить о возможностях роста нагрузки на нефтяные компании (добыча в РФ в 2016 г. ожидается с увеличением на 8 млн т по сравнению с 2015 г. до 544 млн т), дефицит на внутреннем рынке не наблюдается.

В наступающем в 2017 году стоит ожидать возвращения к обсуждению глобальных вопросов регулирования нефтяной отрасли в виде введения налога на дополнительный доход (НДД) и дальнейшего снижения экспортной пошлины на нефть.

Таблица 3. Результаты работы нефтяных компаний за I полугодие 2016 г. по сравнению с аналогичным периодом 2015 г.

Показатель	Значение показателя за I полугодие		Отклонение	
	2015 г.	2016 г.	относительное (2016/2015 гг.), %	абсолютное
Добыча нефти и газового конденсата, млн т	264,2	269,9	+2,16	+5,7
Первичная переработка, млн т, в том числе:	139,8	135,2	-3,3	-4,7
Производство бензина, млн т	19,4	19,7	+1,55	+0,3
Производство мазута, млн т	37,4	28,1	-24,87	-9,3
Поставки сырья в дальнее зарубежье, млн т	108,2	116,3	+7,49	+8,1
Поставки сырья в ближнее зарубежье, млн т	10,6	11,499	+8,48	+0,9

Таблица 4. Увеличение ставок НДС и акциза на 2017–2019 гг. согласно Основным направлениям налоговой политики (ОННП) по сравнению с действующей налоговой системой в 2017 г.

Налог	2017 г.	2018 г.	2019 г.
НДС, руб./т	+306	+357	+428
Акциз на АБ, руб./т	+2700	+3105	+3527
Акциз на ДТ, руб./т	+1707	+1979	+2262
Акциз на средние дистилляты, руб./т	+2707	+3019	+3343
Акциз на прямогонный бензин, руб./т	+800	+800	+800

Вывод

Однако возможность итогового принятия таких решений Правительством РФ с высокой степенью вероятности будет зависеть от конъюнктуры на мировых рынках сырья: при закладываемых в бюджет цены на нефть марки Urals в размере 40 \$/bbl и курсе доллара в размере 67,5 руб./\$. Любые ошибки в регулировании деятельности нефтяных компаний, обеспечивающей не менее 40 % доходов государственного бюджета, непозволительны.

Список литературы

1. Щуренко Н.Н., Халикова Э.А. Оценка эффективности влияния налоговой политики государства на функционирование деятельности нефтяных компаний // Вестник экономики и менеджмента. 2016. № 2. С. 84–91.
2. Глубокова Н.Ю., Корякина А.А., Галева Н.Н. Налоговый менеджмент: учеб. пособие. М.: Евразийский открытый институт, 2011. 141 с.
3. Ванчурина Л.И., Галева Н.Н. Особенности формулирования главной цели как основного системообразующего фактора налогового менеджмента // Современные проблемы экономической теории и практики: межвуз. сб. науч. тр.; под общ. ред. Л.И. Ванчуриной, Ю.А. Фролова. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2006. С. 35–43.
4. Нефтяные налоговые маневры: что дальше? // Матер. VYGON Consulting, май 2015. Режим доступа: http://vygon.consulting/upload/iblock/2af/vygon_consulting_taxmaneuvers.pdf (дата обращения 20.05.2016.).
5. Кондрашов А., Смирнов А., Желтоногов В., Борисов Д. Налоговый маневр: трансформация текущего режима «60-66» в «55-61» для российской нефтяной отрасли. Режим доступа: <http://www.ey.com/>

Точечных же дополнительных изъятий от нефтяной отрасли на 2017–2019 гг., описанных ранее, избежать, очевидно, не удастся ввиду сохраняющегося дефицита государственного бюджета. Размер налоговых изъятий будет продолжать регулироваться в ручном режиме с балансировкой сохранения инвестиционной привлекательности нефтяных компаний. Поэтому одним из эффективных и действенных инструментов снижения налоговой нагрузки нефтяных компаний является активное использование налоговых льгот.

Publication/vwLUAssets/EY-Oil-and-Gas-Tax-Alert-October–2013-Rus/\$File/EY-Oil-and-Gas-Tax-Alert-October–2013-Rus.pdf (дата обращения 20.05.2016).

6. Лейберт Т.Б. Разработка концептуальных положений перспективной инвестиционной политики экономических систем отечественного нефтеперерабатывающего комплекса // Аудит и финансовый анализ. 2009. № 1. С. 167–178.

7. Лейберт Т.Б. Формирование стратегии перспективной инвестиционной политики нефтеперерабатывающего комплекса // Аудит и финансовый анализ. 2009. № 2. С. 225–233.

8. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть 2. [Электронный ресурс] / Утв. № 117-ФЗ от 05.08.2000 г. Режим доступа: URL: <http://base.garant.ru/10900200> (дата обращения: 15.10.2016).

9. Федеральный закон от 27.11.2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://base.garant.ru/10900200> (дата обращения: 15.10.2016).

10. Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов

[Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.minfin.ru> (дата обращения: 15.10.2016).

References

1. Shchurenko N.N., Khalikova E.A. Evaluation of the Impact of Tax Policy on the Functioning of the Activities of Oil Companies // *Journal of Economics and Management*. 2016. № 2. P. 84–91.

2. Glubokova N.Yu., Koryakina A.A., Galeeva N.N. Tax Management: Textbook. M.: Evraziiskii otkrytyi institut, 2011. 141 p.

3. Vanchukhina L.I., Galeeva N.N. Features Formulating the Main Objective as the Main Backbone Factor Tax Management // *Modern Problems of Economic Theory and Practice: Interuniversity Collection of Scientific Papers; pod obshch. red. L.I. Vanchukhinoi, Yu.A. Frolova*. Ufa: Izd-vo UGNTU, 2006. P. 35–43.

4. Oil Tax Maneuvers: What Next? // Mater. VYGON Consulting, May 2015. Available at: http://vygon.consulting/upload/iblock/2af/vygon_consulting_taxmaneuvers.pdf (assessed 20.05.2016.).

5. Kondrashov A., Smirnov A., Zheltonogov V., Borisov D. Tax Maneuver: Transformation of the Current Regime «60-66» to «55-61» for the

Russian Oil Industry. Available at: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY-Oil-and-Gas-Tax-Alert-October-2013-Rus/\\$File/EY-Oil-and-Gas-Tax-Alert-October-2013-Rus.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY-Oil-and-Gas-Tax-Alert-October-2013-Rus/$File/EY-Oil-and-Gas-Tax-Alert-October-2013-Rus.pdf) (assessed 20.05.2016).

6. Leibert T.B. Development of Conceptual Provisions of Promising Investment Policy of Economic Systems of Domestic Oil Refining Complex // *Audit and Financial Analysis*. 2009. № 1. P. 167–178.

7. Leibert T.B. Formation of Strategy of Promising Investment Policy Refinery Complex // *Audit and Financial Analysis*. 2009. № 2. P. 225–233.

8. Tax Code of the Russian Federation. Part 2 [Electronic resource] / Utv. № 117-FZ dd. 05.08.2000 g. Available at: URL: <http://base.garant.ru/10900200> (assessed 15.10.2016).

9. Federal Law dd. 27.11.2010 № 311-FZ «On Customs Regulation in the Russian Federation» [Electronic resource]. Available at: URL: <http://base.garant.ru/10900200> (assessed 15.10.2016).

10. Main Directions of Tax Policy of the Russian Federation for 2016 and the Planning Period of 2017 and 2018 [Electronic resource]. Available at: URL: <http://www.minfin.ru> (assessed 15.10.2016).

Зулькарнай И. У.
Zulkarnay I. U.

доктор экономических наук, заведующий лабораторией исследований социально-экономических проблем регионов, Институт экономики финансов и бизнеса, ФГБОУ ВО «Бакирский государственный университет», г. Уфа, Российская Федерация

УДК 338.24

СТИМУЛЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ, СОЗДАВАЕМЫЕ БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМОЙ КИТАЯ ДЛЯ ВСЕХ УРОВНЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Проводится анализ бюджетных реформ, проведенных в Китае в 1979–1984 гг., 1985 г., 1994 г. и менее значительных в последующие годы, которые сопровождали экономические реформы и были частью экономических реформ, начавшихся в 1977 году, сразу после окончания «Культурной революции». Особое внимание уделено формированию стимулов экономического развития территорий, которые возникали в результате реформ. Показано многообразие моделей межбюджетных отношений центрального бюджета и бюджетов провинций и, соответственно, многообразие стимулов, которые создавались для субнациональных уровней государственного управления. Соответственно, демонстрируется асимметричность модели бюджетного федерализма, который строил Китай на начальных этапах своих рыночно-ориентированных реформ, которую Б.Р. Вейнгагст назвал «федерализмом, сохраняющим рынки». Показан эволюционный характер бюджетных реформ, в частности то, что самые начальные модели межбюджетных отношений носили очень простой характер, легкий для понимания всеми участниками межбюджетных отношений, что создавало очевидность наличия бюджетных стимулов увеличения налогооблагаемой базы, экономического роста территорий. По мере «усвоения» простых форм бюджетного стимулирования, вводились новые, более сложные, которые являлись небольшим шагом по сравнению с остальными. Общий вектор развития бюджетной системы: от простой формы, которая получила в российской литературе название «одноканальная бюджетная система», к унифицированной, но довольно сложной модели бюджетных систем, применяемых в развитых странах. Показано, что система бюджетных стимулов пронизывала всю вертикаль бюджетной системы. Также показано, что в бюджетной системе соблюдался, как и в экономических реформах в целом, принцип, сформулированный Дэн Сяо Пином, а именно «пусть сначала зажиточной станет часть семей», что применительно к провинциям означало предоставление возможности развиваться им соревновательно, неравномерно и без заметных бюджетных перераспределений. Сделаны рекомендательные выводы для России.

Ключевые слова: бюджетная система, бюджетные реформы, Китай, китайские реформы, стимулы экономического развития.

INCENTIVES OF ECONOMIC DEVELOPMENT THAT THE BUDGET SYSTEM OF CHINA CREATES FOR STATE AND LOCAL GOVERNMENTS

The author researches the budget reforms that were conducted in China in the years of 1979–1984, in 1985 г. and in 1994 г. simultaneously with the economic reforms that started in 1977, just after the end of «Cultural revolution». The main attention is done to forming incentives of economic development of territories that came during and as a result of fiscal reforms. It is shown that intergovernmental relations' models were different among relations between provinces with

the center and therefore there were many types of incentives. It meant that there was an asymmetry of the Chinese fiscal federal system that Barry Weingast called «Market-preserving federalism». The evolution way of the Chinese budget reforms is shown, in particular that first models of intergovernmental relations were very simple for understanding by all participants of such relations and as a result of this they clearly felt fiscal incentives to develop tax bases on their territories. After adopting simple forms of intergovernmental relations, the central government introduced new more complicated ones that were a step forward. The general vector of development of budget system was from a simple form that was called one-channel budget system in the Russian literature, to uniformed but rather complicated forms that are used in developed countries. The system of fiscal incentives were going through the whole vertical of the budget system. Regions of China in the beginning of the reforms were developing without big reallocation of finances between provinces that led to their uneven development but also to competition for resources. There are recommendations for Russia.

Key words: budget system, budget reforms, China, Chinese reforms, incentive for economic development.

Начиная с 2013 года в России наблюдается стагнация экономического развития, вызванная тем, что факторы роста, которые двигали российскую экономику с начала 2000 гг., исчерпали свой потенциал и перестали действовать в настоящее время. Падение мировых цен на нефть в 2014 году и введенные западные санкции являются дополнительными осложняющими факторами, но не основными причинами стагнации экономики. В этих новых условиях необходимо искать новые факторы роста, проводить институциональные реформы, направленные на создание стимулов экономического развития для всех агентов рынка [1, 2].

Бюджетные стимулы, как показывает опыт китайских экономических реформ начала 1980-х гг., представляют собой эффективный инструмент институционального влияния государства на всех экономических агентов. В этой связи обратимся к истории бюджетных реформ в Китае, проанализируем механизмы стимулирования экономического развития, которые они создавали для всех уровней бюджетной системы, для экономических агентов.

Сразу после начала собственно экономических реформ рыночного характера, а именно предоставления широких прав государственным предприятиям на самоуправление в 1977–1978 гг., предприятия начали больше средств направлять на зарплату рабочим и инвестиции в производство, что, в свою очередь, привело к падению налоговых

доходов бюджетной системы, к росту дефицита центрального бюджета [3]. Это потребовало проведения бюджетной реформы, которая была бы адекватна возникшим изменениям в экономике, возникновению рыночных механизмов в начальной форме, когда предприятия, при сохранении государственной формы, приобрели возможность конкурировать между собой, в частности продавая продукцию по рыночным ценам.

Как известно, государство играет большую регулирующую роль и в развитых рыночных экономиках, преимущественно с частными предприятиями, а в условиях Китая, где в это время предприятия оставались государственными, плюс само государство было авторитарным, централизованным, роль чиновников всех уровней была особенно высока. Без создания эффективных механизмов заинтересованности государственных и местных органов власти всех уровней (провинций, уездов, городов, деревень) в экономическом развитии своих территорий собственно экономические реформы вскоре зашли бы в тупик.

В этих условиях центральное правительство пошло на децентрализацию бюджетной системы в определенных сферах, предоставив субнациональным уровням государственного управления широкие бюджетные полномочия. Очень быстро эти реформы привели к снижению доли всей бюджетной системы в ВВП страны и к снижению доли доходов центрального бюджета в консолиди-

рованном бюджете страны [4]. Первое снизило налоговое бремя для экономики и стало самостоятельным фактором стимулирования экономического развития, который действовал многие годы и в известной мере действует до сих пор. Второе, а именно снижение доли центрального бюджета в консолидированном бюджете страны означало предоставление субнациональным уровням государства большей части налоговых доходов, что являлось дополнительным стимулом для них развивать экономику, а также давало больше возможностей правительствам провинций, уездов и городов в строительстве инфраструктуры, включая дороги, создании новых предприятий, стимулировании малого бизнеса.

Содержательно реформы первого этапа, проведенного в 1980–1984 гг., заключались во внедрении системы межбюджетных отношений, получившей в англоязычной литературе название «заключение фискальных контрактов» (Fiscal contracting system) [4], а в русскоязычной литературе называемой «одноканальная система» [5]. «Фискальные контракты» представляли собой договора между центром и субнациональными правительствами о пополнении бюджетов, которые не менялись несколько лет и тем самым создавали стимулы увеличивать налогооблагаемую базу. Тут мы видим несколько институциональных механизмов создания стимулов экономического роста. Во-первых, субнациональное правительство могло увеличить налоговые поступления в бюджет только за счет увеличения налогооблагаемой базы, т.к. центр устанавливал перечень налогов, базы налогов и ставки налогообложения, а также правила разделения бюджетных доходов между собой и провинциями.

Во-вторых, достигалась высокая автономия субнациональных правительств в построении отношений с нижестоящими уровнями административной и бюджетной систем, т.к. центр заключал индивидуальные соглашения с провинциями, а провинции устанавливали правила между собой и нижестоящим уровнем — префектурами, и так

далее до самого нижнего уровня бюджетной системы.

В-третьих, в этих соглашениях учитывались особенности каждой административной единицы, которые невозможно учесть в унифицированной схеме, и учет этих особенностей, стартовых возможностей каждой территории, позволял максимально мобилизовать потенциал их развития.

В-четвертых, соглашения заключались на несколько лет, что позволяло правительствам провинций, уездов и городов быть уверенными, что через 4-5 лет условия их работы будут неизменными, прогнозировать и планировать будущие бюджетные доходы. В результате неизменность соглашений на ряд лет создавала уверенность, что дополнительные доходы, которые они могли получить, не будут у них изъяты вышестоящим уровнем власти. Эта уверенность являлась мощным фактором стимулирования местных властей прилагать усилия к увеличению местной налогооблагаемой базы.

В-пятых, многообразие форм взаимодействия субнациональных бюджетов по вертикали позволяло выявлять лучшие практики для последующего распространения в других регионах, а также позволяло поэтапно двигаться от многообразия к унификации. Охарактеризуем вкратце основные этапы реформ, которые покрывали периоды: 1980–1984 гг., 1985–1987 гг., 1988–1993 гг., 1994 г.

На первом этапе реформ в 1980–1984 гг. осуществлялся экспериментальный поиск новых форм межбюджетных отношений, в основе которых лежали соглашения на 4 или 5 лет об основных параметрах бюджетных отношений [4]. Например, выплаты провинций Гуандун и Фуцзянь в центр были установлены на уровне отчетов за 1979 год и практически не менялись в течение 5 лет. Все доходы, независимо от их размера, которые провинции получали сверх этих отчислений в центр, оставались в их распоряжении, что создало для них мощные стимулы наращивать налоговые доходы на своих территориях. На этом этапе реформ также происходил постепенный переход государственных предприятий от передачи части своей прибыли в

бюджеты государства к выплате налогов [6, С. 192]. Поскольку доходы предприятий и налоги с предприятий местного подчинения поступали в местные бюджеты полностью, субнациональные правительства создавали предприятия местного подчинения, т.е. развивали малый и средний бизнес.

Эти эксперименты на втором этапе реформ (1985–1987 гг.) сформировались в три модели межбюджетных отношений центра с провинциями. Согласно первой модели, которая применялась в 13 провинциях, в их распоряжении оставался определенный процент налоговых сборов от совокупности местных и расщепляемых доходов на их территории, а остальная часть передавалась в Центр. Согласно второй модели, провинция выплачивала Центру не определенный процент доходов, а определенную абсолютную сумму, которая определялась соглашением. Все, что она собирала на своей территории свыше этой выплаты, оставалось в ее распоряжении и распоряжении нижестоящих уровней бюджетной системы [7, С. 88]. Согласно третьей модели, которая действовала для провинций, которые не могли покрыть собственными доходами свои расходы, устанавливались дотации, которые тоже носили жесткий характер в силу своей неизменности на 3 года. Увеличение поступлений от собираемых налогов не приводило к уменьшению дотаций, но и в случае уменьшения собственных доходов дотация не подлежала пересмотру в сторону увеличения. Это так же, как и в других моделях, создавало для дотационных провинций стимулы развивать местную налогооблагаемую базу [7, С. 89].

На третьем этапе реформ в 1988–1993 гг. система двусторонних соглашений между Центром и провинциями усложнилась, но соответствовала возросшему у всех уровней государственного управления пониманию ее стимулирующей роли, которое сформировалось в ходе применения ее простых форм на предыдущем этапе (фиксированная доля всех доходов, фиксированная сумма передаваемых в центр доходов, фиксированная дотация из Центра). Всего в эти годы при-

менялось уже шесть моделей межбюджетных контрактов [4].

Усложняющими моментами были: установление в некоторых соглашениях процента ежегодного роста доходов, причем одни провинции делили весь доход с учетом установленного роста с Центром в определенной, индивидуальной для каждой провинции пропорции, а в других соглашениях делился также установленный рост доходов.

Все перечисленные факторы бюджетного стимулирования субнациональных правительств развивать налогооблагаемую базу на своих территориях, вкуче с другими элементами экономических реформ, определили старт бурного роста экономики Китая [3, 6], продолжавшегося более 30 лет, в результате чего эта страна вышла на второе место в мире, после США, по ВВП в долларовом выражении.

Все эти реформы, запустившие экономический рост в Китае, критиковались некоторыми западными учеными [7, 8], а вслед за ними и российскими [9]. Критике подвергались отсутствие унификации, асимметричность в отношении провинций с Центром [8], двусторонние договора. В частности, Роу Болл и Кристина Уоллиш в 1995 году писали: «В Китае, начиная с середины 1980-х гг., многим провинциям были дарованы специальные права и привилегии. Фискальные соглашения, по которым провинции ежегодно поставляли в Центр фиксированный на пять лет размер доходов, позволял этим провинциям удерживать возрастающую долю доходов, которую они собирали». И далее они критиковали эту систему с точки зрения того, что центральный бюджет Китая в то время составлял меньшую часть консолидированного бюджета: «Хотя эти процессы были выгодны для провинций с этими специальными условиями, это наносило ущерб центральному правительству, ... подрывая его способность проводить фискальную политику по финансовой стабилизации» [8, С. 385].

Вместо «фискальных контрактов» эти ученые предлагали формульно-обоснованную и унифицированную систему межбюд-

жетных отношений, которую в Китае начали внедрять только с 1994 года [4], а в России в начале 2000-х гг. [10, 11]. Попытки осуществления в России бюджетных реформ, по примеру китайских, которые предпринимали некоторые российские регионы в 1992–1999 гг., создавая элементы двусторонних соглашений и внося асимметрию в федеративную конструкцию России, не получили продолжения [12]. Между тем, ряд западных ученых, в частности Б.Р. Вейнгагст, как раз положительно оценили китайскую модель бюджетного федерализма, называя его «федерализмом, создающим рынки», в отличие от российской модели [13].

Здесь решалась дилемма в выборе политики реформ: Роу Болл и Кристина Уоллиш указывали на недостатки одноканальной системы в части снижения центрального правительства проводить политику финансовой стабилизации, а Б.Р. Вейнгагст обращал внимание на возможности экономического роста, которые эта система создавала. Тем самым государство оказывалось перед дилеммой: либо выбрать финансовую стабильность и низкие темпы роста экономики, что и имеет

место быть практически все годы с начала экономических реформ в России в 1992 году, либо выбрать высокие темпы роста, которые наблюдаются в Китае более 30 лет с некоторыми рисками финансовой нестабильности, которые так и не случились.

Вывод

Спустя много лет, Россия стоит перед тем же выбором между политикой проведения реформ, которые создают риски финансовой нестабильности (нестабильность — это неизбежно «зло» реформ), но одновременно с потенциалом экономического роста и проведением политики сохранения инструментов финансовой стабилизации за счет сложившейся централизации бюджетной системы, однако при ограничении стимулов и возможностей для регионов и муниципалитетов проводить меры экономического роста на своих территориях.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16–06–00532а.

Список литературы

1. Кудрин А.Л., Гурвич Е.Т. Государственное стимулирование или экономические стимулы? // Журнал новой экономической ассоциации. 2015. № 2 (26). С. 179–185.
2. Полтерович В.М. Элементы теории реформ. М.: Экономика. 2007. 448 с.
3. Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим. М.: Новое издательство, 2016. 386 с.
4. Чунли Шэнь, Цзин Цзинь Хэн-фу Цзоу. Фискальная децентрализация в Китае: История, результаты, проблемы и дальнейшие шаги // Летописи экономики и финансов. 2012. Вып. 13, № 1. С. 1–51.
5. Лавров А., Христенко В. Экономика и политика российского бюджетного федерализма. М., 1999. [Электронный ресурс] URL: http://minfin.ru/ru/document/?id_4=4850&order_4=M_DATE&dir_4=DESC&page_4=825 (дата обращения 15.10.2016).
6. Жуджунь Дин, Ковалев М.М., Новик В.В. Феномен экономического развития Китая. Минск: Издательский центр БГУ. 2008. 446 с.
7. Бахл Р. Налогово-бюджетная политика в Китае: налогообложение и Межбюджетные отношения (АНН-Арбор: Мичиганский Университет). 1999. 237 с.
8. Бахл Р., Уоллич С. Межбюджетные отношения в Российской Федерации. В децентрализации социалистического государства: межправительственные финансы в странах с переходной экономикой. ЭЦП / Под ред. Р. Бёрд, Р. Эбель, С. Уоллич. Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк, 1995. 356 с.
9. Полищук Л. Российская модель «переговорного федерализма» (политико-экономический анализ) // Вопросы экономики. 1998. №. 6. С. 67–77.
10. Алексеев М.П., Курляндская Г.В. Фискальный федерализм и методы стимули-

рования в российских регионах // Сравнительная экономика. 2003. № 31. С. 20–33.

11. Мартинес-Васкес Д., Вох Д. Переход России к новому федерализму. Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк, 2001. 99 с.

12. Зулкарнай И.У., Бугера М.Е. Асимметрия Российской Федерации и совершенствование федеративной и региональной политики // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2000. № 6. С. 9–14.

13. Вейнгаст Б.Р. Экономическая роль политических институтов: рынка-сохранения федерализма и экономического развития // Законодательство, экономика и организация. 1995. Вып.11, № 1. С. 3–31.

References

1. Kudrin A.L., Gurvich E.T. Government Incentives or Economic Incentives? // Journal of New Economic Association. 2015. No. 2 (26). P. 179–185.

2. Polterovich V.M. Elements of the Theory of Reforms. M.: Economics, 2007. 448 p.

3. Coase R., Van N. How China Became Capitalist. M.: New publishing house, 2016. 386 p.

4. Chunli Shen, Jing Jin, Heng-fu Zou. Fiscal Decentralization in China: History, Impact, Challenges and Next Steps // Annals of Economics and Finance. 2012. Vol. 13, Issue 1. P. 1–51.

5. Lavrov A., Khristenko V. Economics and Politics of Russian Fiscal Federalism. M., 1999. [Electronic resource] URL: http://minfin.ru/ru/document/?id_4=4850&order_4=M_

DATE&dir_4=DESC&page_4=825 (accessed 15.10.2016)

6. Jugjun Dean, Kovalev M.M., Novik V.V. The Phenomenon of China's Economic Development. Minsk: Publishing center of BSU, 2008. 446 p.

7. Bahl R. Fiscal Policy in China: Taxation and Intergovernmental Fiscal Relations. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1999. 237 p.

8. Bahl R., Wallich C. Intergovernmental Fiscal Relations in the Russian Federation. In Decentralization of the Socialist State: Intergovernmental Finance in Transition Countries / Eds. R. Bird, R. Ebel, C. Wallich. Washington, DC: World Bank, 1995. 356 p.

9. Polishchuk L. Russian Model «Negotiating Federalism» (Political-Economic Analysis) // Problems of Economics. 1998. № 6. P. 67–77.

10. Alexeev M.P., Kurlyandskaya G.V. Fiscal Federalism and Incentives in Russian Regions // Comparative Economics. 2003. No. 31. P. 20–33.

11. Martinez-Vazquez J., Boex J. Russia's Transition to a New Federalism. Washington DC: World Bank, 2001. 99 p.

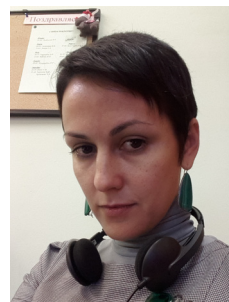
12. Zulkarnay I.U., Bугера М.Е. Asymmetry of the Russian Federation and Improvement of Federal and Regional Policy // Economy and Management: Scientific-Practical Journal. 2000. No. 6. P. 9–14.

13. Weingast B.R. The Economic Role of Political Institutions: Market-Preserving Federalism and Economic Development // Law, Economic and Organization. 1995. Vol. 11, No. 1. P. 3–31.

Гарипов Ф. Н.
Garipov F. N.

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН «Институт социально-экономических исследований» Уфимского научного центра Российской академии наук, г. Уфа, Российская Федерация

Гарипова З. Ф.
Garipova Z. F.

кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, ФГБУН «Институт социально-экономических исследований» Уфимского научного центра Российской академии наук, г. Уфа, Российская Федерация

УДК 330.34:338.436.33

К ПРОБЛЕМЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

В статье дана оценка современному состоянию агропродовольственной сферы экономики, освещены результаты реформирования сельской экономики, обоснованы ресурсы аграрного развития. Сформулированы основные приоритеты модернизации сельской экономики, дана оценка влиянию рыночной системы хозяйствования.

Сформулирован взгляд на место аграрного хозяйства в современной экономической системе, обоснованы практические направления его развития в составе народнохозяйственного комплекса. Даны основные выводы современного этапа поиска парадигмы развития социально-экономической системы России при тенденции глобализации мировой экономики и вступления России в ВТО. Изложен авторский взгляд на необходимость расширения экономических рычагов управления общественным развитием в рамках рыночных механизмов хозяйствования.

Отмечается, что рыночная система формирует практически слабо контролируемые обществом потребности человека, а философия индивидуализма недостаточно корректируется с общественными интересами. Доминирование рыночных начал в экономике меняет структуру личности в направлении усиления в человеке биологических начал. Ориентированная, как правило, на краткосрочные интересы рыночная система функционирования может привести к развитию в индивидуальном восприятии жизни. Общественное развитие подошло, по мнению авторов статьи, к рубежу необходимости трансформации рыночных отношений и дополнения их новыми элементами взаимоотношений в общественной системе организации жизни. Динамика процесса свидетельствует (это видно на примере экономически развитых стран), что поддержание экономического развития связано также с расширением масштабов применения не рыночных форм отношений. Позитивные результаты при этом свидетельствуют о возможности расширения инструментов управления общественным развитием. Развитие человеческой мысли и анализ опыта практической деятельности неизбежно приведут к пострыночным отношениям, базирующимся не на конкуренции, а на сотрудничестве и кооперации. Такая модель организации хозяйствования имела место и в истории развития России.

Ключевые слова: институциональное развитие, аграрная экономика, инфраструктура, биоклиматический потенциал, ресурс, агроклиматические условия, биологическое земледелие, модернизация, аграрная политика, рыночный аспект, экология.

THE PROBLEM OF INSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF THE ECONOMY

The article assesses the current state of agri-food sectors of the economy, are sanctified by the results of reforming the rural economy, proved resources of agrarian development. The basic priorities of the modernization of the rural economy, assessed the impact of market economic system.

Formulate a view on the place of agriculture in modern economic system, substantiated the practical direction of its development as part of an economic complex. Given the major findings of the current stage of development of the paradigm of search and social-economic system of Russia with the trend of globalization of the world economy and Russia's WTO accession. The authors' view on the need to expand economic social development of controls within the framework of market mechanisms.

It is noted that the market system produces practically poorly controlled society, human needs, and the philosophy of individualism is not sufficiently corrected with the public interest. The dominance of market principles in the economy is changing the structure of the individual in the direction of strengthening in the human biological principles. Oriented, as a rule, short-term interests of the functioning of the market system can lead to the development in the individual perception of life. Social development has come, according to the authors, to the turn of the need for transformation of market relations and complement them with new elements of the relationship in the public system of organization of life. The dynamics of the process shows (exemplified in the economically developed countries) that support economic development as related to the expansion of the scope of application is not market forms of relations. Positive results in this case show the possibility of expanding the social development of management tools. The development of human thought and analysis of the experience of practical activity will inevitably lead to post-trynochnym relations based not on competition, but on cooperation and collaboration. This model of organization of management has taken place in the history of Russia's development.

Key words: institutional development, agrarian economy, infrastructure, bioclimatic potential, resource, agro-climatic conditions, biological agriculture, modernization, agricultural policy, market aspect, ecology.

Введение

Россия продолжает оставаться в поле поиска формирования парадигмы развития социально-экономической системы страны, повышения результативности хозяйствования, качества и уровня жизни населения. Из отечественного и мирового опыта известно, что эти задачи в неотдаленном будущем могут быть решены при условии более полного и рационального использования внутренних резервов страны, организации хозяйствования на основе эффективных направлений ведения дела. Более того, из единичных примеров известно, что резервы стабильного экономического функционирования отраслей народного хозяйства страны и регионов у нас значительны.

Исторически сложившиеся границы делают Россию одним из немногих государств мира, располагающих условиями для

неуклонного экономического развития. Ее территория весьма щедро насыщена природными ресурсами, они разнообразны по наименованию и достаточны по запасам для обеспечения непрерывного улучшения хозяйственных показателей. Росту производственной деятельности благоприятствуют так же резервы экологической емкости территории. По современным представлениям около четверти экологических ресурсов мира связаны с нашей страной. Имеется в рамках страны и рабочая сила, хотя она за годы реформ заметно потеряла в качественной характеристике.

Несмотря на эти условия, по удельному значению выработки валовой продукции средний российский житель в мировом рейтинге остается на незавидном месте, и откат по этому показателю продолжается. Хозяйственный комплекс страны во многих

областях экономики пережил новый виток деиндустриализации, и в результате положение еще более усугубилось. Стало очевидным, что рыночные механизмы были положены на неподготовленную почву. Они, по существу, были дискредитированы в наших условиях. В эти годы существенно ослабло экономическое взаимодействие территориальных образований, государство «ушло» из экономики, одновременно усилилась боязнь развала страны. Все это привело к тому, что в настоящее время из регионов России лишь 11–12 являются донорами, остальные дотационны [1]. Это значит, что подавляющее большинство территориальных образований страны остается в зоне убыточности. Чрезмерная централизация денежных ресурсов страны привела к формированию импульсов экономического роста в зависимости преимущественно от политических, а не экономических соображений.

Разлад в экономических отношениях, отсутствие необходимого контроля над ситуацией обернулись перераспределением национального богатства (20 % населения страны овладело 80 % богатства страны) и породили клан олигархов, которые завладели «командными позициями» не только в экономике, но и в политике. Хозяйственное развитие оказалось ориентированным на экспорт сырья, а внутренний рынок — на товары, произведенные зарубежными предприятиями. Такое направление развития не могло не привести к утрате экономических возможностей предприятий промышленности и агросферы; произошла трансформация мотивации труда. И главной целью общественного развития стало извлечение максимума прибыли, и к тому же сегодня же. И в сознании российского чиновничества укоренилась «философия выживания». Еще острее стал вопрос в убежденности догоняющего развития и, развиваясь ускоренными темпами, преодолеть эту полосу неудач и встать вровень с развитыми странами мира [2].

В годы реформ, пожалуй, больше всего «досталось» аграрному сектору. В историческом срезе радикальные перемены чаще всего пробуются изначально на крестьянстве.

Это связано, прежде всего, с тем, что крестьянство наиболее терпеливый слой общества, и оно за счет наличия подсобного хозяйства в состоянии бывает смягчить негативные удары крутых перемен в производственно-экономических отношениях. Специфика агросферы состоит еще и в том, что конечный результат труда в ней определяется под воздействием естественных природных факторов. Именно последнее позволяет скрадывать результаты организационно-экономических перемен, поскольку порою бывает сложно оценить значение человеческого труда и влияние природы на результат.

Однако изменения в земельных вопросах, в организации межотраслевых отношений в народнохозяйственном комплексе страны и, наконец, новые отношения между государством и крестьянством на этот раз не оставили сомнения в превалирующем влиянии организационного фактора на результаты производства в аграрном секторе. Аграрные реформы не учли ряд специфических особенностей ведения дела в этой отрасли у нас как сфере реальной экономики, а также ряд особенностей результата российского сельского хозяйства, которые во многом определяются под воздействием естественно-природных факторов.

Сравнительно низкий уровень доходности земледелия, сезонный характер труда и получения результата и его запаздывание реально снижают интерес к инвестированию в аграрное дело. Капитал по канонам экономических интересов «не бежит» в эту сферу. А у крестьян, получивших земельную долю, не имеется ни сил и ни средств самостоятельно преодолеть эти естественные трудности. А у тех, кто приобрел земельные участки, как выяснилось впоследствии часто «про запас», отсутствует экономический интерес в существенных вложениях в аграрное дело.

Земледельческая отрасль производства в ближайшие годы при нынешних экономических ориентирах правительства будет оставаться низкодоходной отраслью экономики. Это можно предположить с большой долей уверенности. В связи с этим для преодоления сложившейся ситуации и возврата в хозяй-

ственный оборот ныне заброшенных земель требуются государственные реально выполняемые законодательные акты поддержки аграрного сектора.

Между тем российское руководство продолжает искать выход из проблемы «вне себя», путем переустройства организационных форм хозяйствования на земле. Можно заметить, что этот курс не обеспечит желаемого результата. К этому убеждению со временем придется обязательно, а пока теряем не только время, но и невозобновляемые сырьевые ресурсы страны, обменивая их на производимые за рубежом продовольственные ресурсы. Эта стратегия работает, в конечном счете, в интересах других экономик, а не отечественной. Природный потенциал российских нив, по оценке экспертов, достаточен, чтобы прокормить порядка 700–800 млн человек. Мы же сегодня не обеспечиваем потребности в продовольствии даже 142 млн нашего собственного населения.

Все более очевидной становится необходимость пересмотра аграрной политики в связи с передовыми и приемлемыми для нас образцами современного опыта мировой и отечественной практики. В условиях высокой ограниченности экономических ресурсов преобладающее значение следует отдать селективной поддержке хозяйств и территорий, демонстрирующих умение эффективно хозяйствовать, лучше использовать производственные ресурсы, в том числе природные условия. На наш взгляд, назревает необходимость в разработке для широкого применения методического подхода оценки аграрного потенциала территорий и отдельных предприятий и уровня его фактического использования.

Необходимость в этом усиливается ввиду наблюдаемого нередко небрежного отношения к производственным ресурсам, в большей мере из-за отсутствия заинтересованности в развитии производства, а также и тем, что налоговую базу образуют, главным образом, физические размеры площади угодий. Ощутимый ущерб сельскохозяйственному производству терпит в настоящее время из-за разбазаривания природных ресурсов. В

первую очередь это касается использования земельных и водных ресурсов. Сегодня допускается снижение продуктивности пахотных угодий. Деградация земельных ресурсов — явление, характерное для мира в целом. Снижение уровня естественной продуктивности угодий до начала аграрных реформ предотвращалось необходимой ответственностью землевладельца. Затем эта работа пришла в упадок.

За годы реформ в целом по стране в 4 раза сократилось внесение в почву минеральных удобрений и в 5 раз — органических, а парк поливальных агрегатов уменьшился в 15 раз. Одновременно с ухудшением производственных условий разрушаются социальные и культурные основы села. Село идет к дальнейшему падению; оно во многих регионах вымирает: за годы реформ не обусловленные тенденцией урбанизации исчезли около 20 тыс. деревень, а в 5 тыс. из них проживают ныне менее 10 человек. Упадок сельской экономики отразился на жизненном уровне населения страны в целом.

Попытка прямого воздействия на уровень питания населения, его сбалансирование по основным компонентам рациона за счет импорта не приносит ощутимого результата, сохраняется угроза здоровью населения страны. По информации Фонда защиты прав потребителей, на мелкооптовых и продовольственных рынках до 85 % продуктов питания в разной степени фальсифицированы, несмотря на созданные многочисленными органами контроля качества пищевых продуктов. Они сегодня разбросаны по разным надзорным структурам, в результате снижается эффективность их деятельности, имеет место дублирование функций и перекалывание ответственности. Такая ситуация устраивает рынок, он в этих условиях «набивает карманы». Сегодня на продовольственных рынках страны успешно реализуется большое количество продовольствия, произведенного в стране с использованием импортных компонентов, обозначенных индексом «Е», которые по существу запрещено использовать при выработке продовольствия в экономически развитых странах мира [3].

В то же время Россия располагает около 9 % мировой пашни, владеет крупными запасами черноземов, лесов, пресной воды, производит более 8 % мирового объема минеральных удобрений, обладает огромным количеством органических удобрений — прежде всего отходов отрасли животноводства, образующихся в результате длительного стойлового периода. Россия, тем не менее, испытывает недостаток в продовольствии собственного производства, импортируя около половины потребляемых в стране продуктов питания. Складывается противостественная ситуация.

Требуется ускоренно осуществить структурно-технологическую модернизацию аграрной отрасли в направлении формирования организационно-экономических возможностей вовлечения в хозяйственный оборот потенциальных ресурсов развития и экономического роста сельских территорий, не уповая лишь на изменение организационных форм хозяйствования. Одновременно необходимо организационно-экономическими рычагами добиться активного влияния на повышение заинтересованности массового крестьянства в общественно-полезном труде. Если эти направления совершенствования аграрной политики составят основу императива аграрного развития, то образуются условия, ориентирующие возвращение России продовольственной безопасности и повышение уровня жизни всего населения страны. Они одновременно лежат в основе формирования возможности устойчивого развития наравне с государственным организационно-экономическим содействием аграрному аспекту деятельности, преодоления ее низкой рентабельности и повышения инвестиционной привлекательности. Исходные условия к такому повороту в агросфере в современных условиях имеются. Социально-ориентированное развитие предполагает обязательную реализацию некоторых стратегических постулатов в экономической политике. Прежде всего, в наших условиях это сокращение до разумных размеров вывоза финансовых ресурсов за рубеж и усиление роли «длинных кредитов» внутри страны; переход от ориентации на развитие

спекулятивного капитала на производство продукции конечного передела.

В развитии аграрной деятельности следует придерживаться, и как можно активнее, современных взглядов [4]. Наиболее привлекательным в этой связи представляются возможные направления развития растениеводства в рамках биологического земледелия. В этой связи заметим, что сегодня в научных кругах оспаривается очевидная вредность здоровью человека потребления генетически модифицированных продуктов. Практики исходят из того, что селекционная работа на уровне генов растений позволяет существенно увеличить урожай. Вместе с тем проблемы воздействия на организм человека продуктов ГМО исследуются в ряде научных лабораторий мира. В частности, французские исследователи этого вопроса вынуждены были даже отозвать ранее распространенные ими выводы о предрасполагающем влиянии их потребления на раковые заболевания. Стало превалировать мнение о том, что в природе (дикой) нет растения, дающего пшеничное зерно. И этот результат получен вследствие отбора растений с генетическим отклонением. Французские биологи даже извинились, что они в свое время поспешили распространить мнение о вредности продуктов, полученных в результате генетической модификации.

При модернизации аграрной политики следует исходить из коренных отличий хозяйственной деятельности на земле с целью получения продовольственных ресурсов от других направлений деятельности. Общеизвестно, что земля дает человеку возможность возводить на ее поверхности различные производственные и жилищные объекты, в недрах содержит полезные ископаемые ресурсы, на поверхностном слое — в гумусном срезе — является еще питательной средой для растений. Именно этот срез мы подразумеваем, говоря о земле для аграрной деятельности. Необходимо помнить и о том, что в аграрной деятельности весомо значение и других природных факторов: естественное плодородие обрабатываемого поверхностного слоя, сила солнечной энер-

гии, условия естественного увлажнения, распределения температуры окружающего воздуха и т.п. Все это бесплатные дары природы. В то же время они не могут оставаться неизменными, хотя и в природно-производственном цикле присутствуют и потребляются независимо от воли человека.

В силу этих и некоторых других причин аграрно-хозяйственная деятельность требует особого, отличного от других видов деятельности подхода к оценке результата, проявление которого имеет специфическую отраслевую окраску. А именно, если в большинстве других видов деятельности мы ориентированы на результат преимущественно в одном производственном обороте, то в земледелии такой подход не всегда оправдан и более всего страдает бесперспективностью. По инерции мышления в этой сфере мы часто хотим мгновенного, крупного дохода, и если этого не предвидится, то этим делом предпочитаем не заниматься. А между тем в этой сфере этого может и не быть, особенно тогда, когда вовлекаются ресурсы малопродуктивных и не «удобных» участков земли.

В этой связи следует отметить особо значение упомянутого обстоятельства и исходить из того, что аграрное использование земли (с большей или меньшей пользой) необходимо для удержания территории, и это особенно важно в приграничных зонах. И становится это идеологическим и политическим вопросом, связанным с сохранением земель в границах государства. И не сложно представить, что в современных условиях непрерывного роста численности населения планеты и все уменьшающейся долей земли на душу населения, а также все обостряющейся проблеме питания, наличие пустующих угодий, не вовлекаемых в полезное использование, по большому счету аморально и не оправдано идеологически при тенденции глобализации мира.

Следует безотлагательно расширить взгляд на эту проблему, исходя из интересов сохранения наших земель под контролем нашего же государства. Это одна из глобальных проблем современной России, и она

встает наравне с другими аспектами функционирования нашей экономики.

Задачи модернизации аграрной политики

Агрореформы, расстроив сложившуюся организационную систему хозяйствования на земле, привели к потере способности действующих производственных единиц использовать в прежних масштабах земельные угодья. Сократились площади обрабатываемых земель и в результате раздачи приватизационными долями их крестьянам, отвода под жилищное строительство, расширения производственных площадей промышленных предприятий и т.п. Из сельскохозяйственного оборота оказалась выключенной примерно пятая часть сельхозугодий, использовавшейся непосредственно в аграрном производстве. Часто новые хозяева земли оказывались не в состоянии выполнить требование регламента (закона) о незамедлительном использовании приобретенных участков для производства сельскохозяйственной продукции.

В то же время общий низкий уровень доходности вложений в землю сегодня снижает интерес к активным инвестициям в земледелие. К тому же земли, как выясняется впоследствии, в ряде случаев приобретаются имеющими значительные денежные накопления олигархами «про запас», исходя из логики, что эти финансовые ресурсы никогда не обесценятся. Такие площади не «работают» на пополнение продовольственных ресурсов и, более того, подталкивают к снижению рыночной цены земли. Проигрыш двойной.

Нет сомнений в том, что аграрная деятельность в ближайшие годы останется сравнительно низкодоходной отраслью экономики. Понятно, что преодоление сложившейся ситуации и вовлечение в хозяйственный оборот ныне пустующих земель в этих условиях возможны лишь при росте эффективности земледельческой деятельности. Этому может способствовать государственная поддержка курса на повышение экономической эффективности производственной деятельности во второй сфере АПК с учетом уровня отдачи в других сферах комплекса.

Навязанные извне преобразования сельского хозяйства привели к негативным последствиям. Отрасль, определяющая возможности экономического развития всего народного хозяйства откатилась на много лет назад по объему выпускаемой продукции и качеству жизни самого сельского населения. В результате страна попала в продовольственную зависимость от западных стран, и продовольственное обеспечение населения страны вошло в крайне невыгодное, стратегически проигрышное русло — обмена невозобновляемых ресурсов на природно-воспроизводимые.

Одновременно сложившееся отношение к аграрному сектору вызвало разрушение и экономического и природного основы его деятельности. Реформирование организационных форм ведения сельскохозяйственной деятельности предвосхитило скатывание отрасли к мелкотоварному производству с растущими признаками натурального хозяйства с низкой товарностью, а в технологической схеме возросла доля ручного труда. В результате снижается продуктивность пахотных угодий и, как следствие, сокращаются возможности для вложений.

Продолжают разрушаться социальная и культурная основы села: закрываются детские сады и школы, прекращают свою деятельность клубы, библиотеки. Село неуклонно идет к затуханию.

Масштабный упадок сельской экономики негативно отразился на жизненном уровне всего населения страны. Сегодня около 10 % россиян голодает, еще 20 % — недоедает. Белковый дефицит, особенно животных белков, испытывает более половины населения страны.

Выправление положения возможно только при существенной помощи селу государства: на уровне не менее чем 20–25 % расходной части федерального бюджета (фактически сегодня около 2 %). В странах Европы к примеру тратится почти треть бюджета.

Наша аграрная стратегия должна исходить из того, что в России каждые 20–25 лет случаются или очень большая жара, или очень сильные морозы.

Противостоять этим негативным явлениям природы раньше могла хорошая материально-техническая оснащенность села. Так, в недавнем прошлом страна выпускала в год почти 500 тыс. тракторов. Оставшиеся сегодня 5 заводов в 2010 г. не произвели и 15 тыс. машин. В то же время один Минский тракторный завод изготавливает 60 тыс. тракторов, причем пятидесяти видов и модификаций.

В 50-е годы XX века в стране было посажено почти 2,5 млн га леса, протяженность полезащитных лесополос составила 5 тыс. км. В эти годы усилилось также внимание к водоемам, были проложены новые каналы, выполнена уникальная мелиоративная работа. Все это спасало от засухи. Около 4 тыс. водохранилищ позволяли существенно улучшить состояние окружающей среды.

В период перестройки за 10 лет лесопосадки в стране сократились в 3 раза. Мы не можем не помнить, что немцы, вырубив на больших площадях леса, испытали последствия этого: мелели реки, ручьи высыхали и т.п. И 45 % территории они затем засадили культурными лесами. Игнорирование этих фактов привело к тому, что по сведениям МЧС РФ от засухи в 2010 г. пострадали 22 тыс. сельскохозяйственных предприятий, ущерб сельского хозяйства — 39 млрд руб.

Между тем, спрос на продовольственные ресурсы в мире не удовлетворен, голодает примерно 1/3 населения планеты. Производить можно намного больше и нам. Более того, сегодня сама РФ, утратив продовольственную безопасность, потребляет в большинстве случаев низкокачественное импортное продовольствие.

Земля, что касается ее поверхностной площади, не воспроизводима (невозможно увеличить площадь суши). Около 1/3 земной поверхности — суша (2/3 занимает вода), и примерно треть этой суши используется для производства продовольствия. Но этого оказывается недостаточно.

В отдельных странах азиатско-африканского континента за счет вырубки лесов, засушивания болот (правда, ныне в затухающих масштабах) ведется работа по увеличе-

нию посевных площадей. Но эти меры дают весьма ограниченные результаты по расширению посевных площадей. Более того они перекрываются изъятием земель из сельскохозяйственного оборота. Между тем площадь земли в целом постоянна. Воспроизводим только уровень ее продуктивности: естественным путем (самовосстановление, если не нарушен баланс составляющих почвы и если не разрушен ее гумусный слой) и путем целенаправленного воздействия людей [5].

Поэтому по большому счету земля невоспроизводима, за исключением уровня плодородия поверхностного слоя. Именно поэтому история развития человечества изобилует войнами с целью ее захвата у других народов и стран.

В целом, несмотря на определенную прибавку продовольственных ресурсов за счет мирового океана, земля (суша) остается базисом для производства продовольственных ресурсов, и уровень питания в решающей мере зависит от ответственного и рационального (грамотного) пользования ее потенциалом.

Узость подхода к проблеме функционирования и развития аграрной хозяйственной деятельности, расширения масштабов выработки продовольственных ресурсов обусловлена традиционным мышлением. В первую очередь, это связано с подходом к распределению имеющихся у государства ограниченных финансовых ресурсов (и материальных тоже). Довлеющий при этом принцип — выделить деньги, прежде всего, в те сегменты экономики, где более высокая отдача с тем, чтобы расширить за счет сфер экономики, где выше рентабельность, финансовую базу развития. Теоретически верное рассуждение натывается на жизненные реалии, т.е. приток финансовых ресурсов все продолжает поглощаться другими отраслями хозяйства и практически не происходит наращивание финансовой инъекции аграрному сектору. И потом, на практике, как правило, не бывает ситуации, когда складывается «финансовый рай» и некуда девать деньги. Бытует еще одно суждение: незаработанные деньги

закрепляют иждивенческое настроение у крестьянства.

Для вытаскивания ситуации и создания устойчивой тенденции к позитивному развитию в аграрном секторе требуется скоординированное воздействие сразу на два ключевых элемента системы: человек (крестьянство) и производство. Их даже не следует разбирать исходя из классической схемы оценки, что в первую очередь, что потом. Необходимо только одновременно продвигать эти моменты. В жизни они настолько тесно переплетены, что «вытаскивание» по очереди связано и с большими вложениями и требует большего суммарного времени для достижения желаемого рубежа.

В целом аграрное отставание сегодня завывает общее развитие всего народного хозяйства и связано с непосредственным воздействием на здоровье населения (нации) как через питание, так и воспроизводство более физически здорового человека, приученного к тому же труду с малых лет жизни.

В этой стратегии успех непосредственно связан с допуском активного участия самих селян (крестьянства) в поисках глобальных путей развития в направлении достижения сбалансированности хозяйственной структуры страны и более гармоничной компоновки национальной экономики.

Эти рубежи лежат в более широком взгляде на аграрное развитие, обеспечивая приоритет этой сфере в государственном масштабе и изменение взгляда на идеологию развития России.

Заключение

К началу XXI в. мир столкнулся не только с все обостряющимися экологическими проблемами, но и с социально-экономическим кризисом, ставшим следствием реализации модели развития, принятой западной техногенной цивилизацией. Этот путь сегодня в значительной мере копируют страны «третьего мира». В то же время известно, что при достижении в мире доходов на душу на уровне США природные ресурсы планеты будут вскоре исчерпаны, и мир достигнет глобальная экологическая катастрофа.

Рынок формирует неконтролируемые потребности человека. Философия индивидуализма, лежащая в основе рыночных принципов развития, таит в себе постоянную угрозу создания катастрофических явлений в экономике, социальной сфере, культуре, экологии. Этот вывод подтверждается современной действительностью: постоянно возникают финансово-экономические кризисы, снижаются социальные стандарты жизни большинства населения, происходят культурное и духовное перерождение, пробуждение и формирование низменных инстинктов у людей, нарастание экологических проблем. При этом серьезную опасность для человечества представляют индивидуумы, облеченные большой властью (крупные политические деятели), но не обладающие необходимыми знаниями и в результате способные принять неверные решения с далеко идущими последствиями. Современное общество с доминированием рыночных отношений меняет структуру личности, усиливая в ней биологическое начало.

И не удивительно, что идеи рынка все больше подвергаются критике. Рынок плохо приспособлен к перспективным интересам будущих поколений, связанным с использованием ресурсов окружающей среды, находящихся в общественной собственности. Он преследует краткосрочные интересы, и это может привести к неверному направлению развития. И это суждение находит растущее понимание. В результате растут предложения об усилении роли механизмов и масштабов госрегулирования, т.к. «чистая» рыночная конкуренция и стремление к максимальной прибыли не способны обеспечить решение стоящих перед обществом проблем (Валентей, Нестеров). Так, известный экономист Боулдинг отмечает, что в экономике производительность ни в коей мере не является желаемой целью, а наоборот, должна рассматриваться как нечто, что следует ограничивать, а не возводить в максимум. Основным мериллом успеха хозяйства вовсе не являются производство и потребление, а характер, размеры, качество и сложность всех ценностей, вклю-

чая состояние человеческого организма и духовного мировоззрения [3].

Правомерна постановка вопроса о трансформации рыночных отношений в иные формы взаимоотношения членов общества, разрешающие имеющиеся противоречия и позволяющие развиваться на коэволюционной основе — в согласии с природой. Уже есть такие ростки. Это корректирующие функции экономических отношений, осуществляемых государством (в развитых странах), которые не могут считаться рыночными методами, используются в прямом и косвенном регулировании пропорций в экономике. В частности, это государственный заказ, инвестиции и закупки продукции, финансирование фундаментальной науки, ВПК, аэрокосмических программ и т.п. Косвенные приемы связаны с налоговыми и таможенными льготами, дешевыми кредитами и другими средствами структурной политики. Государство осуществляет регулирование цен и правил ценообразования, определяет правила и механизмы взаимодействия рыночных агентов в широком диапазоне — от правил торговли до антимонопольного законодательства. Оно также устанавливает нормативы качества на сельскохозяйственную продукцию и продовольствие, регламентирует нормы загрязнения окружающей среды и многое другое.

Выводы

Наличие нерыночных форм и расширение масштабов их применения в рыночной экономике с целью сглаживания порождаемых ею противоречий указывает на то, что они постепенно снижают значение рыночных отношений. Видимо, придут пострыночные отношения, основанные не на конкуренции, а на сотрудничестве и кооперации, которые позволяют, как правило, добиваться большей результативности. Они способны решать противоречия рыночных отношений. Возможны и другие сценарии развития.

Однако процесс кардинальной трансформации рыночных отношений является, очевидно, не близкой перспективой, хотя окружающая среда уже сегодня нуждается в защите.

Поддержание достигнутого уровня жизни, тем более его повышение, в наше время все в большей мере связывается с ростом ответственности и рациональности хозяйствования с учетом долговечности последствий

принимаемых решений сегодня, и становится очевидным, что техногенная цивилизация исчерпывает себя как единственное направление развития.

Список литературы

1. Республика Башкортостан в цифрах: стат. сборник. Уфа: Башкортостанстат, 2013. 202 с.
2. Ахметов Т.Р. Государственная политика адаптации к условиям глобализации мировой экономики: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2008.
3. Боулдинг П. Детерминанты и последствия демографических тенденций. Нью-Йорк: ООН, 1975. 1038 с.
4. Фигуровская Н. Экономическая стратегия аграрного развития // Экономист. 2010. № 8. С. 82–86.
5. Растяников В.Г., Дерюгина И.В. Два технологических способа производства в сельском хозяйстве Запада и Востока // Вопросы статистики. 2013. № 11.

References

1. Republic of Bashkortostan in Figures: Statistics Collection. Ufa: Bashkortostanstat, 2013. 202 p.
2. Akhmetov T.R. State Policy of Adaptation to the Conditions of Globalization of the World Economy: a Collection of Articles of International Scientific-Practical Conference. Ufa: ISEI USC RAS, 2008.
3. Boulding P. Determinants and Consequences of Population Trends. New York: UN, 1975. 1038 p.
4. Figurovskaya N. Economic Strategy of Agricultural Development // The Economist. 2010. No. 8. P. 82–86.
5. Rastiannikov V.G., Deriugina I.V. Two Technological Mode of Production in Agriculture of West and East // Questions of Statistics. 2013. No. 11.

Чотонов М. М.

Chotonov M. M.

*кандидат экономических наук, доцент, ректор,
Кыргызский государственный университет
культуры и искусств им. Б. Бейшеналиевой,
г. Бишкек, Кыргызская Республика*

УДК 330

МЕТОДЫ БЮДЖЕТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

При разработке и реализации модели социальной защиты каждая страна учитывает особенности развития своего общества и степень обеспеченности ресурсами выбранного курса. При этом необходимо достижение согласия в обществе по отношению к стратегическому направлению и распределению финансовых ресурсов. Одна из таких идей, поддержанная большинством участников процесса подготовки Программы развития социальной защиты населения Кыргызской Республики на 2015–2017 годы, заключается в том, что в рамках данной Программы необходимо дальнейшее совершенствование стандартизации социальной защиты с учетом международного опыта и норм. Рассмотрению этих вопросов и прогнозированию наиболее благоприятных механизмов достижения намеченных целей в сфере социальной защиты и социального развития и посвящена данная статья.

Ключевые слова: бюджет, экономика, социальная сфера, социальная защита, программа, стратегия, реализация.

METHODS OF BUDGETARY REGULATION OF SOCIAL PROTECTION OF POPULATION OF THE KYRGYZ REPUBLIC

In designing and implementing social protection model, each country takes into account the development of their society and the degree of availability of the selected course resources. It is necessary to reach an agreement in a society in relation to the strategic direction and allocation of financial resources. One such idea, supported by the majority of participants Social Protection Development Programme preparation process of the population of the Kyrgyz Republic for 2015–2017 years, is that under this program need to further improve the standards of social protection, based on international experience and standards. Consideration of those issues and predict the most favorable mechanisms for achieving the objectives in the field of social protection and social development and the focus of this article.

Key words: budget, economy, social sphere, social protection, program, strategy, implementation.

Понятие «социальная защита» имеет длительную историю и различные варианты его применения в международной практике. Но несмотря на это, на сегодняшний день не имеется общепризнанной стандартной модели социальной защиты. При разработке и реализации модели социальной защиты каждая страна учитывает особенности развития своего общества и степень обеспеченности ресурсами выбранного курса [1]. Для

этого необходимо достижение согласия в обществе по отношению к стратегическому направлению и распределению финансовых ресурсов. Одна из таких идей, поддержанная большинством участников процесса подготовки Программы развития социальной защиты населения Кыргызской Республики на 2015–2017 годы, заключается в том, что в рамках данной Программы необходимо дальнейшее совершенствование стандартизации

социальной защиты, с учетом международного опыта и норм.

В соответствии с Конституцией Кыргызской Республики в редакции от 27 июня 2010 года, Кыргызская Республика признает одной из высших ценностей право человека на социальную защиту и проводит политику, направленную на утверждение в обществе социальной справедливости. Правительство Кыргызской Республики, в свою очередь, обеспечивает преимущество ценностей и принципов социальной справедливости, заложенных в Стратегии развития социальной защиты населения Кыргызской Республики на 2012–2014 годы [2]. Основываясь на этих положениях, Программа на 2015–2017 годы также нацелена на оказание адресной социальной помощи наиболее уязвимым категориям граждан, стимулирование экономической активности трудоспособного населения и оказание содействия в выходе из трудной жизненной ситуации.

Задачи обеспечения минимального уровня материального благополучия нуждающихся граждан, которые были определены в Стратегии на 2012–2014 годы, остаются приоритетами государства в Программе на 2015–2017 годы [3]. При обеспечении социальной защиты населения государство будет придерживаться тех же принципов, что и в Стратегии на 2012–2014 годы: ценность семьи; адресность, адекватность и достаточность мер социальной защиты, отвечающих минимальным потребностям получателей; прозрачность; гарантированность и доступность; комплексность социальных услуг и возможность их выбора; обеспечение равных возможностей и доступа к социальным услугам и благам всех лиц независимо от социального, имущественного, возрастного, этнического, полового и других статусов; ответственность органов государственной власти и местного самоуправления.

Кыргызстан признает международные соглашения в сфере социальной защиты и допускает, что субъектом социальной защиты могут являться не только государственные органы и органы местного самоуправления, но также бизнес, неправительственные орга-

низации и международные партнеры по развитию при значительной координирующей роли государства.

В свою очередь, Организация Объединенных Наций (ООН) ставила целью включить социальную защиту в повестку дня в области развития и роста экономических показателей на период после 2015 года. Таким образом, удовлетворение нужд людей, живущих в крайней бедности, борьба с неравенством, защита прав человека и их социальная защита становятся тематикой глобального развития в рамках системы ООН. Кыргызстан также должен быть готов к ожидаемым глобальным изменениям в сфере социальной защиты.

В перспективе, учитывая международный опыт, планируется создать национальную модель социальной защиты населения, опираясь на исторические традиции и менталитет общества.

Социальная политика Кыргызской Республики в период с 2012 по 2014 гг. была направлена на выполнение в полном объеме гарантированных социальных обязательств государства. Динамика реального роста ВВП в Кыргызстане за годы реализации Стратегии на 2012–2014 годы была достаточно неустойчивой: в 2012 году произошел спад экономики на 0,9 %, в 2013 году реальный рост экономики составил 10,5 %. Номинальная величина ВВП составила в 2012 году 304,4 млрд сомов, в 2013 году — 350 млрд сомов. Несмотря на падение экономики в 2012 году, рост доходов республиканского бюджета составил 12,1 % в 2012 году, в 2013 году — 17,1 % [4].

В период реализации Стратегии на 2012–2014 годы бюджет Министерства социального развития Кыргызской Республики увеличился на 25,3 % и составил 7505,1 млн сомов. Несмотря на такую динамику, размеры государственных социальных пособий не достигли официально признанного стандарта уровня жизни — прожиточного минимума.

Если уровень бедности в Кыргызстане все еще оставался одной из острых социальных проблем, то уже в 2013 году наметилась тенденция к снижению уровня бедности до 37 %, что было обеспечено в основном за счет комплекса экономических и социальных

мер по улучшению уровня жизни населения, предпринятых государством. Так, за чертой бедности в 2013 году проживали 2 млн 135 тыс. человек, из которых 73,6 % являлись жителями сельских населенных пунктов [5]. Уровень бедности в городских населенных пунктах снизился на 6,9 процентных пункта, а в сельской местности увеличился на 1,8 процентных пункта.

Доходы населения в 2013 году возросли на 3,7 % и составили 3336,3 сома в месяц. Основная часть доходов населения формировалась за счет доходов от трудовой деятельности (63,8 %). В период с 2011 по 2013 годы минимальный размер заработной платы увеличился на 21,7 % и составил 840 сомов. Среднемесячная номинальная заработная плата на одного работника в 2013 году составляла 11426 сомов и по сравнению с 2012 годом увеличилась на 4,9 %, а ее реальный размер, исчисленный с учетом индекса потребительских цен, уменьшился на 1,6 %. По данным исследований, в 2012 году 52 % заработной платы в бизнес-структурах выплачивали с искажением отчетности налоговых и социальных отчислений, 39-42 % экономики находились в тени [5].

Второе место в составе доходов населения занимают социальные выплаты. В 2013 году средний размер пенсии по сравнению с 2012 годом увеличился на 5,9 % и составил 4432 сома. Соотношение среднего размера пенсии и прожиточного минимума пенсионера составляло 10,5 %, в 2012 году — 10,7 %. Среднегодовая величина прожиточного минимума составляла 4599,2 сома и по сравнению с 2012 годом (4341,15 сома) возросла на 5,9 % [6].

Средний размер ежемесячного пособия малообеспеченным семьям (ЕПМС), имеющим детей, увеличился на 59,8 % (с 305,0 сома в 2011 году до 487,4 сома в 2013 году). Соотношение размера ЕПМС к прожиточному минимуму увеличилось на 4,3 процентных пункта. В рамках реализации Стратегии на 2012–2014 годы размер гарантированного минимального дохода (ГМД), с помощью которого назначается ЕПМС, повысился с 370 до 640 сомов (270 сомов, или 73 %) [7].

В целом же средний размер ежемесячного социального пособия (ЕСП) составил 2405,7 сома, а соотношение размера ЕСП к прожиточному минимуму составило 52,3 %.

Анализ показывает, что размеры социальных выплат значительно влияют на уровень крайней бедности. При этом эффект сокращения бедности имеет место больше благодаря повышению размеров пенсий.

В целях продолжения курса социальной политики, с учетом опыта реализации Стратегии на 2012–2014 годы, основной целью социальной политики государства явилось обеспечение качественными услугами и создание равных возможностей для социально незащищенных категорий граждан.

Основными приоритетными направлениями данной политики стали:

- социальная защита детей и семей, находящихся в трудной жизненной ситуации;
- социальная защита лиц с ограниченными возможностями здоровья;
- социальная защита пожилых граждан.

Предлагаемые меры направлены на интегрированный, системный и адресный подход в решении проблем указанных социальных групп, с учетом их потребностей, в том числе связанных с продовольственной безопасностью и питанием, а также внедрение новых форм социальной работы и совершенствование стандартов социальной защиты населения. Обозначенная цель будет достигнута в результате реализации конкретных задач по приоритетным направлениям:

- создание условий для развития и жизнедеятельности детей и семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, и обеспечение предоставления им качественных социальных услуг;
- усиление адресности ЕПМС и повышение их размеров;
- обеспечение равноправного доступа к базовым услугам и создание доступной среды жизнедеятельности для лиц с ограниченными возможностями здоровья в целях эффективной интеграции их в общество;
- обеспечение пожилых граждан достойным уровнем социальных выплат и доступом к качественным социальным услугам.

Правительством Кыргызской Республики последовательно были предприняты меры, направленные на улучшение положения детей и семей, находящихся в трудной жизненной ситуации. За период 2012–2014 годы была проделана значительная работа по совершенствованию норм законодательства в сфере защиты детей и семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, утверждено более 20 нормативных правовых актов.

Согласно данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики, в Кыргызстане по состоянию на 1 января 2015 года проживало 5663,1 тыс. человек, из которых более 36,5 % (или 2066,3 тыс.) составили дети в возрасте до 18 лет. Из общей численности населения 70 % граждан проживало в сельской местности.

В Кыргызской Республике 436,0 тыс. детей, или более 20 % всех детей страны, были охвачены активными мерами социальной защиты:

- дети, получающие пособия по малообеспеченности, — 77,2 % (336,2 тыс. чел.);
- дети, получающие социальные пособия, — 3,3 % (14,5 тыс. чел.);
- дети, получающие пенсии по случаю потери кормильца, — 17,2 % (75,3 тыс. чел.);
- дети, находящиеся в интернатных учреждениях, — 2,3 % (около 10,0 тыс. чел.).

С 2011 года регулярно пересматривалась система определения степени нуждаемости семей в пособиях по малообеспеченности, в частности, были введены новые критерии нуждаемости, обновлены нормативы доходов от земельных наделов, при назначении пособий стали учитываться источники потенциальных доходов семей (сельскохозяйственные животные, транспортные средства), внесены изменения в законодательство, предусматривающие усиление адресности назначения ЕПМС и упорядочение категорий получателей ЕСП. Далее была начата работа по изучению эффективности действующей системы ЕПМС. Результаты исследований позволили определить причины ошибок исключения из ЕПМС, выявить препятствия, с которыми столкнулись получатели посо-

бий, и выхода из программ социальной помощи и т.д.

Несмотря на меры, принятые Правительством Кыргызской Республики по увеличению размеров ЕПМС, финансирование и уровень доходов малообеспеченных семей пока остаются на низком уровне. Средний размер пособия составляет 12,5 % от уровня прожиточного минимума на детей и 47,3 % — от черты крайней бедности.

В 2013 году численность получателей ЕСП по случаю потери кормильца увеличилась на 4,5 % и составила 14540 детей.

Открытым остается вопрос развития социальных услуг на местном уровне. Мероприятия по проведению закупок социальных услуг у некоммерческих организаций осуществляется Министерством социального развития Кыргызской Республики в рамках законодательства.

Выплата ЕПМС не оказывает воздействия на снижение уровня бедности из-за невысокого размера. Действующая система назначения ЕПМС стимулирует сокрытие доходов малообеспеченных граждан для получения более высокого размера пособий. Семьи, в составе которых имеются трудоспособные члены, годами получают ЕПМС. На сегодняшний день недостаточно развит механизм активного вовлечения малообеспеченных семей в сферу занятости. Требуется совершенствование системы ЕПМС с целью улучшения адресности.

На 1 января 2015 года в стране проживало более 400,0 тыс. пожилых граждан, что составило около 7% от всего населения республики.

Количество пенсионеров по республике составляло 580,8 тыс. человек, из них пенсии по возрасту получали 429,1 тыс. человек, или 73,9 % от общего числа пенсионеров. За 2011–2013 годы средний размер пенсии по возрасту увеличился на 18,7 % и составил 4800 сомов. Вместе с тем, в 2013 году количество лиц, получающих пенсии ниже прожиточного минимума, составило 306,3 тыс. человек, или 52,7 % от общего количества пенсионеров [8]. В основном это лица, проживающие в сельской местности, и граждане,

занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью.

За период с 2012 по 2014 гг. были разработаны и приняты нормативные правовые акты по вопросам развития негосударственных пенсионных фондов, инвестирования средств для финансирования накопительной части пенсии по государственному социальному страхованию, установления права наследования средств пенсионных накоплений. Утвержден План мероприятий по развитию накопительной пенсионной системы в Кыргызской Республике. Разработаны и внедрены механизмы вовлечения граждан, занятых в неформальной экономике, в систему медицинского и пенсионного страхования. С 1 января 2013 года осуществляется выплата средств пенсионных накоплений Государственного накопительного пенсионного фонда.

В целях обеспечения качества и безопасности социальных услуг внедрены минимальные социальные стандарты социальных услуг пожилым гражданам, находящимся в социальных стационарных учреждениях при Министерстве социального развития Кыргызской Республики. В целях улучшения жизненных условий подопечных социальных стационарных учреждений почти в два раза увеличены нормы расходов на питание для получателей услуг, проживающих в социальных стационарных учреждениях. Всего в системе Министерства социального развития Кыргызской Республики функционирует 6 социальных стационарных учреждений, в которых на полном государственном обеспечении находятся более 400 пожилых граждан.

В целях развития социальных услуг для пожилых граждан открыты 2 учреждения по предоставлению социальных услуг. Более 6 тыс. одиноко проживающих пожилых граждан получают услуги социального обслуживания на дому на бесплатной основе.

Несмотря на меры, принятые Правительством Кыргызской Республики, в настоящее время значительная часть пенсионеров не в состоянии удовлетворить свои потребности за счет получаемых пенсий. В общей числен-

ности бедного населения республики 5,6 % составляют лица пожилого возраста.

Низкие размеры пенсий обусловлены недостаточными размерами тарифов социального страхования и требуют пересмотра тарифной политики государственного социального страхования, в этом направлении проводится целенаправленная работа в рамках реализации Концепции развития системы пенсионного обеспечения Кыргызской Республики, утвержденной постановлением Правительства Кыргызской Республики от 24 ноября 2014 года № 670.

Вместе с тем, сложившаяся система пенсионного обеспечения не соответствует современным требованиям. Она не стимулирует граждан к выплате пенсионных отчислений, слабо учитывает реальный вклад работающих граждан в пенсионный фонд.

Требуется решения вопрос установления одинакового размера базовой части пенсии, поскольку ее размеры исчисляются прямо пропорционально наработанному стажу. Концепцией развития системы пенсионного обеспечения Кыргызской Республики предусмотрена переоценка роли базовой части пенсии, назначение ее вне зависимости от стажа, но при этом будет введен минимальный страховой стаж для получения права на пенсию.

Необходимо также ввести механизмы обеспечения безопасности социальных услуг, предоставляемых пожилым гражданам (аккредитация).

Остается актуальным вопрос повышения ответственности местных государственных администраций и органов местного самоуправления за развитие социальных услуг в регионах.

Пособия по беременности и родам выплачиваются из средств работодателя за первые 10 рабочих дней в размере 100 % заработной платы. С одиннадцатого рабочего дня выплата осуществляется за счет республиканского бюджета из расчета 10 расчетных показателей в месяц — 1000 сомов. Для женщин, постоянно работающих и проживающих в высокогорных и отдаленных труднодоступных зонах, размер этих выплат на

порядок выше и составляет 100 % заработной платы за все рабочие дни.

Средний размер пособия по беременности и родам с одиннадцатого рабочего дня (на 112 календарных дней) для работающих женщин составляет 7660 сомов, для женщин, занимающихся предпринимательской деятельностью, членов крестьянских (фермерских) хозяйств и безработных женщин, имеющих официальный статус безработного, — 3500 сомов; для женщин, постоянно проживающих и работающих в высокогорных и отдаленных труднодоступных зонах, составляет свыше 3700 сомов.

Назначение и выплата ритуального пособия (на погребение) финансируются из средств республиканского бюджета, Социального (пенсионного) фонда, местного бюджета. Размер ритуального пособия существенно отличается в зависимости от категории граждан. Для пенсионера размер пособия зависит от базовой части пенсии (1500 сомов). Средний размер социального пособия в 2013 году составил 3502 сома.

Методику назначения пособия необходимо увязывать с принципами социального страхования.

Местными государственными администрациями, органами местного самоуправления, а также работодателями независимо от форм собственности для безработных граждан организуются оплачиваемые общественные работы с целью их временного трудоустройства.

Для участия в оплачиваемых общественных работах заключается срочный трудовой договор сроком до шести месяцев. Срок участия в общественных работах включается в общий трудовой стаж для начисления пенсии. Преимущественным правом участия в оплачиваемых общественных работах пользуются безработные граждане, не получающие пособия по безработице. Средний размер оплаты оплачиваемых общественных работ в 2012 году составил 1500 сомов. Данный инструмент социальной поддержки безработных является адекватным механизмом временного трудоустройства.

Если на 2016 год проект бюджета Министерства социального развития Кыргызской Республики сформирован на основании контрольных цифр в сумме 7528,7 млн сомов, то для осуществления деятельности Министерства социального развития Кыргызской Республики в 2017 году проект бюджета сформирован в сумме 7809,3 млн сомов на основании контрольных цифр.

Общая сумма финансовых ресурсов, необходимых для реализации мер по развитию социальной политики Кыргызской Республики в период на 2015–2017 годы, составляет 24886,0 млн сомов.

Выводы

Для осуществления мероприятий Правительства Кыргызской Республики по развитию социальной политики и социальной защиты населения необходима соответствующая система индикаторов и мониторинг, которые будут иметь качественные и количественные характеристики. Для данных мероприятий планируется проведение двух оценок: в 2016 году — формирующей оценки и в 2017 году — суммирующей оценки.

В то же время достигнутая за 2012 и 2014 годы стабильность остается недостаточно устойчивой. Возможность манипулирования внутривнутриполитической ситуацией в стране в целом, в том числе и внешними силами, пока еще не исключена. Государство и процессы внутри страны все еще чувствительны к влиянию извне. В отсутствие собственного стратегического проекта развития зависимость страны от возможности негативного влияния внешних проектов остается достаточно высокой.

Значительная часть общества продолжает оставаться в депрессивном состоянии, его интеллектуальная составляющая значительно уменьшилась за последние 25 лет. И только наличие стратегического видения будущего страны позволит реализовать проекты и планы в рамках среднесрочных программ по социальному развитию и социальной защите населения, которые будут способствовать достижению долгосрочных целей развития страны.

Список литературы

1. Бабич А.М., Егоров Е.В. Экономика и финансирование социальной сферы. Казань, 1996.
2. Стратегия развития социальной защиты населения Кыргызской Республики на 2014–2015 гг.
3. Программа развития социальной защиты населения Кыргызской Республики на 2015–2017 гг. / Утверждена Постановлением Правительства Кыргызской Республики от 27 февраля 2015 г. № 85.
4. Материалы Международной конференции высокого уровня по вопросам развития. 11 июня 2013 года.
5. Уровень бедности в Кыргызской Республике в 2013 г. / Нацстатком Кыргызской Республики.
6. Постановление Правительства КР «Об Отчете Премьер-министра Кыргызской Республики о работе Правительства Кыргызской Республики за 2013 год» от 8 апреля 2014 года № 202
7. Отчет об исполнении бюджета Социального фонда Кыргызской Республики за 2013–2014 гг.
8. Постановление Правительства Кыргызской Республики «О Концепции развития системы пенсионного обеспечения» от 24 ноября 2014 г. № 670.

References

1. Babich A.M., Egorov E.V. Economics and Social Sphere Financing. Kazan, 1996.
2. Development Strategy of Social Protection of Population of the Kyrgyz Republic for 2014–2015.
3. The Program of Development of Social Protection of Population of the Kyrgyz Republic for 2015–2017 / Approved by the Government of the Kyrgyz Republic of February 27, 2015. No. 85.
4. Proceedings of the International High-Level Conference on Development. 11 June 2013.
5. The Poverty Level in the Kyrgyz Republic in 2013 / the NSC of the Kyrgyz Republic.
6. The Resolution of the KR Government «On the Report of the Prime-Minister of the Kyrgyz Republic on the Government of the Kyrgyz Republic for 2013» of April 8, 2014. No. 202.
7. Report on the Budget of Social Fund of the Kyrgyz Republic for 2013–2014.
8. Resolution of the Government of the Kyrgyz Republic «About the Concept of Development of Pension System» dated 24 November 2014. No. 670.

Валиев Ш. З.
Valiev Sh. Z.

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Региональная экономика и управление» Института экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Абзалилова Л. Р.
Abzalilova L. R.

кандидат физико-математических наук, доцент кафедры «Математики и математического моделирования», ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Федорова О. А.
Fedorova O. A.

аспирант, Институт экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

УДК 332.14:338.242.2:338.462

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ КОГНИТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРИ РАЗРАБОТКЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ НЕФТЕХИМИЧЕСКОЙ И НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛЕЙ

Сбор и накопление различной информации (создание архивов, информационных хранилищ или баз данных) для внутрифирменного доступа, её анализа и формирование долгосрочного прогноза при помощи информационно-технических операторов гарантируют принятие оптимальных решений стратегического характера. В свою очередь, на основе моделирования сценариев жизненного цикла предприятия достигается наилучший вариант принятия решения для последующих действий. Исходными сведениями служит регистрация аналитических данных технико-экономической и бухгалтерской отчётности, а также периодов времени принятия управленческого решения на разных этапах жизнедеятельности предприятий. Прогноз событий представляется в виде метрического пространства, на котором задан некий результат, где в качестве переменной рассматриваются интерпретирующие проблемы, возникающие на предприятии. Руководитель на основе экономико-математических методов может в дальнейшем осуществить нормирование пространства и подытожить все факторы, влияющие на жизнеобеспечение предприятий единой мерой. В результате обеспечивается направленный поиск решения в многомерном пространстве.

Большой информационный объём вызывает сложность в анализе ситуации, последующей разработке стратегии развития и принятии решения, которые обусловлены следующими критериями:

- многоаспектностью процессов, происходящих в жизненном цикле предприятия;
- отсутствием достаточной количественной информации о динамике процессов;
- фиксации нарушений ритмичной деятельности производственных процессов;
- изменчивостью характера процессов во временных промежутках.

В статье предложен метод когнитивного моделирования стратегического планирования решения проблем с целью дальнейшего устойчивого развития различных предприятий нефтехимической и нефтеперерабатывающей отраслей.

Ключевые слова: стратегическое и устойчивое развитие, когнитивные технологии, прогноз событий, предприятия, принятие решений, информация, решение проблемы управления.

APPLICATION OF COGNITIVE MODELLING IN THE DEVELOPMENT OF STRATEGIC PLANNING PETROCHEMICAL AND OIL-REFINING INDUSTRY

The collection and storage of various information (the creation of archives, data warehouses or databases) to access in-house, its analysis and the formation of long-term forecast with the help of information technology operators guarantee the adoption of strategic decisions. In turn, based on modeling scenarios plant lifecycle achieved best mode decision for subsequent operations. The initial information is analytical data recording economic and financial reporting, as well as periods of time management decision at different time stages of organization life. Forecast an event is a metric space, on which a certain result, which are considered as a variable interpretive problems in the enterprise. Leader on the basis of economic and mathematical methods can further carry out the valuation of space and summarize all the factors that affect the livelihood of a single measure. The result is a directed search in a multidimensional space.

The paper proposed a method for cognitive modeling of strategic planning solutions to problems for the further sustainable development of various petrochemical and oil-refining industries.

A large volume of information is the difficulty in assessing the situation and subsequent development strategy and decision-making, which is due to the following criteria:

- multidimensionality of the processes occurring in the life cycle of the enterprise;
- the lack of sufficient quantitative information on the dynamics of the process;
- commit violations of the rhythmic activity of the industrial processes;
- the nature of the variability of processes in time intervals.

Key words: strategic and sustainable development, cognitive technologies, events forecast, enterprise, decision-making, information management solution of the problem.

В Российской Федерации все чаще применяется концепция совместного использования различных информационно-технических операторов, обеспечивающих сбор и накопление различного вида информации, последующего ее анализа и формирование долгосрочного прогноза или создание архивов (информационных хранилищ, баз данных) для внутрифирменного доступа к ним с целью выработки и принятия решений стратегического характера.

Стратегическое планирование — это определение новых направлений, целей и задач, формирование структуры, сроков и методов выполнения работ, расстановка ключевых звеньев, назначение ответственных лиц и регулирование взаимоотношения подразделений и участников процесса, а также оптимизация производственных связей [1].

В 60-х годах XX века под влиянием общей компьютеризации и психологии становятся популярными исследования процессов переработки информации человеком и разработка моделей для их объяснения. Согласно работе [2], ряд исследователей экспериментально установили, что некоторые познавательные процессы успешно поддаются моделированию. Новое течение получило название информационного подхода. Характерной особенностью этих моделей является то, что они достаточно точно и однозначно описывают операции, осуществляемые над информацией в когнитивной системе человека. Под когнитивной системой человека понимается структура его способностей, таких как восприятие, внимание, память, мышление, формирование понятий, передача информации. Чувство человека даёт его действию необхо-

димую энергию, в то время как знания налаживают определенный алгоритм. Воля, согласно исследованиям автора [3], — это энергетические операции, направленные на создание высших ценностей и на то, чтобы сделать их обратимыми и сохраняемыми (моральные чувства, сомнения, ответственность — прим. авт.). Эти операции существуют параллельно системе логических операций, с помощью которых создаётся понимание ценности.

Информация — это поступающие сведения о возникшей проблеме, от решения которой напрямую зависит дальнейшая жизнедеятельность организации [4].

Часто информация поступает в виде гипотез (предположений), интуитивных понятий и смысловых образов. Авторы работы [5] утверждают, что из многочисленных проведённых исследований процессов принятия решений руководитель, как правило, мыслит не только в количественных характеристиках, но и в качественных. Для него поиск решения — это поиск в первую очередь замысла решения, где количественные оценки играют второстепенную роль.

Принятие решений стратегического характера может быть достигнуто в результате моделирования различных сценариев жизненного цикла предприятия. Это поможет предприятию избежать гибели и принять необходимые меры для выживания и достижения успеха на рынке [6].

Важно также учитывать, что руководителю часто приходится принимать решение в ограниченный промежуток времени с постоянно меняющимися условиями.

Отображение жизненного цикла предприятия в виде сложной системы, находящейся в постоянном динамическом состоянии с различными факторами внешней и внутренней среды, может выполняться в различных пространственных геометрических формах (графиках, диаграммах, векторных пространствах и т.д.).

Метод расчёта оптимального выбора стратегического решения выполняется, как правило, с помощью порядка и алгоритма оценки многокритериального выбора альтернатив (например сравнительный анализ) или опти-

мизационное решение технико-экономических показателей [7].

Разработка и внедрение информационно-аналитической системы является первым шагом к созданию экспертной системы прогнозирования событий и последующих принятий стратегических управленческих решений жизнеобеспечения организации, включающей современные инструментальные средства построения программного продукта, отвечающего требованиям международных стандартов [8].

С помощью методов научного познания и систематического процесса обработки данных возможно построение такого механизма стратегического планирования и последующего принятия управленческого решения, включающего в себя когнитивную модель и функциональную логико-оценочную обработку данных.

Исходные сведения для предприятий нефтехимической и нефтеперерабатывающей отраслей получают, регистрируя аналитические данные технико-экономической и бухгалтерской отчётности (количественные и качественные показатели: глубина переработки нефти, сортность продуктов, выручка, прибыль, чистая прибыль, кредиторская и дебиторская задолженности), а также показатели периодов принятия управленческого решения T_n в различные моменты времени t_i .

Прогноз событий может быть представлен как множество n -мерного пространства R_n , в котором задана некая определяющая функция $f(x_{i,j})$, где в качестве аргументов рассматриваются $x_{i,j}$ — интерпретирующие проблемы, возникающие на предприятии. Показатели $x_{i,j}$, где $(i = \overline{1,r}, j = \overline{1,s_i}, r$ — количество поступающей информации о проблеме; s_i — число регистрируемых фактов (гипотез, предположений)) свидетельствуют о возникшей проблеме.

Исследуемые показатели всегда содержат случайные составляющие, описываемые функцией:

$$f(\alpha(x_{i,j})), \quad (1)$$

где α — случайная составляющая в исходном числовом ряду.

Решение проблемы ищется на определённом множестве при помощи функции $(x_{i,j})$. Пространство с размерностью $R_{\Delta} \subset R_{\Delta}^r$ равной числу показателей $n = \sum_{i=1}^r s_i$ (предположим, что $n > 3$, $r = 5$, а число анализируемых взаимных связей между показателями более 2).

Все события, происходящие в рассматриваемом периоде, можно считать независимыми, т.е. условно изменение $x_{i,j}$ не связано между собой с любыми иными показателями, поэтому в пространстве можно выделить базис.

В работе [9] отражены факторы STEEPLE-анализа нефтехимических и нефтеперерабатывающих предприятий транснациональной корпорации. Поскольку факторы, происходящие в рассматриваемом периоде, не едины по своему значению и размерности, то структура исходных данных решения проблемы неоднородная пространству R_{Δ} . На основе экономико-математического метода — экспертных оценок с последующей нормировкой пространства (точкой жизненного цикла предприятия) можно обобщить все факторы единой мерой и тем самым обеспечить направленный поиск в многомерном пространстве.

Всё пространство R_{Δ} разбивается на подпространства $R_{\Delta k} \subset R_{\Delta}$, соответствующие предположенным событиям (определённым принятым решениям), где k — число событий, включающих возможные последствия для организации. Согласно работе [9], это может быть:

- создание новой организации;
- становление;
- стадия ускоренного роста;
- стадия замедленного роста;
- устойчивость (зрелость);
- спад;
- ликвидация.

Конкретное состояние организации при решении проблемы в момент t_j периода $T_n = \{t_1\}$ интерпретируется состоянием вектора $\bar{\psi}$:

$$\bar{\psi} = \{x_{i,j}(t_1)\}. \quad (2)$$

Модуль вектора $\bar{\psi}$ может быть выбран в качестве параметра прогнозируемого решения в когнитивной модели прогноза. Эти компоненты и их длины могут быть использованы для оценки прогностических возможностей

различных функциональных методов, в том числе долгосрочного прогнозирования продолжительности жизнедеятельности предприятия. При таком подходе используются достаточно хорошо разработанные экстраполяционные методы прогнозирования.

В экстраполяционных моделях выполняется предварительная обработка исходных данных (информации о проблеме), полученных в интервале времени, обеспечивающих снижение влияния случайной составляющей $f(\alpha(x_{i,j}))$ в исходном числовом ряду и представление в его удобном виде для последующего анализа.

На рисунке 1 представлен механизм когнитивной и информационной моделей принятия стратегических решений для предприятий нефтехимической и нефтеперерабатывающей отраслей. Для стратегического планирования и принятия управленческого решения производятся сбор необходимой информации, её переработка и планирование дальнейших действий (составление приказов, распоряжений, устных указаний).

Аналогичный способ был предложен в работе [10]. Отличием является то, что механизм когнитивной модели стратегического планирования и принятия управленческого решения может не находить решения проблемы до новых исходных данных. Моделирование стратегического планирования и принятие управленческих решений в данной работе производится с учётом нескольких взаимосвязанных временных рядов социально-экономических показателей, полученных на основе решения проблем, с которыми сталкивается руководитель при определении искомых зависимостей. Исследования тенденций развития социально-экономических процессов, происходящих на разных этапах жизненного цикла организации, показали, что в одних рядах динамики основная тенденция роста проявляется при первичном обзоре исходной информации, в других рядах общая тенденция развития непосредственно остаётся неизменной.

Сложность анализа процесса стратегического планирования и принятия управленческого решения может быть обусловлена рядом факторов:

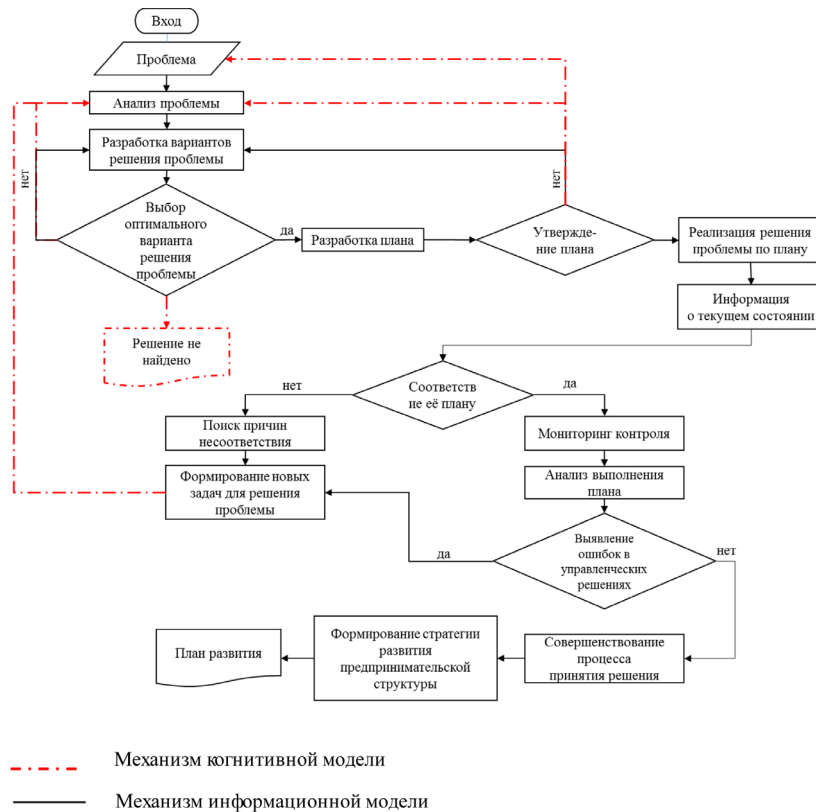

Рисунок 1. Механизмы когнитивной и информационной моделей принятия стратегических решений для предприятий нефтехимических и нефтеперерабатывающих отраслей

— многоаспектностью происходящих в жизненном цикле предприятия процессов (экономические, политические, социальные, экологические, технологические и их взаимосвязанность), в связи с этим невозможно детальное исследование отдельных элементов и их вычленение — все происходящие явления на отрезке жизненного цикла должны рассматриваться в совокупности;

— отсутствием достаточной количественной информации о динамике процессов;

— фиксацией устных приказов и распоряжений руководства, жалоб и предложений сотрудников и т.д.;

— изменчивостью характеров процессов во временных промежутках.

Выводы

Систематический процесс обработки исходных данных способствует построению

такого механизма стратегического планирования и последующего принятия управленческих решений, включающего в себя когнитивную технологию и функциональную логико-оценочную обработку данных.

Экспертная система прогнозирования событий на основе метода когнитивного моделирования необходима руководителю для последующего принятия стратегических управленческих решений с целью продления жизнедеятельности предприятия.

В настоящее время, несмотря на научный и практический интерес исследователей к когнитивному моделированию, алгоритмы долгосрочного прогнозирования вызывают ряд вопросов и требуют определения частных параметров.

Список литературы

1. Стратегическое решение. Большая Энциклопедия нефти и газа [Электронный ресурс]. <http://www.ngpedia.ru/id400974p1.html> (дата обращения: 24.03.2016).

2. Целых А.Н., Петряева М.В. Применение когнитивного моделирования к управлению в слабоструктурированных системах // Альманах современной науки и образования. 2015. № 9 (99). С. 138–140.

3. Пиаже Ж. Психология интеллекта [Электронный ресурс]. <http://www.klex.ru/ny> (Дата обращения: 09.08.2016).
4. Федорова О.А. Определение времени принятия управленческого решения в предприятии // Актуальные проблемы науки и техники: матер. VIII Междунар. науч.-практ. конф. молодых учёных: в 3 т. / Редкол.: Р.А. Исмаков и др. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2015. С. 257–259.
5. Авдеева З.К., Коврига С.В., Макаренко Д.И., Максимов В.И. Когнитивный подход в управлении // Control Sciences. 2007. № 3. С. 2–7.
6. Федорова О.А. Анализ современного состояния теории корпоративного развития на примере транснациональной компании нефтехимического и нефтеперерабатывающего профиля // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20, № 3. С. 907–912.
7. Федоров П.А. Выбор площадки для размещения предприятия строительной индустрии (с учётом многокритериальной оценки и технологических факторов): учеб. пособие. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2015. 52 с.
8. Петрунина Е.В. Когнитивная технология обработки данных в системе прогнозирования кардиальных событий // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 4. С. 93–94.
9. Валиев Ш.З., Федорова О.А. Когнитивные технологии в принятии управленческих решений (на примере предприятия нефтехимического и нефтеперерабатывающего производства транснациональной корпорации) // Нефтегазовое дело. 2015. № 5. С. 687–701.
10. Евтушенко Е.В. Экономика нефтегазового комплекса: учеб. пособие. Уфа: Нефтегазовое дело, 2010. 541 с.
11. Солохин С.С. Когнитивное моделирование рекреационной подсистемы социально-экономической системы региона: автореф. ... канд. экон. наук: 08.00.13. Таганрог, 2005. 27 с.
2. Celyh A.N., Petryaeva M.V. Application of Cognitive Modeling to Management of Semi-Structured Systems // Almanac of Modern Science and Education. 2015. № 9 (99). P. 138–140.
3. Piage J. Psychology of Intelligence [Electronic Resource]. <http://www.klex.ru/ny> (assessed: 09.08.2016).
4. Fedorova O.A. Determination of the Time of Adoption of the Managerial Decisions in the Enterprise // Actual Problems of Science and Technology: Mater. of the VIII International Scientific-Practical Conference of Young Scientists: in 3 T. / Ed. R.A. Ismakov, etc. Ufa: Publishing House of USPTU, 2015. P. 257–259.
5. Avdeeva Z.K., Kovriga S.V., Makarenko D.I., Maksimov V.I. Cognitive Approach in Control // Control Sciences. 2007. № 3. P. 2–7.
6. Fedorova O.A. Analysis of the Current State of the Theory of Enterprise Development on the Example of Multinational Companies to the Petrochemical and Refining Profile // Bulletin of the Bashkir University. 2015. Vol. 20, No. 3. P. 907–912.
7. Fedorov P.A. Site Selection for the Placement of Construction Industry Enterprises (Including Multi-Criteria Evaluation and Technological Factors): Proc. Manual. Ufa: Publishing House of USPTU, 2015. 52 p.
8. Petrunina E.V. Cognitive Processing of Data in the System Predict Future Cardiac Events // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2013. No. 4. P. 93–94.
9. Valiev S.Z., Fedorova O.A. Cognitive Technologies in Management Decisions (for Example the Petrochemical and Oil Refining Enterprises of Transnational Corporations) // Neftegazovoe Delo. 2015. No. 5. P. 687–701.
10. Evtushenko E.V. Economy of Oil and Gas Complex: Proc. Manual. Ufa: Oil and Gas Business, 2010. 541 p.
11. Solohin S.S. Cognitive Modeling of a Recreational Subsystem of Social and Economic System of the Region: Avtoref. ... Cand. Econ. Sciences: 08.00.13. Taganrog, 2005. 27 p.

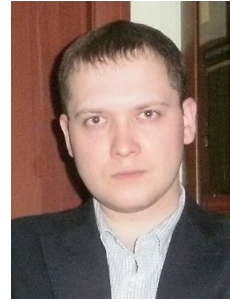
References

1. The Strategic Decision. Big Encyclopedia of Oil and Gas [Electronic Resource]. <http://www.ngpedia.ru/id400974p1.html> (assessed: 24.03.2016).

Зайнашева З. Г.
Zayinasheva Z. G.

*доктор экономических наук, профессор
кафедры «Региональная экономика и
управление» Института экономики
и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский
государственный нефтяной
технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

Мутраков О. С.
Mutrakov O. S.

*аспирант кафедры «Региональная
экономика и управление» Института
экономики и сервиса, ФГБОУ ВО
«Уфимский государственный нефтяной
технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

УДК 379.8

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПЛАНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СФЕРЫ СПОРТИВНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Политике в области оказания спортивно-оздоровительных услуг уделяют значительное внимание во всех странах, так как она позволяет реализовать решения политической власти, направленные на достижение определенных результатов и, как следствие, определенный социальный эффект.

Рассмотрен современный зарубежный опыт по планированию и дальнейшему развитию сферы спортивно-оздоровительных услуг. Представлена группировка рынка спортивно-оздоровительных услуг, т.е. сегментация рынка по группам потребителей, по группам продуктов (услуг), по конкурентам, и определены их основные характеристики.

Приведены примеры использования эффективных группировок при разработке программ развития физкультуры и спортивно-оздоровительных услуг крупных городов некоторых стран.

Для успешного развития рынка спортивно-оздоровительных услуг необходимо применять современные инструменты планирования. Авторы, рассматривая зарубежный опыт использования инструментов планирования для развития предприятий сферы спортивно-оздоровительных услуг, отметили их разнообразие и различные варианты применения. В разных странах подходят по-разному к выбору конкретных инструментов планирования. Набор инструментов планирования зависит от сегментации рынка спортивно-оздоровительных услуг, от географических и демографических условий, от государственной политики, от национальных особенностей и от самих целей планирования.

Ключевые слова: сфера услуг, спортивно-оздоровительные услуги, организация, сегментация рынка, группы потребителей, группы продуктов (услуг), конкуренты, программы развития, планирование, инструменты планирования.

FOREIGN EXPERIENCE IN PLANNING AND DEVELOPING THE SPHERE OF SPORTS AND FITNESS SERVICES

The policy in the sphere of providing sports and fitness services is paid much attention in all the countries as it allows to realize the decisions of political departments, which are directed at the achievement of certain results and, consequently, at a certain social effect.

There have considered modern foreign experience in planning and further development of the sphere of sports and fitness services. The classification of the market of sports and fitness services that is the segmentation of the market according to the groups of consumers, to the groups of products (services) and to the competitors has been produced and their main characteristics have been defined.

The examples of using efficient classifications while elaborating the programs of developing physical culture and sports and fitness services in the cities of some countries have been given.

With the purpose of successful development of the market of sports and fitness services modern instruments of planning must be used. The authors, while researching the foreign experience of using the instruments of planning in order to develop the businesses in the sphere of sports and fitness services, have noted their variety and different ways of usage. In different countries there are different ways of choosing certain instruments of planning. The set of instruments depends on the segmentation of the market of sports and fitness services, on geographical and demographic conditions, on the state policy, on national peculiarities and on the very purposes of planning.

Key words: the sphere of services, sports and fitness services, organization, segments of the market, groups of consumers, groups of products (services), programs of development, instruments of planning.

Современный образ жизни человека в мегаполисе становится все менее подвижным. Использование личного и общественного транспорта, современных приборов и устройств, облегчающих быт, дистанционные услуги и т.д. сокращают движения человека до минимума, что сказывается на общем состоянии здоровья. Помимо этого на здоровье человека влияют экологические проблемы городов, неправильное питание, стресс и т.п.

Чтобы поддержать свою физическую форму и улучшить здоровье, многие люди пользуются различного рода спортивно-оздоровительными услугами.

За рубежом спортивно-оздоровительные услуги активно начали развиваться в 70-80-х годах прошлого века. В нашей стране спортивно-оздоровительные услуги стали набирать популярность среди населения в последние 10 лет. Сегодня данные услуги особенно актуальны для жителей крупных городов.

В настоящее время проблемам планирования развития сферы услуг региона, сферы спортивно-оздоровительных услуг посвящен ряд научных исследований [1–6].

По определению В. Г. Велединского, под спортивно-оздоровительным сервисом понимается «экономически обоснованное создание, предоставление и потребление услуг, удовлетворяющих совокупность специальных потребностей человека и связанных с

программированием занятий специалистом-технологом (тренером, инструктором) в целях оздоровления, поддержания здоровья и физического развития» [7].

В России под спортивно-оздоровительными услугами понимается достаточно широкий спектр деятельности, в состав которого входят такие основополагающие аспекты, как физкультурно-оздоровительный сервис, спортивно-оздоровительные программы, спортивно-оздоровительный туризм, спортивно-оздоровительный отдых, физкультурно-оздоровительные направления обучения [8]. Все эти направления и составляют отечественный рынок спортивно-оздоровительных услуг.

Любой рынок, в том числе и рынок спортивно-оздоровительных услуг, принято разделять по следующим группам: 1) группы потребителей; 2) группы продуктов (товаров, услуг); 3) предприятия (конкуренты) [9].

Одной из самых распространенных и эффективных группировок является сегментация рынка по группам потребителей. Согласно данной сегментации, признаками, по которым выявляется поведение потребителей на рынке, являются демографические, географические, поведенческие и психографические. Этот сегмент определяется наличием совпадений у той или иной группы потребителей нескольких признаков.

Также часто применяют сегментацию рынка по группам продуктов (услуг). Данная сегментация рынка складывается из определенных предпочтений и запросов потребителей на качественные характеристики продукта или услуги. Такими характеристиками могут быть цена, функциональные и технические параметры продукта или услуги и т.п.

Сегментация по конкурентам основывается на признаках конкурентоспособности в продвижении на рынок. В этом случае сегментационными показателями могут быть цена и качественные показатели продукта или услуги, продвижение продукта или услуги на рынке, каналы сбыта и т.д. [9].

Так, например, в программе развития физкультуры и спортивно-оздоровительных услуг на 2008–2021 годы города Лондона (Великобритания) авторы используют сегментацию рынка спортивно-оздоровительных услуг по группам потребителей, в частности по полу, возрасту и социальному статусу жителей города [10].

В программе развития физкультуры и спортивно-оздоровительных услуг на 2014–2024 годы города Окленд (Новая Зеландия) используется другой подход для сегментации рынка — авторами данной программы было предложено делить рынок по группам продуктов и услуг. В качестве признака в программе выступает конкретный вид спорта или оздоровительной услуги, например футбол, регби, фитнес и т.п. [11].

Для обеспечения успешного развития выбранного сегмента рынка, необходимо применять современные инструменты планирования.

Мельник Е.С. под инструментами планирования предлагает понимать «такой набор средств, методов, способов, используя которые предприятие (хозяйствующий субъект) сможет спланировать свою деятельность, определить перспективы и возможности своей организации в достижении поставленных результатов» [12].

Инструменты планирования достаточно разнообразны. К таким инструментам могут относиться: метод экспертных оценок, мозговой штурм (атака), анализ «разрывов»,

анализ сильных и слабых сторон (матрица БКГ), метод проверочного списка (метод оценки по системе баллов), концепция жизненного цикла товара, метод GAP, метод PIMS, модель Мак-Кинси, SWOT-анализ, бизнес-план, бюджетирование, контроллинг и др. [12, 13].

Выбор того или иного инструмента планирования зависит, в первую очередь, от целей, которые преследуют руководители предприятий, временных рамок, индивидуальных особенностей организации и т.д.

Рассматривая зарубежный опыт использования инструментов планирования для развития предприятий сферы спортивно-оздоровительных услуг, можно отметить их большое разнообразие и различные вариации применения.

В стратегическом плане развития предприятий сферы спортивно-оздоровительных услуг Южной Африки на 2012–2016 годы используется как основной инструмент планирования SWOT-анализ. С помощью данного инструмента в программе выявляются сильные и слабые стороны сферы спортивно-оздоровительных услуг в Южной Африке, а также возможности дальнейшего развития и потенциальные угрозы [14].

Авторы программы развития физкультуры и спортивно-оздоровительных услуг на 2008–2021 годы города Лондона пошли другим путем, и при разработке программы использовали сразу три отдельных инструмента планирования.

Первым инструментом является анализ затрачиваемого времени для доступа к услугам. Данный инструмент позволил выявить время, затрачиваемое потребителем, чтобы добраться до организаций, предоставляющих спортивно-оздоровительные услуги, а также спланировать более оптимальную схему их расположения.

Следующий инструмент — модель планирования самой услуги. С помощью этого инструмента экспертами были смоделированы механизмы предоставления различных спортивно-оздоровительных услуг с учетом половозрастных, ценностно-мировоззренческих, культурных и социальных особенно-

стей, а также финансовых возможностей населения города.

Последним инструментом планирования в этой программе является «калькулятор спортивно-оздоровительных услуг». Этот инструмент позволяет определить уровень спроса на те или иные услуги и тем самым скорректировать количество предоставляющих их организаций [10].

Так же один инструмент планирования используют авторы стратегического плана развития спортивно-оздоровительных услуг австралийского города Бриджтаун. Ими предлагается проверочный список, состоящий из четырех составляющих: социальный капитал, финансовый капитал, экологический капитал и культурный капитал.

Список литературы

1. Зайнашева З.Г., Мешкова Н.Г. Проблемы развития санаторно-оздоровительно комплексов в современных условиях // Матер. Всеросс. науч.-практ. конф. М.: Креативная экономика, 2014. С. 223–225.

2. Егоров Е.В., Ратушная И.В., Вишнякова С.С., Ахинов Г.А., Восколович Н.А., Зайнашева З.Г. и др. Инновационное развитие сферы услуг. М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2010.

3. Зайнашева З.Г. Региональная политика в сфере услуг // Вестник Московского университета. Серия 6: экономика. 2005. № 3. С. 43–52.

4. Зайнашева З.Г. Формирование организационно-экономического механизма сферы платных услуг в регионе. М.: Экономический фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова, ТЕИС, 2004. 317 с.

5. Зайнашева З.Г., Мутраков О.С. Особенности и динамика территориального размещения предприятий сферы услуг в регионе // Матер. Росс. науч.-практ. конф., 23 окт. 2015 г. Уфа: БАГСУ, 2015. С. 49–54.

6. Шевалдина Е.И., Файзуллина Г.Ф. Влияние социально-экономических преобразований на развитие инфраструктуры региона // Проблемы и перспективы развития регионов и предприятий в условиях глобализации экономики. 2014. С. 229–231.

Проанализировав все эти составляющие, специалисты предложили конкретные действия для успешного развития спортивно-оздоровительных услуг в городе [15].

Вывод

Изучив зарубежный опыт использования инструментов планирования для развития предприятий спортивно-оздоровительных услуг можно заметить, что в разных странах к выбору инструментов планирования могут подходить по-разному. Набор инструментов планирования зависит от сегментации рынка спортивно-оздоровительных услуг, от географических и демографических условий, от государственной политики, от национальных особенностей и от самих целей планирования.

7. Велединский В.Г. Спортивно-оздоровительный сервис: учебник для вузов. М.: КноРус, 2014. 216 с.

8. Кадочкина Ю.А. Современные тенденции развития организационно-экономических форм хозяйствования в сфере спортивно-оздоровительных услуг: дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Санкт-Петербург, 2015. 157 с.

9. Бронникова Т.С., Чернявский А.Г. Маркетинг: учеб. пособие. М.: ПРИОР, 2002. 128 с.

10. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.brent.gov.uk/media/1709721/Strategic%20facilities%202008%20-%202021.pdf>.

11. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.aucklandcouncil.govt.nz/en/aboutcouncil/haveyoursay/documents/sportandrecreationstrategicactionplan.pdf>.

12. Мельник Е.С. Инструменты внутрифирменного планирования на предприятиях // Молодой ученый. 2011. № 9. С. 97–99.

13. Шмален Г. Основы и проблемы экономики предприятия: Пер. с нем. / Под ред. проф. А.Г. Поршнева. М.: Финансы и статистика, 1996. 512 с.

14. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.srsa.gov.za/MediaLib/Home/DocumentLibrary/Strategic%20Plan%202012%202016.pdf>.

15. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.bridgetown.wa.gov.au/library/file/publications/public%20comment/Draft%20Sport%20and%20Rec%20Strategic%20Plan.pdf>.

References

1. Zainasheva Z.G., Meshkova N.G. Problems of Development of Sanatorium-Recreational Complexes in Modern Conditions // Materials of All-Russian Scientific-Practical Conference. M.: Creative economy, 2014. P. 223–225.

2. Egorov E.V., Ratushnaya I.V., Vishnyakova S.S., Akhinov G.A., Voskolovych N.A. Zainasheva Z.G. et al. Innovative Development of Sphere of Services. M.: Mos. GOS. Univ. n. M.V. Lomonosov, 2010.

3. Zainasheva Z.G. Regional Policy in the Sphere of Services // Vestnik of Moscow University. Series 6: Economics. 2005. No. 3. P. 43–52.

4. Zainasheva Z.G. Formation of the Organizational-Economic Mechanism of Management of Sphere of Paid Services in the Region. M.: Economic Faculty, Moscow State University, MT. M.V. Lomonosov, TEIs, 2004. 317 p.

5. Zainasheva Z.G., Mutrakov O.S. Features and Dynamics of the Territorial Distribution of the Enterprises of Sphere of Services in the Region // Materials of the ROS. Scientific-Pract. Conf. 23 Oct. 2015. Ufa: bugs, 2015. P. 49–54.

6. Shevaldina E.I., Faizullina G.F. The Influence of Socio-Economic Transformation and Infrastructure Development in the Region // Problems and Prospects of Development of

regions and Businesses in the Globalized Economy. 2014. P. 229–231.

7. Veledinsky V.G. Sports Service: Textbook for High Schools. M.: KnoRus, 2014. 216 p.

8. Kadochkina Y.A. Modern Tendencies of Development of Organizational-Economic Forms of Managing in the Sphere of Sports Services: Dis. ... Cand. Econ. Sciences: 08.00.05. Saint-Petersburg, 2015. 157 p.

9. Bronnikova T.S., Chernyavsky A.G. Marketing: Study Guide. M.: PRIOR., 2002. 128 p.

10. Electronic Resource. Mode of access: <https://www.brent.gov.uk/media/1709721/Strategic%20facilities%202008%20-%202021.pdf>.

11. Electronic Resource. Mode of access: <http://www.aucklandcouncil.govt.nz/en/about-council/haveyoursay/documents/sportandrecreationstrategicactionplan.pdf>.

12. Melnik E.S. Tools of Intrafirm Planning at the Enterprises // The Young Scientist. 2011. No. 9. P. 97–99.

13. Shmalen G. Fundamentals and Problems of Economics: Trans. from German. / Under the Editorship of Professor A.G. Porshneva. M.: Finance and Statistics, 1996. 512 p.

14. Electronic Resource. Mode of access: <http://www.srsa.gov.za/MediaLib/Home/DocumentLibrary/Strategic%20Plan%202012%202016.pdf>.

15. Electronic Resource. Mode of access: <http://www.bridgetown.wa.gov.au/library/file/publications/public%20comment/Draft%20Sport%20and%20Rec%20Strategic%20Plan.pdf>.

Южаков В. А.

Yuzhakov V. A.

*кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики
Уральского социально-экономического института (филиала)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»,
г. Челябинск, Российская Федерация*

УДК 330.356

ПРИЧИНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СПАДА: САНКЦИИ, ЦЕНЫ НА НЕФТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

В статье рассматриваются основные причины стагнации российской экономики, которая наблюдается последние годы. В начале анализа влияния таких факторов, как западные санкции и падение цен на нефть, указывается системная причина — использование старой модели экономического роста. Приводятся возможные объяснения причин падения цен на нефть, устанавливается связь с политическими и общеэкономическими факторами мировой экономики. Экономические последствия от западных санкций исследуются в совокупности обстоятельств борьбы России за сохранение российского исторического цивилизационного пространства. Представлены некоторые особенности, объясняющие динамику цены на нефть, и предлагаются гипотезы о перспективах ее роста. Рассматриваются факторы, сдерживающие темпы институциональных преобразований по формированию в России инновационной экономики. Анализируются факторы, стимулирующие и дестимулирующие создающую часть населения добиваться высокой эффективности работы, а также вопросы трудовой этики и других неформальных институтов, их связи с сырьевой и инновационной моделями экономики. Констатируется, что повышение качества законодательных норм по формированию общественных институтов возможно посредством многостороннего экономического анализа и преобразования отношений собственности, в том числе анализа и преобразования института труда, обеспечивающего реализацию собственности работника — рабочей силы и компенсацию ее факторным доходом — заработной платой.

Ключевые слова: модель экономического роста, санкции, цена на нефть, импортозамещение, созидательный труд, транзакционная деятельность, факторные доходы, собственность, заработная плата, законодательство, социально-экономические институты, инновационная экономика.

THE CAUSES OF THE RECESSION: SANCTIONS, OIL PRICES AND NECESSITY OF INSTITUTIONAL REFORMS

The article discusses the main causes of current stagnation of the Russian economy. After analyzing such factors as the Western sanctions and dropping oil prices there is developing a systematic reason that is the old model of economic growth that Russia has been uses. There are developing possible explanations why oil prices dropped and its relation with political and economic factors of the world economy. The economic consequences of Western sanctions are examined in the totality of the circumstances of the struggle of Russia for the preservation of Russia's historical and civilizational space. There are some features explaining the dynamics of oil prices and the prospects for its growth. It discusses the factors impeding the pace of institutional transformations on the formation of innovative economy in Russia. There is analysis of factors that stimulate and destimulate the creative part of population to get high quality of work, labor ethics and their relations with oil-based and innovation based models of economy. It is stated that improving the qual-

ity of legislative norms on the formation of public institutions is possible through multilateral economic analysis and transformation of ownership relations, including analysis and conversion of the Institute of labour, ensuring the realization of the property of the employee — labour and compensation for its factor income — wages Board.

Key words: model of economic growth, sanctions, oil price, import substitution, creative work, transaction activity, factor income, property, wages, legislation, socio-economic institutions, innovation economy.

С учетом развития за последние 15 лет современное состояние экономики России нам представляется следующим образом.

С 2000 года, когда обозначилась и в дальнейшем закрепились тенденции роста цен на нефть и газ, то нефтедоллары позволили Правительству Российской Федерации реально решать текущие неотложные дела, оперативно реагировать на возникающие проблемы и вызовы, планировать вполне выполнимые задачи. Кризис 2008–2009 годов был, в общем-то, кратковременным — положительные темпы экономического роста не замедлили проявиться, и, казалось бы, ничего более не мешает экономическому росту в долгосрочной перспективе. Но этого не случилось.

Темпы экономического роста последние два года имеют отрицательную величину. Почему? Каковы причины?

Целью настоящей статьи является краткий обзор и оценка причин двухлетней и продолжающейся стагнации российской экономики. Также предполагается рассмотрение факторов, сдерживающих темпы институциональных преобразований по формированию в России инновационной экономики — факторов, в совокупности дающих основную причину современных отрицательных и нулевых темпов экономического развития.

В укрупненном виде концептуальная (системная) причина ожидаемого экономического спада ранее указывалась, в частности, в Итоговом докладе «Стратегия 2020». В докладе сказано, что «в инерционном сценарии, основанном на использовании старой модели роста, следует ожидать затухания темпов роста в силу замедления темпов роста внутреннего спроса и ограниченных возможностей повышения производительности труда» [1, С. 17]. Причина современной стаг-

нации — использование старой модели экономического роста.

В детализированной проработке в современной экономической литературе рассматривается достаточное для комплексного анализа количество факторов, которые при наличии катализирующих условий в российском обществе и в отношениях России с остальным миром могли спровоцировать ниспадающую тенденцию в экономике. В доминирующем объеме текстов, как правило, рассматриваются две причины (ставшие даже популярными) — причины наиболее внешне представляемые умом человека, дающие цельный образ, с непротиворечивыми внутри себя составными элементами, и в силу этого понятные (дающие человеку уверенность в том, что образ усвоен и верен).

Одной из причин называются западные санкции, введенные против России в связи с участием России в разрешении украинского политического кризиса и вхождением Крыма в состав России. Как отмечают Широков А.А., Янговский А.А., Потапенко В.В., «Для России наиболее важными каналами распространения санкций на экономическую динамику являются: ограничения заемного финансирования на рынках ЕС и США, ограничение торговли товарами двойного назначения, снижение уровня производственной кооперации, сокращение прямых иностранных инвестиций из стран ЕС, рост внутренних цен на отдельные виды продукции, эмбарго на доступ к высоким технологиям в энергетике» [2, С. 4].

Экономические санкции бесспорно оказывают негативное воздействие на российскую экономику, но следует сразу сказать, что темпы экономического роста начали падать до введения западных санкций, поэтому списывать на западных недоброжелателей про-

явившуюся изначально не очень выражено отрицательную экономическую тенденцию, как минимум, некорректно.

Определение значения указанной причины требует особого дополнительного исследования обстоятельств, имплицированных по месту и времени с санкциями и их последствиями. В исследовании этого вопроса на чаше весов достижений и упущений обязательно окажутся геополитические и военные преимущества, полученные в результате присоединения Крыма к России и потенциальные результаты от участия России в разрешении украинского кризиса. При этом сложно будет прийти к экономическому количественному результату, т.е. к какой-либо итоговой конкретной сумме утраченных, недополученных или приобретенных экономических преимуществ, которые можно выразить в денежной форме.

Успех борьбы за геополитическое положение, дающее в том числе экономические преимущества, складывается из больших и малых побед на разных участках и в разных сферах международных отношений. За каждую частную победу надо платить.

Кто владеет Крымом — тот владеет Черным морем. За стратегическое военное преимущество надо платить — сколько? И это не первый пункт подобных статей федеральных расходов. Для России, например, «бронезилетом» от европейского колониального мышления и посягательств является Белоруссия, и она получает от России различные скидки и финансовые послабления. В этом случае, думается, можно посчитать, но обязательно высветятся дополнительные качественные особенности, которые при даже широкой методологической проработке не позволят получить точную цифру.

Финансирование адаптации Крыма к российскому законодательству и экономическим условиям тоже стоит денег. Сколько? Интересный также вопрос: во сколько обойдется строительство Керченского моста? Все затраты ложатся налогами на плечи основного населения России.

Из Европы уменьшился поток машин, станков, технологий. Эта серьезный пункт

утрат (недополучений), и по нему Россия имеет, и будет иметь, явные убытки, в первую очередь, по кооперационной составляющей. Сколько это в деньгах? Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН оценивает потери от сокращения кооперации между Россией и ЕС максимально до 20 млрд долл. в год [2, С. 8]. Пояснение по источнику [2] следующее: «Анализ с использованием межотраслевых межстрановых таблиц WIOD (World Input-Output Database) показывает, что суммарные потери от прекращения кооперационных связей со странами ЕС могут максимально оцениваться в 15 млрд долл. в год, еще примерно 5 млрд долл. могут составить потери от эмбарго на поставки продукции двойного назначения» [2, С. 8].

Европа является энергетическим придатком России и, не смотря на то что она продает России втридорога высокотехнологичную продукцию, ее тяготит энергетическая зависимость от России. Тяготит не экономически, а на уровне психологии, ментальности и нежелания ссориться с англосаксами. Реализация американских проектов добычи на Украине сланцевого газа наносит России тяжелейший удар, следствием которого является существенное снижение влияния России на евразийские государства и в целом в мире. Участие России в разрешении украинского кризиса — это вопрос сохранения российского исторического цивилизационного пространства и борьба за сохранение европейских рынков сбыта российского газа, причем второе материализует первое. За сохранение статус-кво нужно платить. Все затраты ложатся на плечи добросовестных налогоплательщиков — граждан Российской Федерации.

Западные санкции ограничили возможность получения российскими банками и предприятиями более дешевых кредитов. А дешевые ли кредиты? Отток капитала и разница между ВВП и ВНД — это по существу оплата Западу за тесное сотрудничество с ними, и в том числе в финансовой сфере. Об итоговом влиянии западных санкций в финансовом отношении можно будет судить по величине указанных показателей в дина-

мике за 2010-е годы. Ретроспективный взгляд в коротком (среднем) периоде хорош тем, что для анализа в памяти сохранены ключевые события и временем отсеяны малозначимые факты — мы еще увидим итоги 2016 и 2017 годов.

В таблице 1 представлена выписка из таблицы Росстата «Консолидированные счета» [3, таблица 37].

В санкционный 2015 год разница между ВВП и ВНД меньше всего, что может оцениваться как положительное явление. Руководитель Центрального банка России Э. Набиуллина докладывала 14.09.2016 г. Президенту России В. Путину, что по итогам реформирования банковской системы за последние три года уменьшился криминальный вывоз капитала за рубеж. Представляется, что сложно методически отделить в общем финансовом итоге негативные следствия от действий «своих» и «чужих».

Паление цен на нефть — вторая причина ухудшения дел в российской экономике и социальной сфере. Да, действительно, это так и, смеем предположить, что по итогам 2016 года федеральный бюджет недополучит по доходам от 3 % до 3,5 % ВВП.

Цены на нефть изменяются под влиянием многих экономических факторов: производственных затрат, ежедневного производства и потребления, стратегических и текущих оборотных запасов, избытка (недостатка) производственных мощностей, роста потребления увеличивающегося населения, энергосберегающих технологий и т.д.

На наш взгляд, большее влияние на уровень нефтяных цен, особенно резкую смену

тенденций их роста, стабилизации, снижения, оказывают не экономические факторы, а политические. Использование биржевых цен на нефть как инструмента политического давления по всему миру стало возможно с развитием электронных торгов. Даже в период войны машин третьего технологического уклада (второй мировой войны) не было выраженного роста цен на нефть.

Современные биржи и банки — это мощные учреждения для перекачки денег (универсального товарного эквивалента) из реального сектора экономики в финансовый сектор: ресурсы концентрируются и в дальнейшем направляются для реализации политических устремлений и экономических проектов. Так, политическое решение о низких ценах на нефть было принято мировыми политическими игроками в середине 1980-х годов. Период низких цен продлился 15 лет. Накопленный в этот период дефицит инвестиций (недофинансирование) в нефтегазодобывающую отрасль понудил мировых игроков отказаться от политики низких цен (нельзя долго себе во вред) и перейти к политике высоких цен. Банки инвестировали, биржи активно разогревали интерес, что в совокупности вылилось в некий отраслевой инвестиционный бум (не побоимся этого слова) в течение продолжительного периода — высокие цены на нефть были также почти 15 лет (рост с 10 долл./барр. — падение до 40 долл./барр.).

В период инвестиционной активности появились новые производители (государства и компании), на новых территориях стали разрабатываться новые месторождения, возрос

Таблица 1. Консолидированные счета (в текущих ценах; млрд руб.) (выписка)

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
ВВП	38807,2	46308,5	59698,1	66926,9	71016,7	77945,1	80804,3
ВНД	37 546,1	44 830,7	57 929,3	64 821,4	68 470,2	75 371,6	78 648,6
ВВП, %	100	100	100	100	100	100	100
ВНД, % от ВВП	96,75	96,81	97,04	96,85	96,41	96,70	97,33
Разница между ВВП и ВНД, %	3,25	3,19	2,96	3,15	3,59	3,30	2,67

Примечания: ВВП — валовой внутренний продукт (в рыночных ценах);
ВНД — валовой национальный доход.

интерес к нетрадиционным ресурсам сырой нефти, на рынке появилась сланцевая нефть. И когда производственные мощности (скважины, хранилища, специальный транспорт, перерабатывающие заводы) созданы и относительно гармонизированы, и нефть просто некуда заливать, то — что делать! — пусть цены падают до уровня затрат.

Цена реализации нефти (газа) и стоимость добычи определяют возможности по изъятию из отрасли посредством налогообложения части финансового результата. В. Синяк приводит следующие данные о средней стоимости добычи сырой нефти и природного газа по странам в 2013 г. (см. таблицу 2 с выпиской из данных) [4, С. 95-96].

По телевидению (13.09.2016 г.) на канале Россия–24 в экономическом обзоре «Геоэкономика» прозвучало, что Федеральная резервная система (ФРС) обратилась к банкам не банкротить предприятия, занятые добычей сланцевой нефти. Эта краткая информация объясняет причину остановки уменьшения и стабилизацию количества скважин в США по добыче нефти сланцевым методом. И сказанное вкуче с данными таблицы 2 объясняет текущие колебания цены на нефть в диапазоне от 40 до 50 долл./барр.

«Рынок нефти, остающийся системообразующим для российской экономики, продемонстрировал прежнюю волатильность, а два крупнейших его игрока — Россия и Саудовская Аравия — прежний диалектический подход к его стабилизации. Оба государства опять обсуждают возможную заморозку добычи, не прекращая при этом ее наращивать (Россия достигла рекордного производства нефти в своей истории, саудиты тоже приблизились к своему максимуму)» [5]. ОПЕК прогнозирует превышение предложения нефти над спросом на нефтяном рынке на ближайшие два года. Подобная

оценка нам представляется весьма реалистичной.

Откуда мнение, что цены на нефть должны быть постоянно высокими? Это мнение активно поддерживается российскими СМИ, да и частью российского научного сообщества — пишут и говорят то, что хотят слышать собственники нефтяных скважин, насосов и трубопроводов. В нашей стране в ситуации, когда за 15 лет все, от высших руководителей до пенсионеров, избалованы дополнительными деньгами от продажи нефти и газа, и вдруг происходит обрушение, конечно же, все это будет восприниматься болезненно. Так хочется спокойно руководить и так хочется стабильности в любом возрасте. В памяти свежи геополитические трансформации, когда технологическое отставание СССР в производстве товаров народного потребления, дополненное низкими ценами на нефть, привело ко второму разукрупнению (полураспаду) российского государства (первый полураспад в 1917 году).

В группе внешнеэкономических факторов следует выделить неоднозначное влияние на российской экономику снижения курсов рубля на основные мировые валюты. Понижение курса рубля компенсировало негативные последствия падения цен на нефть в значительной мере для экспортеров полезных ископаемых и сырьевой продукции и в какой-то меньшей мере (как энтропия эффекта) для экономики России в целом. Для основной массы населения менее доступны стали импортные товары и отечественные товары с импортными комплектующими, появилась необходимость большего внутреннего производства по замещению импортных товаров.

Импортозамещение потребовало затрат внутренних производственных ресурсов: эффективной для общества экономической инициативы и действий, квалифицирован-

Таблица 1. Консолидированные счета (в текущих ценах; млрд руб.) (выписка)

Страна	Нефть, долл./т	Природный газ, долл. за 1000 куб. м
Россия	264	24
Саудовская Аравия	45	4
США	439	40

ного производственного труда, капитала в виде долгосрочных кредитов, свободных земельных участков и природных ископаемых, высокотехнологичного оборудования. Сложившиеся за рыночное время объемы, качество и структура затрат факторов производства и факторных доходов не в полной мере соответствуют краткой характеристике требуемых ресурсов. Предпринимательство декларируется как фактор производства, в основе которого экономическая инициатива с эффективностью для себя, а не для общества. Бизнес, за исключением крупных государствообразующих структур, не может и не желает заниматься долгосрочными проектами с низкой рентабельностью. В настоящее время в стране не создана система производства средств производства высших технологических укладов на существующей материально-технической базе, основу которой до сих пор составляют машины и оборудование третьего технологического уклада (ТУ) с площадками четвертого и элементами пятого и шестого ТУ.

Продукция по импортозамещению зачастую не может конкурировать по цене с аналогичной импортной. И цена высокая потому, что к производственной себестоимости и налогам добавляется прибыль по сложившейся высокой норме рентабельности. Узаконенные сверхдоходы узкого круга людей не позволяют увеличить совокупный спрос основной массы населения. На рост цен на товары и услуги с конца 2014 года по настоящее время население реагирует снижением покупательского спроса, что, как известно, ведет к снижению объемов производства. Ситуация может быть исправлена повышением совокупного спроса, что возможно только за счет повышения зарплат основной массы населения, той части населения, которая не связана с теневыми и легальными предпринимательскими и рентными доходами, с необоснованно высокими зарплатами руководителей государственных и полугосударственных организаций. К рассмотрению заработной платы как дохода от фактора производства — труда вернемся чуть ниже.

Наиболее весомой причиной низких положительных и отрицательных темпов экономического роста России (причиной внутриэкономической, причиной, которая менее на поверхности и рассуждения о которой предполагают определенную подготовку по теории и практике институционального метода) мы выделяем низкие темпы институциональных преобразований во всех отраслях экономики и общественных сферах по формированию экономики инновационного типа.

Несколько лет назад активно обсуждались 4И: инвестиции, инновации, институты, инфраструктура. Несмотря на несколько комсомольскую подачу в начале обсуждения и угасший интерес, и, тем не менее, на почве осознания, что рынок расставит по местам далеко не все, начались более ощутимые институциональные изменения в целях формирования инновационной экономики. Сделано, безусловно, много, но, тем не менее, в структуре производства и экспорта по-прежнему преобладают полезные ископаемые и иная сырьевая продукция. Уровень рентабельности производителей наукоемкой продукции высокой степени переработки существенно уступает сырьевым отраслям. Не так много отечественных предприятий, которые можно отнести к группе производителей, находящихся в пятом и шестом технологических укладах. Каузальные цепочки, как правило, имеют последним звеном человека, т.е. низкие темпы преобразований по формированию инновационной экономики могут быть объяснены личной незаинтересованностью большого числа (большинства) людей, участвующих непосредственно или косвенно в этих преобразованиях [6].

Жизнь человека протекает в постоянном потреблении (присвоении для себя) полезных свойств вещей и социальных статусов. Присвоение является основным содержанием (принципом) отношений собственности. Отношения собственности являются несущей конструкцией общества и проявляют себя на всех этапах экономического цикла: производстве, распределении, обмене, потреблении. И вот здесь кроется старое и неустранимое противоречие: производство

носит общественный характер, а потребление — частный. И чем дальше развиваются наука, техника и технологии, производящие все большее количество и многообразие товаров и услуг, тем более выраженным становится противоречие, и особенно по товарам коллективного потребления, от которых отстранить человека, не участвующего в созидании, практически невозможно. Таким образом, порождаются трансакционные издержки, и именно они, издержки, тормозят внедрение нововведений, сдерживают темпы социально-экономических преобразований.

В реальной жизни трансакционные издержки всегда больше нуля, и в каждой социально-экономической ситуации важно знать, на сколько больше нуля и кто создает, и кто несет эти издержки. Наличие издержек говорит о том, что институциональная система влияет на эффективность функционирования экономики.

Теорема Коуза гласит: «Если права собственности четко специфицированы и трансакционные издержки равны нулю, то структура производства будет оставаться неизменной независимо от изменений в распределении прав собственности, если отвлечься от эффекта дохода» [7, С. 262].

Проинтерпретируем содержание теоремы Коуза — дадим еще одно ее определение: если в обществе в целях его наилучшего развития и процветания четко определены права и обязанности людей (физических и юридических лиц), и люди склонны не расширять права и выполнять обязанности, то форма собственности не будет влиять на результаты производства, трансакционные издержки будут равны нулю, частные издержки будут равны социальным, не проявятся потенциально возможные отрицательные экстерналии, в итоге структура производства примет оптимальный и эффективный, но консервативный характер,

«Поскольку сплошь и рядом люди предпочитают делать то, что, по их мнению, соответствует их собственным интересам, чтобы изменить их поведение в сфере экономики, нужно их заинтересовать. Правительству при этом доступно только одно средство (за

исключением увещеваний, которые в общем случае неэффективны) — изменить законы или способ их применения» [8, С. 29].

Люди стремятся расширить права и уменьшить обязанности — другими словами перераспределяют права собственности — минимизируют затраты при исполнении обязанностей и создают условия (права) по получению большего результата (объекта собственности) от своего участия в деле. В современной сложной структуре производства и общественной жизни расширение прав и уменьшение обязанностей (в разных объемах и, правда, с разными последствиями), как правило, удается, что по экономическому содержанию означает нарастание трансакционных издержек, которые в итоге изменяют виды эффективности и структуру производства.

Теорема Коуза концентрированно косвенно подчеркнула природу человека — его нежелание нести личные затраты в социально-экономических отношениях. Более того, человек, обеспокоенный личным выживанием и социальным позиционированием, склонен создавать виды деятельности, издержки ведения которых по экономическому содержанию следует относить не иначе как к трансакционным. По аналогии с производственной деятельностью (производственными издержками) — эта деятельность может быть названа трансакционной деятельностью.

В современной экономике возникли и укрепились целые сообщества (легальные и/или теневые) людей, занятых полностью или частично трансакционной деятельностью (институализированное государством ростовщичество, риэлторы-теневики, различные посредники, шиномонтаж, незарегистрированная торговля и т.п.). Только в Челябинске 400 незарегистрированных автостоянок (из новостей по региональному телевидению). И эти люди, не сделав ничего полезного или сделав ничтожно мало, спокойно покупают хлеб (реальную полезность) — результат созидательного полезного труда многих других людей; и эти люди, не заплатив копейки налогов, спокойно вызывают скорую помощь, т.е. пользуются исключи-

тельно полезными услугами коллективного потребления. Эти люди паразитируют — они потребляют полезностей больше, а иногда существенно больше, чем создают сами.

В «паразитической посреднической составляющей экономики» [9, С. 87] трудозатраты меньше, а доходы на затраты существенно выше. Это и есть то основание, которым так привлекательна транзакционная деятельность. Здесь следует различать понятия труд и работа. Труд — целесообразная деятельность человека. Работа — понятие более физическое — это затраты энергии. Как правило полезная (созидательная) целесообразная деятельность человека (полезный труд) связана с работой (расходом физической энергии и уменьшением здоровья), затратами времени и переносом на предмет труда имеющихся в сущности человека способностей, квалификации, духовного состояния и душевного настроения.

Нам бы хотелось пояснить, что наше рассуждение носит непосредственно экономический характер и никоим образом политический, тем более политического отстаивания идей, взглядов тех или иных партий. Элементарная логика подводит к мысли, что если в обществе будут процветать паразитирующие посредники, имеющие высочайшую эффективность личного труда, а непосредственные создатели реальных полезностей будут иметь нижайшую эффективность своего личного труда, то ожидать того, что общественный пирог реальных благ возрастет, по крайней мере, наивно. Созидатели реальных благ также склонны впадать в трудовой оппортунизм, когда видят, что паразитирующие члены общества живут лучше. Таким образом разрушаются общество, трудовые коллективы, семьи, дружба.

Вопрос по обеспечению выживания общества и малых организаций достаточно известен и стар: кто будет работать, т.е. кто будет нести реальные необходимые значительные затраты времени, сил и здоровья в целях создания реальных полезностей?

Погосов И.А. и Соколовская Е.А., исследуя факторы долгосрочного экономического роста и проведя анализ данных Национальных

счетов России в 2004–2011 годах на предмет соотношения капитала и труда в приросте валового дохода экономики, констатируют, «что большая часть прироста валового дохода экономики (ВВП) в действующих ценах связана с оплатой труда. В целом за 2001–2011 гг. на долю этого фактора пришлось 63 % его прироста, тогда как на долю валовой прибыли и валовых смешанных доходов лишь 37 %» [10, С. 21]. Цифры свидетельствуют о большей эффективности труда. Однако, если убрать транзакционную составляющую, т.е. зарплату работников, занятых нетеневой транзакционной деятельностью, то вес труда уменьшится и возрастет показатель производительности труда.

Ответ на вопрос: кто будет работать? (кто работает?), является, на наш взгляд, важнейшей методологической установкой, определяющей жизненность конструкций, создаваемых в экономических концепциях, планах и прогнозах. Обеспечение реализации планов, концепций и прогнозов в системе социально-экономического управления возможно только на путях создания и исполнения адекватного экономическим целям законодательства и публичной идеологии, которые в совокупности являются формальными институтами и частью неформальных институтов. Ответ на вопрос: кто будет работать? (кто работает?), прописанный прямо или следуемый из смыслов текстов, особенно по группе ключевых экономических законодательных актов, позволяет в целом определить эффективность и перспективы экономической системы.

В Конституции СССР было четко прописано, что «источником роста общественного богатства, благосостояния народа и каждого советского человека является свободный от эксплуатации труд советских людей... Общественно полезный труд и его результаты определяют положение человека в обществе. Государство, сочетая материальные и моральные стимулы, поощряя новаторство, творческое отношение к работе, способствует...» [11, статья 14]. В Конституции СССР была Глава 2 «Экономическая система»; в Конституции РФ [12] такой главы нет. Каким же тогда образом реализовывать

так широко расписанные права граждан, если не прописаны экономические подходы и инструменты по созданию экономических условий, приемлемых для создания экономического результата, посредством которого эти права будут реализованы, а не только продекларированы, — непонятно?

Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года своим содержанием закрепила институты власти и спасла страну от сепаратизма и дальнейшего дробления, и в этом величайшая заслуга людей, которые подготовили Конституцию РФ и людей, которые ее выполняют, но отсутствие в Конституции РФ главы об экономической системе чревато серьезными последствиями. При низких ценах на нефть при данной Конституции РФ официальная статистика в 1998 году фиксировала низжайшие показатели производства и благополучия населения. А если бы цены на нефть не выросли до сказочных величин, что тогда? Как бы жила страна все эти годы?

Мы и подошли к тому, что государство вынуждено выбирать между рыночной невинностью в идеологии, закреплённой в законодательстве и жизненно важными экономическими результатами, достижение которых обеспечивает самосохранение государства, жизнеспособность общества и благополучие населения, но достижение которых возможно при критическом отношении к идеологическим положениям и своевременном отказе от них посредством изменений в законодательстве.

Изменения в экономическом законодательстве должны удовлетворять критерию массовости, т.к. экономика — массовое явление, в нем участвуют все люди, и экономика пронизывает все сферы общества.

Законодательные поправки по регулированию социально-экономических отношений, носящие точечный характер, безусловно, украшают и взбадривают публичную общественную жизнь, но не влияют или очень мало влияют на общий экономический результат хозяйственной деятельности в стране. Пример тому восстановление звания за трудовые заслуги «Герой труда России».

Никто не говорит, что не нужно было восстанавливать — наивысшая оценка всегда важна. Она подчеркивает индивидуальные достижения. Наивысшая оценка всегда носила и носит образцово-показательный, идеологический, воспитательный характер, но она точечна, а люди в экономике, повторим, своим большинством массово определяют итоговый результат хозяйствования в стране.

Если экономика — массовое явление, то и большинство (в идеале все люди) должны быть заинтересованы в создании большого общественного пирога, но этого не происходит. Во все исторические времена, у всех народов, при всех религиях, при любых коллективных действиях были, есть и будут те, кто уклоняется от коллективных обязанностей, пользуясь несовершенством законодательства и систем учета вклада в создание «пирога благополучия». Посредством внешне неагрессивного и чаще даже располагающего к себе, но по экономическому содержанию захватнического экономического поведения, недобросовестные (ленивые, подлые, лукавые — народные характеристики) субъекты эксплуатируют законопослушных субъектов. Эксплуатируют не прямым образом, а косвенным — путем потребления благ коллективного потребления, не внося в их производство своего созидательного труда, не растрчивая себя как рабочую силу на реальное производство, а наоборот, направляя свои жизненные силы на социальную борьбу со своими же гражданами за лучшее место под «социально-экономическим солнцем». И если экономическая обстановка ухудшается, то следует ожидать большего давления со стороны недобросовестных субъектов на законопослушных субъектов. В России высокотехнологичное производство и современные смежные отрасли, вспомогательные для производства, создаются и будут созданы каждодневным кропотливым трудом законопослушных граждан, поэтому нужна законодательная защита их труда и результатов труда от бездельников и захватчиков.

Кроме защиты реальным труженикам нужно знать, для чего они трудятся. В микро-

плане — да, ясно — для своих семей, близких и любимых людей. Понимание личной трудовой роли в макроплане (в социуме) у большинства людей в настоящее рыночное время носит, как правило, фрагментарный и противоречивый характер, описываемый теорией ограниченной рациональности, эффектом расхождения личного восприятия предельной полезности благ [13]. И здесь нужна определенная государственная социально-экономическая идеология по вопросам труда, и в этом случае массовое понимание личной трудовой роли в макроплане станет действенным инструментом институциональных преобразований в целях экономического роста.

Идеология — это система взглядов и идей, в которых выражается отношение к той или иной действительности, взгляды, интересы, цели, намерения, умонастроения людей, классов, партий, субъектов политики и власти тех или иных эпох, поколений, общественных движений, искусства, литературы и т.д., вплоть до мировоззрения, умозаключений и жизненных позиций носителей той или иной идеологии [14, С. 113–114].

Идеология пронизывает нашу жизнь во всех отношениях, в том числе определяет содержание трудовой этики и обоюдно обогащается ею. Таким образом, идеология может сформировать новые стандарты поведения, новые рутины, новые поведенческие модели [15], как это сделала в свое время идеология протестантизма, заложившая основные институты капитализма на поведенческом уровне [16]. Каким бы сухим языком не были написаны законы, ключевые идеологические позиции все равно будут просматриваться через смыслы содержания текстов статей любого закона.

Основными документами, определяющими направления и ожидаемые результаты социально-экономического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в долгосрочной перспективе, являются:

— Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [17];

— Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года [18].

Документы стратегического планирования хороши тем, что дают некий идеальный образ развития какого-либо объекта на основе анализа состояния объекта в текущий момент времени. В аналитической и прогнозной работе используются те или иные методы, которые, как известно, в достаточно большой мере определяют качественные и количественные итоги исследования (какова методика — таков и результат). Выбор методов, их комбинирование и использование на этапах исследования составляют содержание методологии. Методология — совокупность подходов, порождающих метод; методология обосновывает метод. На методологию, в свою очередь, оказывают влияние текущая идеология и политика, которая может исключить критическое отношение к методам и/или наложить запрет на методологический плюрализм («пролиферацию» по П. Фейерабенду). Методология также зависима от индивидуальной апперцепции исследователя, от усвоенной им идеологии и государственной политики.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года вполне определенно указана причинно-следственная логическая цепочка зависимостей и следований, тормозящих темпы институциональных преобразований. «Действенность институциональных изменений зависит от того, в какой степени принятые законодательные нормы подкреплены эффективностью их применения на практике. В России образовался существенный разрыв между формальными нормами (законами) и неформальными нормами (реальным поведением экономических субъектов), что выражается в низком уровне исполнения законодательства и терпимом отношении к такому неисполнению со стороны власти, бизнеса и широких слоев населения, то есть в правовом нигилизме. Такая ситуация значительно осложняет формирование новых институтов, в том числе необходимых для развития инновационной экономики [19].

Нужна целенаправленная деятельность по борьбе с правовым нигилизмом, включая повышение качества самих законодательных норм и обеспечение максимального их исполнения» [17, глава VI, §1].

Повышение качества законодательных норм возможно посредством многостороннего экономического анализа и преобразования отношений собственности — собственности как системообразующего общественного института, в том числе анализа и преобразования института труда, обеспечивающего реализацию собственности работника (рабочей силы) и компенсацию ее факторным доходом (заработной платой).

Вывод

В настоящее время обеспечение условий экономического роста в России на основе развития современного, высокодоходного и целесообразного во всех отношениях производства невозможно без адекватных социально-экономических отношений (если в тер-

минах классической политэкономии: производственные отношения должны соответствовать производительным силам). Эффективность проводимой в настоящее время политики по формированию инновационной экономики существенным образом зависит от сбалансированности интересов собственников факторов производства.

Изменение структуры факторных доходов в стране путем изменений в трудовом законодательстве по регулированию труда и заработной платы, их количественному и качественному соответствию, их учету и соотнесению с будущей пенсией в сложившихся для России внешнеэкономических условиях является важнейшим институциональным инструментом по формированию экономики инновационного типа. Задача сводится к тому, чтобы создать условия, в которых человеку было бы выгодно отдавать свои жизненные силы созиданию реальных полезностей и производственному творчеству и не заниматься чем-либо иным.

Список литературы

1. Стратегия–2020: Новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Кн. 1; под научн. ред. В.А. Мау, Я.И. Кузьминова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. 430 с.

2. Широков А.А., Янговский А.А., Потапенко В.В. Оценка потенциального влияния санкций на экономическое развитие России и ЕС // Проблемы прогнозирования. 2015. № 4. С. 3–16.

3. Консолидированные счета (в текущих ценах; млн руб.). Дата последнего размещения данных 29.07.2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения: 14.09.2016).

4. Синяк Ю.В. Экономическая оценка потенциала мировых запасов нефти и газа // Проблемы прогнозирования. 2015. № 6. С. 86–107.

5. Зубаревич Н., Идрисов Г., Каукин А., Кнобель А., Логинова Д., Узун В., Фиранчук А., Цухло С. Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития [Электронный ресурс] / Под ред. В.С. Гуревича, С.М. Дробышевского, П.А. Кадочникова, А.В. Колесникова, В.А. Мау, С.Г. Синельникова-Мурyleва; Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Всероссийская академия внешней торговли, при партнерстве с Ассоциацией инновационных регионов России. 2016. № 14 (32). Сентябрь. 30 с. URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2016_14-32_September.pdf.

6. Шестакович А.Г., Зулькарнай И.У. Инновационный центр «Сколково» как проект по трансплантации успешных институтов «Силиконовой Долины» // Инновационная деятельность. 2014. № 3 (30). С. 17–27.

7. Цит.по: Коуз Рональд Гарри / Румянцева Е.Е. Новая экономическая энциклопедия. 3-е изд. — М.: ИНФРА-М, 2008. — VI, С. 260–263.

8. Коуз Рональд. Фирма, рынок и право: Пер. с англ. М.: «Дело ЛТД» при участии изд-ва «Catallaxy», 1993. 192 с.

9. Колганов А.И., Бузгалин А.В. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 80–94.

10. Погосов И.А., Соколовская Е.А. Факторы долгосрочного экономического роста: соотношение капитала и труда в приросте валового дохода экономики, численность занятых и производительность труда // Проблемы прогнозирования. 2015. № 6. С. 18–30.

11. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) (с изменениями от 1 декабря 1988 г., 20, 23 декабря 1989 г., 14 марта, 26 декабря 1990 г.) // ГАРАНТ Платформа ЭКСПЕРТ. Версия от 4 сентября 2008 г.

12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с поправками от 30 декабря 2008 г., 5 февраля, 21 июля 2014 г.)

13. Зулкарнай И.У. Предельная полезность и полезность единицы блага в условиях ограниченной рациональности индивидов // Известия Уфимского научного центра РАН. 2012. № 1. С. 51–57.

14. Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост.: Ю.И. Аверьянов. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. 431 с.

15. Зулкарнай И.У. Ограниченная рациональность индивидов: графические модели несовершенной памяти // Журнал экономической теории. 2009. № 2. С. 249–256.

16. Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. М.: Издательство «Российская политическая энциклопедия», 2006. 656 с.

17. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 г. 1662-п (ред. от 08.08.2009).

18. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития РФ) (2013).

19. Полтерович В.М. Институциональный эксперимент // Экономическая наука современной России. 2013. № 3. С. 14–26.

References

1. Strategy 2020: New Growth Model — New Social Policy. Final Report on the Results of Expert Work on Actual Problems Socially-Economic Strategy of Russia for the Period up to 2020. Book 1; under scientific. edition of V.A. Mau, I.Y. Kuzminova. M.: Publishing house «Delo» Rankhigs, 2013. 430 p.

2. Shirov A.A., Yantovsky A.A., Potapenko V.V. Assessment of the Potential Impact of Sanctions on the Economic Development of Russia and the EU / Problems of Forecasting. 2015. No. 4. P. 3–16.

3. Consolidated Accounts (Current Prices; Million Rubles). The Date of the Last Placement data 29.07.2016. [Electronic Resource]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (accessed 14.09.2016).

4. Sinyak Y.V. Economic Evaluation of the Potential of the World's Reserves of Oil and Gas // Problems of Forecasting. 2015. No. 6. P. 86–107.

5. Zubarevich N., Idrisov G., Kaukin A., Knobel A., Loginova D., Uzun V., Firanchuk A., Tsukhlo S. The monitoring of the economic situation in Russia: trends and challenges for socio-economic development / ed. V.S. Gurevich, S.M. Drobyshevsky, P.A. Kadochnikova, A.V. Kolesnikova, V.A. Mau, S.G. Sinelnikova-Muryleva; Institute of Economic Policy named after E.T. Gaidar, the Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation, All-Russia Academy of Foreign Trade, in Partnership with the Association of Innovative Regions of Russia. [Electronic Resource]. 2016. No. 14 (32). September. 30 p. URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2016_14-32_September.pdf.

6. Shestakovich A.G., Zulkarnay I.U. The Innovative Center «SKOLKOVO» as the Project of Transplantation of Successful Institutions

- «Silicon Valley» // Innovative Activity. 2014. No. 3 (30). P. 17–27.
7. CIT. in: Coase, Ronald Harry / Rumyantseva E.E. New Economic Encyclopedia. 3-e izd. M.: INFRA-M, 2008. VI, P. 260–263.
8. Coase, Ronald. Firm, Market and Law: Transl. from Engl. M.: «Delo» LTD with the Participation of «Catallaxy» Publ., 1993. 192 p.
9. Kolganov A.I., Buzgalin A.V. Reindustrialization as Nostalgia? Theoretical Discourse // Sociological Research. 2014. No. 1. P. 80–94.
10. Pogosov I.A., Sokolov E.A. Factors of Long-Term Economic Growth: the Ratio of Capital and Labour in the Gross Income of the Economy, Employment and Productivity // Problems of Forecasting. 2015. № 6. P. 18-30.
11. Constitution (Fundamental Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (adopted at the seventh extraordinary session of the Supreme Soviet of the USSR ninth convocation October 7, 1977) (amended December 1, 1988, 20, 23 Dec. 1989, Mar 14 26 Dec 1990) // GARANT Platform EXPERT. Version of September 4, 2008.
12. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote December 12, 1993) (amended December 30, 2008, February 5, July 21, 2014).
13. Zulkarnay I.U. The Marginal Utility and Usefulness of Units of the Good in Terms of Bounded Rationality of Individuals // Proceedings of the Ufa Scientific centre of RAS. 2012. No. 1. P. 51–57.
14. Political Science: Encyclopedic Dictionary / General. ed. and comp.: Y.I. Averyanov. M.: Mosk. commercial. Univ., 1993. 431 p.
15. Zulkarnay I.U. Bounded Rationality of Individuals: Graphical Models of Imperfect Memory // Journal of Economic Theory. 2009. No. 2. P. 249–256.
16. Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. M.: Publishing House «Russian Political Encyclopedia», 2006. 656 p.
17. The Concept of Long-Term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the Period until 2020. The Decree of the RF Government from 17.11.2008 1662-R (as amended on 08.08.2009).
18. Forecast Long-Term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the Period up to 2030 (developed by the Ministry of Economic Development) (2013).
19. Polterovich V.M. Institutional Experiment // Economic Science of Modern Russia. 2013. No. 3. P. 14–26.

Щёлокова Д. В.
Shchelokova D. V.

*научный сотрудник Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
г. Москва, Российская Федерация*

УДК 553.98; 338.012

УЧЕТ РИСКОВ ПРИ ОЦЕНКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДОБЫЧИ УГЛЕВОДОРОДНЫХ РЕСУРСОВ ИЗ НЕТРАДИЦИОННЫХ ИСТОЧНИКОВ СЫРЬЯ

Текущее состояние национального и мирового экономико-энергетического обмена характеризуется превалированием предложения различных видов энергетических ресурсов и, одновременно с этим, понижательной динамикой цен на углеводороды. Эти факторы негативно влияют на рыночные позиции углеводородных ресурсов в целом и экономические показатели освоения запасов перспективных, в том числе нетрадиционных, ресурсов углеводородов в частности. Серьезным ограничением для развития добычи углеводородов из нетрадиционных источников оказываются существенно более высокие затраты на добычу таких ресурсов по сравнению с добычей традиционных углеводородов, а также несовершенство имеющихся и применяемых для разработки технологий, оказывающих отрицательное воздействие на состояние окружающей среды. В связи с этим анализ и оценка рисков их добычи представляются обоснованными и необходимыми.

В статье рассматриваются основные методы оценки рисков добычи углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников сырья. Предложена классификация рисков, учитываемых в оценке экономической эффективности добычи таких ресурсов, включающая основные типы рисков добычи углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников и перечень единичных видов рисков. Выделены следующие типы рисков добычи нетрадиционных углеводородов: эволюционные, отраслевые и социально-экологические, отмечены основные условия их происхождения и последствия их влияния как на общее состояние экономического и социально-бытового сектора, так и на эффективность добычи нетрадиционных углеводородных ресурсов.

Предлагаемый автором подход к классификации и учету рисков добычи углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников позволяет идентифицировать риски, связанные с добычей углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников сырья, а также оценивать экономическую эффективность этой добычи. Метод оценки экономической эффективности добычи углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников сырья является надежным инструментом, который может быть использован при качественной или количественной оценке деятельности, связанной с добычей энергетических ресурсов.

Ключевые слова: нетрадиционные источники сырья, добыча углеводородов, нефть, природный газ, риски, методы оценки.

ADJUSTING FOR RISK IN ECONOMIC EFFICIENCY ASSESSMENT OF HYDROCARBON RESOURCES PRODUCTION FROM NON-CONVENTIONAL SOURCES OF RAW MATERIALS

The current state of national and global economic and energy exchange is characterized by the supply predominance of various types of energy resources and, at the same time, the downward dynamics of hydrocarbon prices. These factors negatively affect the market positions of the hydrocarbon resources as a whole and economic performance of deposits development of perspective, including non-con-

ventional, hydrocarbon resources in particular. Considerable constraints for the development of hydrocarbons production from non-conventional sources are significantly higher production costs of such resources in comparison with the traditional hydrocarbons production, as well as the imperfection of the existing and applied technologies that have a negative impact on the environment. In this regard, the analysis and evaluation of its production risks are justified and necessary.

The article deals with the main methods of risk assessment of hydrocarbon resources extraction from non-conventional sources of raw materials. Proposed is a classification of risks taken into account in the assessment of the economic efficiency of such resources production, including the main types of risks of hydrocarbon resources production from non-conventional sources and the list of individual types of risks. The following types of non-conventional hydrocarbon production risks are highlighted: evolutionary, industrial and socio-environmental, with the basic conditions of their origin and the consequences of their influence both on the overall economic and welfare sector and the efficiency of non-conventional hydrocarbon resources extraction.

Proposed by the author approach to the classification and accounting of risks of hydrocarbon resources production from non-conventional sources makes it possible to identify the risks associated with the extraction of hydrocarbon resources from non-conventional sources of raw materials, as well as to assess the economic viability of such production. Evaluation method of economic efficiency of hydrocarbon resources production from non-conventional sources of raw materials is a reliable tool that can be used for qualitative or quantitative estimation of activities related to the production of energy resources.

Key words: non-conventional sources of raw materials, hydrocarbons production, oil, natural gas, risk, assessment methods.

Проблемы укрепления сырьевой базы нефти и газа и обеспеченности углеводородным сырьем являются актуальными для экономического развития Российской Федерации на современном этапе. Объективная необходимость вовлечения в народнохозяйственный оборот страны углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников сырья диктуется как прогнозируемой исчерпаемостью топливно-энергетических ресурсов, так и неуклонным ростом себестоимости освоения традиционных и новых месторождений углеводородного сырья в пределах территорий страны. Достигнутый в последние годы прогресс в технологиях добычи нефтегазового сырья допускает освоение отдельных видов нетрадиционных источников углеводородов. Учет сырьевой базы нетрадиционных источников углеводородного сырья позволит повысить энергетическую безопасность национальной экономики страны в среднесрочной и долгосрочной перспективе. При этом актуальными задачами являются экономическая оценка и выбор эффективных технологий добычи и переработки углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников сырья с учетом рисков составляющей.

Имеющиеся в настоящее время данные свидетельствуют, что объемы добычи углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников сырья постоянно увеличиваются [1, 2], что закономерно влечет за собой рост экологических, производственных и коммерческих рисков. Однако при сокращении объемов добычи уровень рисков не получает пропорционального снижения, что связано, в первую очередь, с тем, что добыча углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников сырья характеризуется наиболее высокой капиталоемкостью и ресурсоемкостью по сравнению с добычей углеводородов из традиционных источников и месторождений [3–5].

Экологический аспект добычи углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников сырья на протяжении долгого времени является предметом научных и общественных дискуссий. Экологические риски добычи этих ресурсов весьма высоки, например в США, в регионах, где осуществлялась добыча горючих сланцев (нефть и газ), экологическая обстановка может быть признана критической [6, 7]. При этом следует отметить, что технологии добычи нетрадиционных углеводородов постоянно развиваются и,

вероятнее всего, уже в ближайшей перспективе будут использоваться новые технико-технологические подходы, которые позволят снизить уровень экологических, инвестиционных, производственных, коммерческих и прочих рисков добычи углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников сырья.

В научно-теоретическом и методическом плане риск это — вероятная возможность наступления какого-либо неблагоприятного исхода (суммы этих исходов), который может привести к неполучению каких-либо выгод (экономических, технологических, прямых, косвенных и т.д.) [8]. Следовательно, чем выше вероятность наступления неблагоприятного исхода, тем выше уровень наступления риска (единичного или их группы) и ниже уровень получения выгод. Иными словами, прослеживается обратно пропорциональная зависимость между уровнем риска и уровнем получения выгод (экономических эффектов) в рамках деятельности, в том числе связанной с добычей ресурсов из нетрадиционных источников.

Из общей теории и методологии управления рисками известны два подхода к оценке рисков: количественная и качественная оценки.

Качественная оценка рисков традиционно включает:

— анализ и оценку целесообразности, уместности и обоснованности затрат (расходов);

— исследование и определение аналогий (или исследование аналогий лучшего и худшего опыта [9]);

— экспертные оценки (например Дельфи-метод, групповые методы мозгового штурма и т.п.).

Оценка риска с использованием метода целесообразности затрат и метода аналогий во многом ориентирована на микроуровень и предназначена преимущественно для управленческих нужд отдельно взятых хозяйственных субъектов. В российских научно-методических разработках при использовании метода аналогий предлагается рассматривать только успешно реализованные идеи, тогда как зарубежные исследователи показывают,

что объективная оценка рисков, основанная на методе аналогий, может быть получена только в случае учета опыта успешной и неуспешной реализации рискованных идей [9, 10]. Это означает, что массив исходных данных может быть достаточно большим, и его обработка может потребовать больше ресурсов, чем это действительно необходимо.

Методы Дельфи и группового мозгового штурма могут успешно использоваться в практике оценки и управления рисками как на микроэкономическом, так и макроэкономическом уровнях. Однако стоит учитывать, что экспертное мнение во многом субъективно, и, следовательно, любые транслируемые экспертами оценочные суждения могут подтолкнуть лиц, принимающих решения, действовать так, как это описывают или предполагают эксперты, в действительности же ситуация могла бы развиваться в ином направлении.

Отсюда следует, что оценка рисков с использованием качественных подходов представляется в значительной степени условно-объективной и требующей множества вычислительных итераций по сопряженным оценкам (например, необходима оценка согласованности мнений экспертов, оценка лингвистических переменных с использованием специальных математических методов и т.п.).

В свою очередь, количественные методы оценки рисков могут быть классифицированы в две большие группы: математические и аналитические. Математические методы оценки основаны на использовании теории вероятностей и предполагают выявление вероятности наступления рискованного события и оценку уровня этой вероятности с учетом показателей среднего математического ожидания, вариации и дисперсии. Аналитические методы оценки (норма дисконта, безубыточность, чувствительность, сценарирование, метод Монте-Карло) предполагают установление закономерностей изменений в некотором множестве параметров, описывающих риск.

Очевидно, что часть методов количественной оценки риска может быть использована

только при принятии управленческих решений на микроуровне (уровне отдельно взятых хозяйствующих субъектов, в том числе осуществляющих добычу газа из нетрадиционных источников сырья). Но методы сценарирования, а также математические методы и метод Монте-Карло могут быть использованы для оценки рисков как на микроэкономическом, так и на макроэкономическом уровнях.

В контексте оценки экономической эффективности добычи углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников сырья целесообразно рассматривать три основных типа рисков:

— эволюционные риски, которые обусловлены влиянием преимущественно политических, экономических и технологических процессов, протекающих на глобальном уровне;

— отраслевые риски, обусловленные влиянием производственно-коммерческих процессов, протекающих в рамках топливно-энергетического комплекса и его отдельных отраслей;

— социально-экологические риски, которые являются прямым следствием деятельности, связанной с добычей углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников.

В каждом из трех типов риска выделяются условия их происхождения и последствия их влияния не только на общее состояние экономического и социально-бытового сектора, но и конкретно на эффективность добычи нетрадиционных углеводородов. Очевидно, что максимизация эффективности может быть достигнута либо при балансе спроса и предложения, либо при дисбалансе, когда спрос на любые энергетические ресурсы, в том числе и нетрадиционные углеводороды, будет преобладающим. Однако текущее состояние национального и мирового экономико-энергетического обмена характеризуется преобладанием предложения различных видов энергетических ресурсов и одновременно с этим понижательной динамикой цен на углеводородное сырье, что негативно влияет на рыночные позиции углеводородных ресурсов, добываемых из нетрадиционных источников.

Для оценки рисков добычи углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников сырья предлагается компилировать два метода: моделирование по методу Монте-Карло (аналитический метод) и расчет уровня риска с использованием теории нечетких множеств (математический метод) [11, 12]. Первоначально необходимо сформировать перечень единичных видов рисков, которые будут входить в ту или иную типовую группу. Эмпирическим путем с использованием источников [13–15] было выделено девять видов рисков (таблица 1).

Для получения значений или количественных оценок уровня рисков в каждой типовой группе используется моделирование по методу Монте-Карло. С учетом того что конечный расчет риска будет реализован на оценочной методике, основанной на теории нечетких множеств, для моделирования выбираются те значения риска, которые будут соответствовать нечеткому множеству «вероятность рисков добычи углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников». Математически нечеткое множество описывается следующим образом [11]:

$$\dot{A} = \{u, MF(u) \mid u \in U\}, \quad (1)$$

где \dot{A} — исследуемое нечеткое множество на универсальном множестве U ; $MF(u)$ — функция принадлежности, отражающая степень принадлежности элемента $u \in U$ к нечеткому множеству.

Отсюда следует, что величина риска должна соответствовать по своим параметрам нечеткому множеству, при этом значения нечеткого множества должны указывать на то, что риск имеет место. Иными словами, лингвистическая переменная «риск добычи углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников» будет варьироваться в диапазоне от 1 % до 100 % (где 1 % — риск минимален, 100 % — риск максимален). При этом границы нечеткого множества будут определены в интервале $[0,1; 1]$ (где 0,1 — вероятность реализации рисков событий минимальная; 1 — высокая вероятность возникновения катастрофического риска).

Для выполнения моделирования используются стандартные или специальные про-

Таблица 1. Виды единичных рисков, включаемых в типовые группы рисков добычи углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников сырья

Типовая группа рисков	Вид единичного риска
Эволюционные риски	Риск политических соглашений и картельных сговоров, направленных на ограничение объемов добычи углеводородных ресурсов как из традиционных, так и из нетрадиционных источников
	Риски снижения цен на углеводородные ресурсы и утраты углеводородами ценности как энергетического ресурса
	Риски появления прорывных технологий возобновляемой энергетики, полностью исключающих потребление углеводородных ресурсов
Отраслевые риски	Риски неконтролируемого роста издержек добычи углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников, в том числе на фоне критического снижения рыночных цен на углеводородные ресурсы
	Риски сокращения спроса на углеводородные ресурсы в целом, обусловленные сменой энергетической парадигмы, и на нетрадиционные углеводороды в частности, обусловленные удешевлением рыночных цен на традиционные углеводороды
	Риски роста внутриотраслевой конкуренции как со стороны сегмента возобновляемой энергетики, так и со стороны сегмента традиционной углеводородной энергетики
Социально-экологические риски	Риск увеличения экологического вреда экосистемам вследствие использования экологически опасных способов добычи
	Риск социальной дестабилизации на фоне экологических рисков и неэффективности производственно-коммерческих процессов, протекающих в сегменте добычи углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников
	Риски техногенных аварий при добыче углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников, обусловленных в том числе необходимостью снижения расходов на эту добычу

граммные приложения (например Excel, MATHCAD), где исполняется некоторое множество расчетных итераций случайных величин по каждому виду риска, выделяется наиболее достоверная величина единичного риска, соответствующая нормальному распределению. Далее полученные величины единичных рисков соотносят со шкалой вероятности и с использованием математического выражения нечеткого множества рассчитывают итоговый уровень риска по каждой группе:

$$R_i = \frac{\sum v_i P_i}{\sum P_i}, \quad (2)$$

где R_i — количественная оценка типовой группы рисков добычи углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников сырья; v_i — величина единичного риска, смоделированная по методу Монте-Карло, %; P_i — уровень вероятности реализации события под влиянием единичного риска.

Общий коэффициент риска добычи углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников сырья необходимо рассчитывать как среднюю арифметически взвешенную по трем типовым группам риска с учетом неравнозначности весомости групп рисков:

— весомость эволюционных рисков наиболее высокая, поскольку данные риски первичны и продуцируют отраслевые и социально-экономические риски, и определяется на уровне 0,4 п.п.;

— весомость отраслевых и социально-экологических рисков принимается равной 0,25 и 0,35 п.п. соответственно, при этом учитывается, что отраслевые риски влияют только на функционирование и развитие хозяйствующего субъекта, а также на деятельность взаимосвязанных структур топливно-энергетического комплекса, а социально-экологические риски оказывают влияние на все физическое пространство.

Отсюда формула для расчета коэффициента риска, характеризующего, в том числе, уровень рисков добычи углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников сырья, который учитывается в оценке экономической эффективности добычи углеводородов, примет следующий вид:

$$k_r = 1 - \frac{w_i R_i}{\sum R_n}, \quad (3)$$

где R_i — количественная оценка i -й типовой группы рисков добычи углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников сырья; w_i — весомость i -й типовой группы

рисков добычи углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников; ΣR_n — количество типовых групп рисков добычи, задействованных в оценке.

Таким образом, предлагаемый подход к учету рисков в оценке экономической эффективности добычи углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников сырья основан на количественных методах (аналитическом и математическом), и реализуется в три этапа. На первом этапе эмпирическим путем определяется перечень единичных рисков в каждой типовой группе (эволюционные, отраслевые, социально-экономические риски), величина которых моделируется с использованием нормального распределения по методу Монте-Карло (случайная величина риска может варьироваться в диапазоне от 1 % до 100 %). На втором этапе рассчитывается конечное значение риска с учетом вероятности реализации рисков событий (здесь предлагается использовать математическое выражение, основанное на алгоритмах расчета лингвистических переменных с использованием нечеткой логики). В рамках тре-

того этапа рассчитывается общий взвешенный коэффициент риска, который будет учтен при оценке экономической эффективности добычи углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников сырья.

Разработанный методический подход представляет собой модифицированный оценочно-аналитический комплекс, позволяющий своевременно идентифицировать и исследовать уровень рисков, характерных для сферы добычи углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников, а также учитывать общий риск при оценке экономической эффективности этой добычи. Этот методический подход является адаптивным и унифицированным инструментарием, который может быть использован в отраслях, сферах или сегментах при оценке качественных или количественных характеристик деятельности, связанной с добычей как углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников, так и прочих энергетических ресурсов, получаемых, в том числе, из возобновляемых источников энергии.

Список литературы

1. Aguilera R.F., Radetzki M. The Shale Revolution: Global Gas and Oil Markets Under Transformation // *Mineral Economics*. 2014. Vol. 26. Iss. 3. pp. 75–84.

2. Davies R.J., Almond S., Ward R.S., Jackson R.B., Adams Ch., Worrall F., Herringshaw L.G., Gluyas J.G., Whitehead M.A. Oil and Gas Wells and Their Integrity: Implications for Shale and Unconventional Resource Exploitation. *Marine and Petroleum Geology*. 2014. Vol. 56. pp. 239–254.

3. Молодцов К.В. Нестандартные газ и нефть: прогнозы, риски и перспективы // *Состояние и перспективы развития ТЭК России*. 2015. Т. 15 (3). С. 145–149. Режим доступа: <http://federalbook.ru/files/TEK/Soderzhanie/Tom%2015/III/Molodcov.pdf> (дата обращения: 12.09.2016).

4. Щёлокова Д.В. Современное состояние и перспективы развития мировых рынков нетрадиционных источников углеводородов

// *Проблемы сбора, подготовки и транспорта нефти и нефтепродуктов*. 2016. Вып. 3 (105). С. 129–137.

5. Зафарова А.М. Экономический механизм формирования горнопромышленного комплекса по освоению сланцевого углеводородного сырья // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2014. № 9 (9). С. 1–16. Режим доступа: <http://7universum.com/en/economy/archive/item/1554> (дата обращения: 17.09.2016).

6. Olmstead S.M., Muehlenbachs L.A., Shih J-S, Chu Z., Krupnick A.J. Shale Gas Development Impacts on Surface Water Quality in Pennsylvania. *PNAS*. USA, 2013, March 26, 2013, Vol. 110, No. 13, pp. 4962-4967.

7. Zoback M., Kitasei S., Copithorne B. Addressing the Environmental Risks from Shale Gas Development. Briefing Paper 1. World Watch Institute, 2010. 18 p.

8. Пташкина Е.С. Процесс управления рисками на предприятии и методы их оценки // *Наука и мир*. 2014. Т. 2. № 2 (6). С. 78-82.

9. Bahr N.J. System Safety Engineering and Risk Assessment: A Practical Approach, Second Edition. CRC Press, 2014. С. 211–221.

10. An Introduction to Information Risk Assessment. SANS Institute 2003, 11 p. Режим доступа: <https://www.giac.org/paper/gsec/3156/introduction-information-risk-assessment/105258-free> (дата обращения: 24.09.2016).

11. Боженюк А.В., Опенько Н.С. Исследование и анализ методов принятия решений на основе нечеткой информации // Известия ЮФУ. Технические науки. 2012. № 4 (129). С. 237–242.

12. Пылькин А.Н., Крошилин А.В., Крошилина С.В. Построение систем поддержки принятия решений с применением нечетко-множественного подхода // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2012. № 5. С. 109–117.

13. Асаулов С. Нетрадиционные источники углеводородов: сланцевый пузырь или сланцевая революция? // ROGTEC. 2014. № 9. С. 52–61. Режим доступа: https://rogtecmagazine.com/wp-content/uploads/2014/09/05_TNK-BP-Shale-Bubble-or-Shale-Revolution.pdf (дата обращения: 11.09.2016).

14. Якуцени В.П., Петрова Ю.Э., Суханов А.А. Нетрадиционные ресурсы углеводородов — резерв для восполнения сырьевой базы нефти и газа России // Нефтегазовая геология: теория и практика. 2009. № 4. С. 1–20.

15. Говорушко С.М. Экологические последствия добычи, транспортировки и переработки ископаемого топлива: монография. Владивосток: Дальнаука, 2014. 208 с.

References

1. Aguilera R.F., Radetzki M. The Shale Revolution: Global Gas and Oil Markets Under Transformation. Mineral Economics. 2014. Vol. 26. Iss. 3. pp. 75–84.

2. Davies R.J., Almond S., Ward R.S., Jackson R.B., Adams Ch., Worrall F., Herringshaw L.G., Gluyas J.G., Whitehead M.A. Oil and Gas Wells and Their Integrity: Implications for Shale and Unconventional Resource Exploitation. Marine and Petroleum Geology. 2014. Vol. 56. pp. 239–254.

3. Molodcov K.V. Nestandartnye gaz i neft': prognozy, riski i perspektivy [Non-Standard Oil and Gas: Forecasts, Risks and Prospects]. Sostoyanie i perspektivy razvitiya TEK Rossii. 2015. 15 (3). (In Russ.). Available at: <http://federalbook.ru/files/TEK/Soderzhanie/Tom%2015/III/Molodcov.pdf> (accessed 12.09.2016).

4. Shchelokova D.V. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya mirovykh rynkov netraditsionnykh istochnikov uglevodorodov [Current Status and Prospects for Markets Development of Non-Conventional Hydrocarbon Sources]. Problems of Gathering, Treatment and Transportation of Oil and Oil Products. 2016. Vol. 3 (105). pp. 129–137. (In Russ.).

5. Zafarova A.M. Ekonomicheskij mekhanizm formirovaniya gornopromyshlennogo kompleksa po osvoeniyu slancevogo uglevodorodnogo syr'ya [Economic Mechanism of Formation of the Mining Complex for the Development of Shale Hydrocarbons]. Universum: ehkonomika i yurisprudenciya, 2014. No. 9 (9). (In Russ.). Available at: <http://7universum.com/en/economy/archive/item/1554> (accessed 17.09.2016).

6. Olmstead S.M., Muehlenbachs L.A., Shih J-S, Chu Z., Krupnick A.J. Shale Gas Development Impacts on Surface Water Quality in Pennsylvania. PNAS, USA, 2013, March 26, 2013, Vol. 110, No. 13. pp. 4962–4967.

7. Zoback M., Kitasei S., Copithorne B. Addressing the Environmental Risks from Shale Gas Development. Briefing Paper 1. World Watch Institute, 2010. 18 p.

8. Ptashkina E.S. Process upravleniya riskami na predpriyatii i metody ih ocenki [The Risk Management Process in a Company and its Evaluation Methods]. Nauka i mir, 2014. T. 2. No. 2 (6). (In Russ.).

9. Bahr N.J. System Safety Engineering and Risk Assessment: A Practical Approach. Second Edition. CRC Press, 2014.

10. An Introduction to Information Risk Assessment. SANS Institute 2003. Available at: <https://www.giac.org/paper/gsec/3156/introduction-information-risk-assessment/105258-free> (accessed 24.09.2016).

11. Bozhenyuk A.V., Open'ko N.S. Issledovanie i analiz metodov prinyatiya reshenij

na osnove nechetkoj informacii [Research and Analysis of Decisions Methods on Basis of Indeterminate Information]. Izvestiya YUFU. Tekhnicheskie nauki. 2012. No. 4 (129).

12. Pyl'kin A.N., Kroshilin A.V., Kroshilina S.V. Postroenie sistem podderzhki prinyatiya reshenij s primeneniem nechetko-mnozhestvennogo podhoda [Construction of Decision Support Systems using Indeterminate-Set Approach]. Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela. 2012. No. 5.

13. Asaulov S. Netradicionnye istochniki uglevodorodov: slancevyj puzyr' ili slancevaya revolyuciya? [Non-Conventional Sources of Hydrocarbons: Shale Bubble or Shale Revolution?]. ROGTEC, 2014, no. 9. (In Russ.). Available at: <https://rogtecmagazine.com/>

wp-content/uploads/2014/09/05_TNK-BP-Shale-Bubble-or-Shale-Revolution.pdf. (accessed 11.09.2016).

14. Yakuceni V.P., Petrova Yu.Ye., Suhanov A.A. Netradicionnye resursy uglevodorodov — rezerv dlya vospolneniya syr'evoy bazy nefti i gaza Rossii [Unconventional Hydrocarbon Resources are the Reserve for Renewal of the Russia Oil and Gas Resource Base]. Neftegazovaya geologiya: teoriya i praktika. 2009. No. 4. (In Russ.).

15. Govorushko S.M. Ekologicheskie posledstviya dobychi, transportirovki i pererabotki iskopaemogo topliva [Environmental Impacts of Production, Transportation and Processing of Fossil Fuels]. Vladivostok: Dal'nauka, 2014.

Сираж Разуки Аббас

Siraj Razooqi Abbas

*Степень магистра в бухгалтерском учете,
Университет Аль-Олбейт,
г. Эль-Мафрак, Иордания*

УДК 378

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИИ И КОМПЕТЕНТНОСТИ БУХГАЛТЕРСКОЙ СЛУЖБЫ

В данной статье рассматривается особенность формирования компетенции сотрудников бухгалтерской службы. Изменения, происходящие в государстве, привели к модернизации российского образования.

В современных условиях хозяйствования в России роль бухгалтера на предприятии неизмеримо возрастает. Рыночная экономика вызывает значительное увеличение функций бухгалтера и расширение задач, стоящих перед ним. Из работника, занимающегося констатацией фактов хозяйственной деятельности на счетах бухгалтерского учета с целью составления достоверной отчетности, он постепенно становится помощником руководителя практически по всем вопросам деятельности предприятия.

Все большее признание находят активные методы обучения, в частности деловые игры. Деловые игры в области обучения бухгалтеров направлены на получение более обширного опыта по принятию решений в учебных лабораториях. Элементы риска, вводимые в деловые игры, дают возможность принимать решения в условиях недостаточной информации и производственной напряженности, что позволяет будущему специалисту принимать управленческие решения (часто рискованные) в моделируемых производственных ситуациях и накапливать умения и навыки без ущерба для реального производства в будущем. Обобщая подходы к пониманию компетенций, можно выделить два: личностный и функциональный. Личностный подход основывается на характеристике личности, позволяющей добиваться успешных результатов в работе, а функциональный подход — на описании задач и ожидаемых результатов. Определение компетенций бухгалтера происходит при помощи метода интервью самого бухгалтера и его коллег в отделе и руководства компании (экспертов), а также применением элементов технологии формирования и развития компетенций бухгалтера. В дополнение к описанной модели необходимо учитывать особенности личности бухгалтера.

Ключевые слова: активные методы обучения, компетенции, компетентность, бухгалтерская служба, личностный подход, функциональный подход.

ACCOUNTING DEPARTMENT COMPETENCE AND SCOPE FORMATION

This article discusses the features of the accounting officers competence formation. The changes taking place in the country, led to the modernization of Russian education.

In the current economic conditions in Russia, the role of accountants in businesses and organizations as a whole is growing immeasurably. The market economy causes significant changes in accounting functions and expansion of tasks facing them. Out of the accountant in charge of ascertaining the facts of economic activities in the accounts compiling accurate reporting, it is gradually becoming an assistant manager in almost all matters of the company.

Active teaching methods, in particular business games, are growing in recognition. Business games in accountants training aim the obtaining of more extensive experience in the decision-making in educational laboratories. Risk elements introduced into the business games, make it possible to make deci-

sions under conditions of lack of information and the tensify production that allows the future specialist to make management decisions (often risky) in simulated work situations, and gain skills without sacrificing real production future. Summarizing, there are two approaches to the understanding of competencies: the personal and the functional. The personal approach is based on the characteristics of the individual, allowing him to achieve a successful outcome in the work, and functional approach — on the description of objectives and expected results. A special image of the accountant takes in consideration the requirements of the position. Defining competencies of the accountant occurs while interviewing of the accountant and his colleagues in the department and the company's management (experts), as well as the use of elements of formation and development technology of accountant competency. In addition to the model described above, one must take in consideration the peculiarities of the individual accountant.

Key words: active teaching methods, competency, competence, accounting service, personal approach, functional approach.

Компетенции бухгалтера становятся важным стратегическим ресурсом компании, стремящейся к устойчивому успеху на рынке. Компания, которая сможет управлять компетенциями бухгалтера, обеспечит себе адаптацию к неопределенности и нестабильности экономики в течение длительного периода времени. В организации бухгалтерского учета необходимо: обоснованно и сознательно выбирать сотрудников бухгалтерии, а также постоянно осуществлять процесс мониторинга и развития компетенций бухгалтеров.

В определении педагогической технологии говорится о намеченных измеряемых результатах в виде заданных параметров профессионально-образовательного развития личности. В качестве указанных параметров мы рассматриваем профессиональные и над-профессиональные компетенции, формирование которых даст выпускникам возможность адаптироваться на рабочем месте и определит направления их саморазвития в будущей профессиональной деятельности.

Смирнов И.П. в работе «Человек — образование — профессия — личность» отмечает, что в современной ситуации, когда довольно сложно со всей определенностью предусмотреть условия профессионального труда или конкретные требования к будущему специалисту, необходимо формирование квалификаций, способных стать устойчивой основой будущих потребностей. Подчеркивается, что в условиях неопределенности нужно «... выбирать в качестве приоритетных такие учебные элементы, которые играли бы клю-

чевую и транслирующую роль в профессиональном образовании. Такие поливалентные учебные элементы пригодны в профессиональной деятельности в течение длительного времени и обычно называются ключевыми квалификациями (навыками, умениями)».

Понятия «компетенция», «компетентность», «компетентный подход» получили широкое распространение в российской педагогике в связи с дискуссиями о проблемах модернизации российского образования, обусловленных социально-экономическими переменами, происходящими в обществе, необходимостью интеграции в европейское и мировое образовательное сообщество, обязательствами о присоединении к базовым принципам организации единого европейского образовательного пространства, взятые нашей страной в рамках Болонского и Копенгагенского процессов.

В настоящее время понятие «компетентность» относится к числу ключевых понятий, детерминирующих содержание и технологию процесса обучения и определяющих показатели качества подготовки выпускников образовательных учреждений НПО и СПО.

Компетентный подход в образовании можно определить как совокупность общих принципов определения целей образования, отбора содержания образования, организации образовательного процесса и оценки образовательных результатов. Компетентный подход реализован в действующих государственных образовательных стандартах НПО второго поколения, в которые, помимо квалификационных требований, характеризующих

профессию и регламентирующих сроки и формы обучения, а также направленность и содержательные параметры профессиональной деятельности работника, включены надпрофессиональные (ключевые) и профессиональные компетенции, которыми должен обладать выпускник. Этот подход лежит также в основе проектирования ГОС НПО и ГОС СПО нового поколения, но в несколько иной терминологии и структуре.

Уточним значение терминов «компетентность» и «компетенции», опираясь на различные точки зрения, приведенные в многочисленных публикациях и исследованиях по этой проблеме.

Прежде всего, приведем значение компетентности, данное в словаре иностранных слов, — обладание знаниями, позволяющее судить о чем-либо, высказывать веское, авторитетное мнение; обладание компетенцией. Соответственно, компетентный — знающий, сведущий в определенной области, имеющий право по своим знаниям или полномочиям делать или решать что-либо, судить о чем-либо; обладающий компетенцией. Заметим, что в словаре синонимов русского языка термины «компетентность», «компетентный» приравниваются соответственно к словам «осведомленность», «осведомленный», а последнее, в свою очередь, соотносится со «сведущий», «знающий», «грамотный».

Компетенция — способность человека к использованию знаний, умений и опыта в стандартных и нестандартных ситуациях. Под «профессиональной компетентностью» он понимает профессионально значимые качества личности, необходимые для осуществления профессиональной деятельности в рамках определенной компетенции на уровне данной квалификации, способность решать определенную профессионально значимую задачу.

Объектом исследования является юрисдикция бухгалтерского учета.

Предметом исследования является формирование компетенции и компетентности работников бухгалтерской службы.

Целью исследования является изучение особенностей формирования компетенции сотрудника бухгалтерской службы.

Задачи исследования:

- изучить роль компетентности бухгалтера в работе бухгалтерской службы;
- рассмотреть особенности повышения компетентности работников бухгалтерской службы.

В современных условиях хозяйствования в России роль бухгалтера на предприятии неизмеримо возрастает. Рыночная экономика вызывает значительное увеличение функций бухгалтера и расширение задач, стоящих перед ним. Из работника, занимающегося констатацией фактов хозяйственной деятельности на счетах бухгалтерского учета с целью составления достоверной отчетности, он постепенно становится помощником руководителя практически по всем вопросам деятельности предприятия.

Ни одно управленческое решение не обходится без согласования с бухгалтером с целью определения как его эффективности, так и налоговых последствий. Поэтому особое значение приобретает формирование и профессиональных и надпрофессиональных компетенций студентов, обучающихся по специальности «Экономика и бухгалтерский учет». Высокий уровень профессиональной компетентности является решающим фактором социальной защищенности и профессионального развития работников, а его достижение — главной задачей учреждений среднего профессионального образования.

Изменения, происходящие в государстве, привели к модернизации российского образования. Все большее признание находят активные методы обучения, в частности деловые игры. Деловые игры в области обучения бухгалтеров направлены на получение более обширного опыта по принятию решений в учебных лабораториях. Элементы риска, вводимые в деловые игры, дают возможность принимать решения в условиях недостаточной информации и производственной напряженности, что позволяет будущему специалисту принимать управленческие решения (часто рискованные) в моделируемых производственных ситуациях и накапливать умения и навыки без ущерба для реального производства в будущем.

Принимая решение в игровой реальности, студенты задействуют привычные им потребности, ценности, ориентируются на знакомые традиции и нормы. Кроме того, наблюдая в игре других игроков, они перенимают их традиции, ценности, нормы, сравнивают реакции на стимулы. Таким образом, в игровой реальности создается или опробуется некоторый макет, образец поведения, элементы которого потом будут использоваться студентом в действительности, что дешевле, быстрее и безболезнее реального опыта. Такой опыт позволит будущему специалисту в реальной обстановке при необходимости принимать эффективные решения с минимальными потерями.

В литературе существует множество разных взглядов на понятие «компетенция». В терминологическом словаре Финансовой академии написано: «Компетенция — способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области; понятие, пришедшее в Россию из англосаксонской традиции образования» [1, С. 28].

Гетьман В.Г. дает такое определение: «Компетенция — это неотъемлемая часть знаний, навыков и установок, относящихся к конкретной профессиональной ситуации» [2].

У Соколова Я.В. мы находим такую трактовку: «Квалификация — это умение хорошо, профессионально работать, делать дело, а компетенция — это умение глубоко понимать это дело, разбираться в его результатах» [3, С. 96].

В книге Лайла М. и Сайна М. Спенсеров «Компетенции на работе» дано следующее определение: «Компетенция — базовое качество индивидуума, имеющее прямое отношение к эффективному и/или наилучшему на основе критериев исполнению на работе или в других ситуациях». Базовое качество означает, что компетенции являются очень глубоко лежащей и устойчивой частью человеческой личности и могут предопределять поведение человека во множестве ситуаций и рабочих задач. Причинное отношение означает, что компетенция предопределяет или вызывает определенное поведение и исполнение. «На основе критериев» значит, что

компетенция действительно прогнозирует хорошее или плохое исполнение, которое измеряется при помощи конкретного критерия или стандарта» [4, С. 9].

Стив Уиддет и Сара Холлифорд в «Руководстве по компетенциям» пишут, что «компетенция — способность, отражающая необходимые стандарты поведения» [5, С. 5].

Следует отличать компетенции от компетентности. Компетентный (лат. *competens, competentis* — надлежащий, способный) — знающий, сведущий в определенной области; имеющий право по своим знаниям или полномочиям делать или решать что-либо, судить о чем-либо [6]. Дж. Равен описывает компетентность как явление, которое состоит из большого числа компонентов, многие из которых относительно независимы друг от друга, некоторые компоненты относятся к когнитивной сфере, а другие — к эмоциональной, эти компоненты могут заменять друг друга в качестве составляющих эффективного поведения [7].

Ж. Делор дает такое определение: «компетентность дает возможность справляться с различными многочисленными ситуациями и работать в группе: научиться познавать, научиться делать, научиться жить вместе» [8]. С. Уиддет и С. Холлифорд пишут, что «компетентность — способность, необходимая для решения рабочих задач и для получения необходимых результатов работы» [5, С. 5].

В соответствии с Международным стандартом образования для профессиональных бухгалтеров № 3 Профессиональные навыки (Professional Skills and General Education): «компетентность — возможность выполнять функциональную роль по определенным стандартам с учетом реальной рабочей обстановки. Компетентность предполагает действия, которые выполняет человек для определения того, действительно ли он может работать по указанным стандартам.

Когда человек, благодаря способностям, выполняет указанные задачи по указанным стандартам, компетентность считается достигнутой (т.е. человек становится компетентным) [9].

Обобщая подходы к пониманию компетенций, можно выделить два: личностный и функциональный. Личностный подход основывается на характеристике личности, позволяющей ей добиваться успешных результатов в работе, а функциональный подход — на описании задач и ожидаемых результатов.

Личностного подхода при определении компетенций придерживаются зачастую американские исследователи [4]. Например, Лайл М. Спенсер и Сайн М. Спенсер, опираясь на методологию Дэвида К. Макклелланда по оценке рабочих компетенций, выделяют центральные и поверхностные компетенции личности (рисунок 1).

Мотивы — то, о чем человек думает или чего хочет постоянно и что вызывает действие. Психофизические особенности (или свойства) — физические характеристики и соответствующие реакции на ситуации и информацию. Я — концепция — установки, ценности или образ — Я человека. Знание — информация, которой обладает человек в определенных содержательных областях. Навык — способности выполнять определенную физическую или умственную задачу. Поверхностные компетенции (знания и навыки) относительно просто развивать, например путем тренинга. Центральные компетенции (мотивы и свойства), лежащие в основе айсберга личности, оценить и развить труднее, рентабельнее отбирать людей по наличию этих характеристик. Компетенции на основе Я — концепция лежат посередине. Установки и ценности можно изменить при помощи психологических тренингов [4].

Компетенции, имеющие в своей основе мотив, свойство и Я — концепцию, прогнозируют навык поведенческих действий, который, в свою очередь, прогнозирует результаты исполнения работы, как мотив/свойство > поведение > результат в модели причинного потока (рисунок 2).

Модели причинного потока можно применять для анализа «оценки рисков». Например, компания, которая не выбирает, не развивает или не стимулирует мотивацию достижения у своих сотрудников, может ожидать меньше улучшений качества, продуктивности, объема продаж и финансовых результатов. Критерии, применяемые при изучении компетенций, следующие:

- наилучшее исполнение, определяемое статистически как одно стандартное отклонение от среднего исполнения (рисунок 3), уровень которого приблизительно — один лучший человек из десяти в конкретной рабочей ситуации;

- эффективное исполнение, то есть «минимально приемлемый» уровень работы, ниже которого сотрудник будет считаться некомпетентным для этой работы.

В рассмотренном подходе используют небольшое количество компетенций и определяют качества, которые являются необходимыми и достаточными для прогноза эффективности сотрудника на определенной должности. Методы оценки компетенций следующие: центры оценки, интервью (поведенческие и неповеденческие), тесты с использованием рабочих примеров, тесты способностей, современные личностные

Рисунок 1. Центральные и поверхностные компетенции [4, С. 11]

Рисунок 2. Модель причинного потока компетенции [4, С. 13]

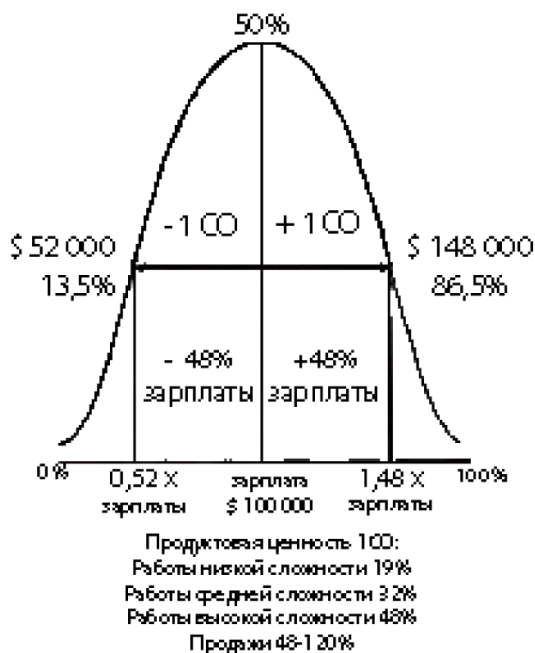

Рисунок 3. Во что обходится наилучшее исполнение [4, С. 14]

тесты, биографические данные и рекомендации. Подход методически сложен, а гибкость современных организаций затрудняет его применение.

Более гибкий, но менее точный способ заключается в установлении статистических связей между успешным профессиональным поведением и показателями психологиче-

ского теста. Например, «эталонные» профили опросника «16 факторов личности» (16 PF) Р.Б. Кеттела [10] с дополнительными шкалами MMPI, разработанными для прогноза успешности деятельности в разных областях, а также методика определения психологических типов личности Д. Кейрси [11].

Личностный подход в подборе бухгалтера затруднителен, так как не позволяет понять, сможет ли человек выполнить работу на нашем предприятии так, как требуется; насколько высока его профессиональная подготовка; есть ли у него достаточный опыт и способности.

Функционального подхода при определении компетенций придерживаются чаще англичане [5, 12]. Например, С. Уиддет и С. Холлифорд представляют компетенции в форме структуры, в которой поведенческими индикаторами являются элементы каждой компетенции. Родственные компетенции объединены в кластеры (наборы тесно связанных между собой компетенций) (рисунок 4).

Поведенческие индикаторы — это стандарты поведения, которые наблюдаются в действиях человека, обладающего конкретной компетенцией. Каждая компетенция — это набор родственных поведенческих индикаторов, которые объединяются в блоки в зависи-

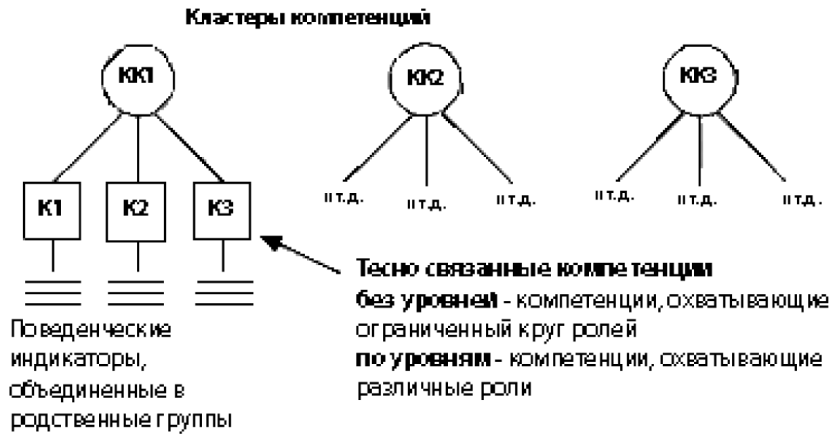

Рисунок 4. Типичная схема структуры компетенций [5, С. 5]

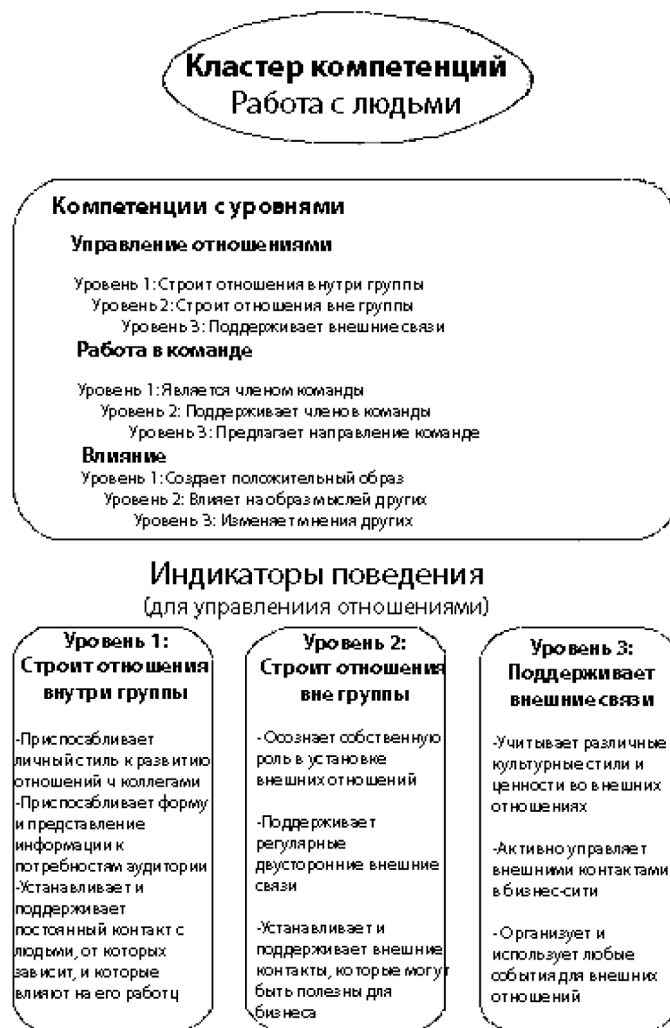

Рисунок 5. Типичное содержание модели компетенций [5, С. 15]

мости от смыслового объема компетенции. Когда модель компетенций охватывает широкий спектр работ или профессиональных качеств с различной категоричностью требований, поведенческие индикаторы разделяются по уровням. Модель компетенций — это

полный набор компетенций (с уровнями или без них) и индикаторов поведения (рисунок 5). Модели компетенций можно использовать при отборе, обучении и развитии, вознаграждении сотрудников.

Рисунок 6. Компетенции и требования должности бухгалтера

Компетенции — это способности бухгалтера выполнять работу в соответствии с требованиями должности, а требования должности — это задачи и стандарты их выполнения, принятые на предприятии (рисунок 6).

Вывод

Специальная модель компетенций бухгалтера состоит из следующих кластеров компетенций:

- работа с людьми (управление отношениями, работа в команде, влияния);
- работа с информацией (сбор, обработка, хранение и анализ информации; составление отчетности, принятие решений);
- развитие бизнеса (личное развитие, генерирование и обоснование идей);
- достижение результатов (планирование, четкость управления).

Таким образом, специальная модель бухгалтера составлена с учетом требований

должности. Определение компетенций бухгалтера происходит при помощи метода интервью самого бухгалтера и его коллег в отделе и руководства компании (экспертов), а также с применением элементов технологии формирования и развития компетенций бухгалтера. В дополнение к описанной модели, необходимо учитывать особенности личности бухгалтера.

Компетенции бухгалтера становятся важным стратегическим ресурсом компании, стремящейся к устойчивому успеху на рынке. Компания, которая сможет управлять компетенциями бухгалтера, обеспечит себе адаптацию к неопределенности и нестабильности экономики в течение длительного периода времени. В организации бухгалтерского учета необходимо: обоснованно и сознательно выбирать сотрудников бухгалтерии, а также постоянно осуществлять процесс мониторинга и развития компетенций бухгалтеров.

Список литературы

1. Современные образовательные технологии: Терминологический словарь / Под ред. проф. В.К. Поспелова. М.: Финакадемия, 2013. 92 с.
2. Гетьман В.Г. Вузовская подготовка бухгалтеров и аудиторов в современных условиях и ее проблемы // СПС КонсультантПлюс. Все для бухгалтера. 2015. № 12 (240).
3. Соколов Я.В. Квалификация и (или) компетенция? // Бухгалтерский учет. 2010. № 3. С. 96–97.
4. Спенсер Лайл М.-мл., Спенсер Сайн М. Компетенции на работе: Пер. с англ. / Пер. А. Яковенко. М.: ГИППО, 2010. 384 с.
5. Уиддет С., Холлифорд С. Руководство по компетенциям: Пер. с англ. / Пер. Н. Друговойко. 3-е изд. М.: Издательство ГИППО, 2012. 228 с.
6. Краткий словарь иностранных слов. М.: ГИИНС, 2013. 539 с.
7. Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация: Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2012. 396 с.

8. Делор Ж. Образование: сокровище [Электронный ресурс]. Доклад Международной комиссии по образованию для XXI века. ЮНЕСКО, 2013. URL: <http://www.ifap.ru/library/book201.pdf>.

9. Framework for International Education Standards for Professional Accountants. IFAC, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ifac.org/publications-resources/framework-international-education-standards-professional-accountants>.

10. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. СПб.: Речь, 2012. 480 с.

11. Овчинников Б.В., Владимирова И.М., Павлов К.В. Типы темперамента в практической психологии. СПб.: Речь, 2016. 282 с.

12. Коул Д. Управление персоналом в современных организациях. М.: Вершина, 2014. 352 с.

References

1. Modern Educational Technology: Glossary / Ed. prof. V.C. Pospelov. M.: Finance Academy, 2013. 92 p.

2. Getman V.G. The University Training of Accountants and Auditors in the Current Environment and its Problems // SPS KonsultantPlyus. All for the bookkeeper. 2015. № 12 (240).

3. Sokolov Y.V. Qualification and (or) Competence? // Accounting. 2010. № 3. P. 96–97.

4. Lyle M. Spencer -Jr., Spencer M. Sain. Competence at Work: Trans. from Engl. / Transl. A. Yakovenko. M.: GIPPO, 2010. 384 p.

5. Widdet S., Hollyford S. Competency Management: Trans. from Engl. / Transl. N. Drugoveyko, 3rd edition. M.: Publisher GIPPO, 2012. 228 p.

6. A Short Dictionary of Foreign Words. M.: GIINS, 2013. 539 p.

7. Raven J. Competence in Modern Society: Identification, Development and Implementation: Transl. from Eng. M.: Cogito-Center, 2012. 396 p.

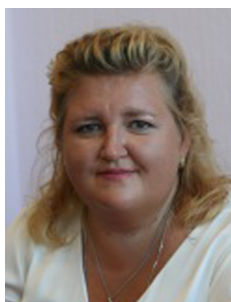
8. Delors J. Learning: The Treasure. Report of the International Commission on Education for the Twenty-First Century. UNESCO, 2013. <http://www.ifap.ru/library/book201.pdf>.

9. Framework for International Education Standards for Professional Accountants. IFAC, 2013. URL: <http://www.ifac.org/publications-resources/framework-international-education-standards-professional-accountants>.

10. Shmelev A.G. Psychognosis of Personality. SPb.: Rech, 2012. 480 p.

11. Ovchinnikov B.V., Vladimirov I.M., Pavlov K.V. Types of Temperament in Practical Psychology. SPb.: Rech, 2016. 282 p.

12. Cole D. Human Resource Management in Modern Organizations. M.: Vertex, 2014. 352 p.

Буренина И. В.
Burenina I. V.

*доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой «Экономика
и управление на предприятии нефтяной
и газовой промышленности» Института
нефтегазового бизнеса, ФГБОУ ВО
«Уфимский государственный нефтяной
технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

Быль Е. А.
Byl E. A.

*аспирант кафедры «Экономика
и управление на предприятии нефтяной и
газовой промышленности»
Института нефтегазового бизнеса,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

УДК 330.35:65.016

БЫСТРОРАСТУЩИЕ КОМПАНИИ: ОБЗОР И СРАВНЕНИЕ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ И КРИТЕРИЯМ

В статье рассмотрена история возникновения понятия «быстрорастущие компании» (БРК), проведен обзор основных классификаций фирм в рамках изучения БРК, в частности изучены классификации Д. Берча и Б. Кирхгоффа. Проведен анализ основных подходов к формированию критериев БРК в разрезе научных исследований отдельных авторов, научных организации и современных рейтинговых систем, таких как «Gazelle Бизнеса», «ТехУспех», рейтинг РБК «50 самых быстрорастущих компаний России» и «Русские газели». На основе анализа предложена авторская классификация критериев отнесения компаний к БРК, основанная на выделении общих, характерных для всех подходов, критериев, и специфических, встречающихся в определенных авторских разработках и обоснованных различиями в определениях БРК. К общим критериям быстрорастущих компаний отнесены значение показателя «Выручка», темп прироста показателя «Выручка» и возраст компании. Среди специфических критериев выделены открытость информации, затраты на технологические инновации, затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, вывод на рынок новых или существенно-улучшенных товаров/услуг, а также доля новых товаров/услуг в формировании общей выручки компании. Обоснованы актуальность и необходимость разработки единого методического подхода к формированию единой системы критериев, определяющих БРК.

Ключевые слова: быстрорастущие компании, компании «газели», рейтинги, классификация компаний, критерии быстрорастущих компаний, инновации.

FAST-GROWING COMPANIES: AN OVERVIEW AND COMPARISON OF APPROACHES TO DEFINITION AND CRITERIA

The article considers the history of the concept of «fast growing companies», a review of the main classifications of firms within the scope of fast growing companies, in particular, studied the classification D. Birch and D. Kirchoff, and includes the analysis of the main approaches to forming the criteria of fast growing companies in the context of scientific research of the individual authors, academic institutions and the modern rating system, such as the «Gazelle of

Business», «Techuspech» rating of RBC «the 50 most rapidly growing companies of Russia» and «Russian gazelles». Following results of the analysis authors offer the classification of fast growing companies, based on the typical common characteristic of all approaches, criteria, and specific, occurring in certain copyright developments and informed by different definitions of fast growing companies. To the general criteria of fast-growing companies assigned the value «Revenue», the rate of growth of the indicator «Revenue» and the age of the company. Among the specific criteria are highlighted transparency of information, the costs of technological innovation, the cost of research and development work, bringing to the market new or significantly-improved goods/services, and the share of new products/services in shaping the company's total revenue. Presented the urgency and the need to develop a common methodological approach to the formation of a unified system of fast growing companies criteria.

Key words: fast-growing companies, «gazelles», ratings, classification of companies, the fast-growing companies criteria, innovations.

Актуальным вопросом современной экономики является необходимость поиска новых эффективных возможностей развития. Еще недавно приоритеты государственной поддержки оказывались малым предприятиям и крупным государственным компаниям. На сегодняшний день всё большее внимание уделяется забытым ранее средним предприятиям. Минэкономразвития и ГУ ВШЭ начали проект «Национальные чемпионы», цель которого заключается в обеспечении опережающего роста отечественных частных высокотехнологических экспортно-ориентированных компаний-лидеров и формировании на их базе транснациональных компаний российского базирования [1, 2]. В центре внимания данного проекта оказываются быстрорастущие компании.

Термин «быстрорастущие компании» («gazelles») впервые ввел в своих работах известный американский экономист Дэвид Берч [3]. Он исследовал влияния компаний малых и средних размеров на экономику США. По результатам своих исследований он выделил 4 группы предприятий:

— «слоны» — крупные компании, часто основанные за счет государственного капитала;

— «львы» — компаний, развитие которых основано на поглощении более слабых компаний;

— «газели» — компании, развитие которых осуществляется за счет непрерывного развития собственного потенциала;

— «мышь» — остальные мелкие незначительные участники рынка.

По мнению Дэвида Берча, именно «газели» являются основной движущей силой экономики, а большинство новых рабочих мест создается компаниями именно этой группы. И, хотя, Институт Брукинга в Вашингтоне, а также исследователи Армингтон и Одл не получали затем таких же высокий результатов вклада малых предприятий в формирование новых рабочих мест, термин «газели» (быстрорастущие компании) вошел в практику и послужил дальнейшим объектом исследований в различных странах мира [4].

Б. Кирхгофф развил классификацию фирм Д. Берча путем внедрения в исследованиях показателя «темпа внедрения инноваций». Он также выделил четыре типа компаний, но уже с другими названиями и определениями (таблица 1).

Развитие теории Д. Берча относительно быстрорастущих компаний привело к множеству исследований компаний по всему миру, выявлению лидеров роста и их вклада в развитие экономических систем регионов, стран. С другой стороны, в настоящее время не существует общепризнанного подхода к определению термина «быстрорастущая компания» и, соответственно, не разработана единая система критериев отнесения компаний к быстрорастущим.

Анализируя работы различных исследователей БРК, таких как Д. Берч [3], З. Акс [5], М. Дешривере, официальные публикации Организации экономического сотрудничества и развития, а также современные рейтинги БРК: «Gazelle Бизнеса» [6], «ТехУспех»

Таблица 1. Классификация фирм Б. Кирхгоффа (составлено авторами)

Наименование	Характеристика	Описание
«Сердцевинные» (core)	Низкие темпы инноваций и роста	Внедряя одну, две инновации, непродолжительно растут, затем стабилизируются
«Честолюбивые» (ambitious)	Низкие темпы инноваций и быстрый рост	Отличаются от «сердцевидных» лучшим использованием возможностей для расширения своих рынков
«Эффектные» (glamorous)	Высокие темпы инноваций и быстрый рост	Развитие компаний характеризуется непрерывным внедрением инноваций
«Степенные» (constrained)	Высокие темпы инноваций и ограниченный рост	Развитие компании ограничивается нехваткой ресурсов для дальнейшего внедрения инноваций и роста

[7], организованный АО «Российская венчурная компания» (АО «РВК») при участии ООО «ПрайсвогтерхаусКуперс Консультирование» (PwC), совместно с ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» («НИУ ВШЭ»), рейтинг РБК «50 самых быстрорастущих компаний России» [8] и «Русские газели», авторами была составлена сводная таблица сравнения основных подходов к определению БРК и формированию критериев отнесения компаний к БРК (таблица 2).

На рисунке 1 представлена авторская классификация критериев отнесения компаний к БРК в рамках рассмотренных российских практик оценки БРК (рисунок 1).

Таким образом, можно сделать вывод о наличии общих критериев отнесения компании к БРК и специфических, присущих ряду рейтингов. Так, например, «выручка» является общим критерием отнесения компаний к БРК, однако, минимальный порог меняется в диапазоне от 120 млн до 1 млрд руб. Более того, национальный рейтинг «ТехУспех» в рамках данного критерия подразделяет компании на 3 категории: малые (от 120 млн руб. до 800 млн руб.), средние (от 800 млн руб. до 2 млрд руб.) и крупные. Вторым общим критерием является темп прироста выручки. В данном показателе также наблюдается вариация от 10 % до 30 % в зависимости от подхода. Стоит также отметить, что в рамках данного критерия в рейтинге «ТехУспех» разрешается даже снижение выручки более чем на 10 % не более двух периодов. Различие в подходах к оценке критерия «Темп прироста выручки» вызвано различными подходами к концепции быстрорастущих компаний» (таблица 2). В мировой практике выделяют два подхода — «жесткий» критерии Берча и

Рисунок 1. Критерии БРК (разработано авторами)

«мягкий» ОЭСР. Первый подход основан на том, что компании могут быть отнесены к БРК только если они растут на 20 % и более ежегодно в течение четырех лет. Второй подход относит к БРК компании со среднегодовым темпом прироста занятости или выручки более 20 % в течение трехлетнего периода и с численностью персонала не менее 10 человек в начале первого года периода. При этом в качестве итогового критерия ОЭСР отдает предпочтение показателю роста численности, так как, по их мнению, использование выручки способно привести к систе-

Таблица 2. Обзор подходов к определению критериев БРК (составлено авторами)

Источник	Методика отнесения к БРК
Дэвид Берч	Компании с выручкой не менее 100 тыс. долларов и темпами роста не менее 20 % ежегодно в течение четырех лет.
«Мягкий» критерий ОЭСР	Компании со среднегодовым темпом прироста занятости или выручки более 20 % в течение трехлетнего периода и с численностью персонала не менее 10 человек в начале первого года периода. При этом в числе быстрорастущих компаний отдельно выделяются компании моложе 5 лет, которые согласно классификации следует относить к «газелям».
З. Акс	Учет в определении Д. Берча роста занятости для выявления «высокоэффективных компаний».
М. Дешривере	Анализ сочетания органического и неорганического (в рамках сделок слияний и поглощений) роста. Его подход заключается в том, что компания, растущая органически, действительно создает новые рабочие места, в то время как растущая за счет слияний и поглощений компания получает уже существующие рабочие места другой компании.
Рейтинг быстрорастущих компаний «Gazelle Бизнеса» (Деловой Петербург)	Компания работает полных 4 года, имеет прирост оборота. С учетом экономической ситуации обороты в отдельные годы могут не расти или даже показывать минус. Главное — креативность, важны также социальный аспект и использование технологий.
Рейтинг «ТехУспех» (АО «РВК», «НИУ ВШЭ», PwC)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Выручка компании (группы компаний) за последний год составляет от 120 млн руб. до 30 млрд руб. (выделение 3 категорий: малые (от 120 млн руб. до 800 млн руб.), средние (от 800 млн руб. до 2 млрд руб.), крупные (от 2 млрд руб. до 30 млрд руб.)). 2. Среднегодовой темп роста (CAGR) выручки за 5 последних лет по категориям (малые компании не менее 20 %, средние компании не менее 15 %, крупные компании до 10 млрд руб. — не менее 12 %, более 10 млрд руб. — не менее 10 %). 3. В течение последних 5 лет наблюдалось не более двух периодов снижения выручки более чем на 10 %. 4. За последние 3 года компания вывела на российский рынок, как минимум, один новый или существенно улучшенный продукт/услугу, разработанные на основе собственных или приобретенных результатах НИОКР. 5. Доля выручки от продаж такой новой продукции/услуг составляет в среднем за последние 3 года по категориям (малые и средние компании не менее 30 %, крупные компании до 10 млрд руб. не менее 25 %, компаний более 10 млрд руб. не менее 20 %). 6. Средние за последние 3 года затраты на НИОКР составляют не менее 5 % от выручки. 7. Средние за последние 3 года затраты на технологические инновации составляют не менее 10 % от выручки. 8. Минимальный возраст компании — 4 года.
Рейтинг РБК: 50 самых быстрорастущих компаний России / А. Бабицкий, И. Терентьев	<ol style="list-style-type: none"> 1. Ежегодный рост выручки не менее 20% за последние три года. 2. Выручка не менее 1 млрд руб. в начальном анализируемом году и не менее 3 млрд руб. в последнем. 3. Компания зарегистрирована минимум 4 года. 4. Компания должна быть частной или доля частных акционеров составляет не менее 50 %. 5. Компания не должна находиться в стадии ликвидации или объединения с другими компаниями. 6. Понятный и прозрачный бизнес.
«Русские газели» / Журнал «Эксперт»	<ol style="list-style-type: none"> 1. Выручка каждой из «русских газелей» превысила 300 млн руб. 2. Темп прироста выручки «русских газелей» за три последних года ежегодно превышает 30 %. 3. «Русские газели» — это компании, не контролируемые государством, иностранными стратегическими инвесторами или российскими холдингами, группами компаний или иными подобными корпоративными образованиями. 4. Дополнительным требованием к включаемым в топ-100 «русских газелей» фирмам было наличие информационной открытости.

матической ошибке, связанной с ростом издержек в отдельных отраслях или смещением структуры продукции в сторону большей добавочной стоимости без сопровождения данных изменений созданием новых рабочих мест. Также показатель выручки не позволяет провести корректное сравнение БРК различных стран в связи с различием инфляции. В рамках национальных рейтингов учет инфляции возможен; в частности, в своих исследованиях компания «Эксперт» обосновывает увеличение критерия «рост темпов выручки» с 20 % до 30 % именно за счет учета ежегодной инфляции [9]. В общих критериях возможно также выделение минимального возраста компании — не менее 5 лет. Данное условие обосновано тем, что наращивание темпов роста выручки, пока предприятие находится на стадии стартапа, гораздо легче, чем то же наращивание в условиях перехода компании на следующий жизненный цикл.

К специфичным критериям оценки БРК могут быть отнесены такие критерии как: открытость информации, затраты на научно-исследовательские работы, степень принадлежности компаний к российским физическим и юридическим лицам, затраты на технологические инновации и вывод на российский рынок нового или существенно улучшенного продукта/услуги, разработанного на основе собственных или приобретенных результатов НИОКР и, соответственно, доля выручки, полученная за счет продажи данного продукта/услуги [10–14].

Рассмотрим специфические критерии более подробно. Открытость информации подразумевает возможность анализа отчетности предприятия. Так, часть исследователей пользуются платными базами данных компаний, таких как, например, СПАРК, часть отдает предпочтение бесплатным ресурсам, таким как сайты компаний и сайты раскрытия информации. Работа с такими сайтами более трудоемкая и не включает автоматизированные системы поиска и фильтрации по заданным критериям, таким как, например, год регистрации. Существует еще один подход, который использует «Деловой

Петербург», размещение на официальном сайте анкеты с набором показателей, необходимых для ранжирования компаний. Следует отметить, что данный подход существенно снижает охват оценки предприятий и снижает достоверность самих результатов. Рейтинг «ТехУспех» отдает приоритет консолидированной отчетности, подготовленной в соответствии с МСФО и US GAAP. Если компания не готовит отчетность в соответствии с международными стандартами, то возможно использование отчетности, составленной по РСБУ.

Второй специфический критерий рассматривает степень принадлежности компаний российским физическим и юридическим лицам. В частности, «ТехУспех» включает в рейтинговую оценку компании, зарегистрированные в России и принадлежащие не менее чем на 50 % российским физическим и юридическим лицам. Также в рейтинге представлены зарегистрированные в иностранных юрисдикциях «компании-оболочки», большая часть активов которых находится на территории России, а их владельцами являются российские физические и юридические лица [15]. Примеры таких компаний — «Яндекс» (Yandex N.V.), группа «Рольф» (Sinoco Limited).

Затраты на научно-технические и опытно-конструкторские работы (НИОКР) были введены в состав обязательных критериев при определении БРК рейтингом «ТехУспех». В рамках этого критерия анализируются средние значения затрат на НИОКР за последние три года, которые должны составлять ежегодно не менее 5 % от выручки. Также данный рейтинг анализирует отдельно среднее значение затрат на технологические инновации за аналогичный период времени. Их значение должно составлять не менее 10 % от выручки. Более того, одним из условий данного рейтинга является успешность внедрения результатов исследований компаний. Так, в число обязательных условий отнесения компании к БРК входит вывод на российский рынок минимально одного нового или существенно улучшенного продукта либо услуги, полученных за счет соб-

ственных либо приобретенных результатах НИОКР и получение определенного процента выручки именно за счет данного товара, либо услуги. Процент от выручки варьируется в зависимости от отнесения компаний к различным группам: малые и средние предприятия, а также крупные с различными показателями выручки.

Вывод

Таким образом, на данный момент времени наблюдается переход фокусирования

внимания с малого предпринимательства и крупных государственных корпораций как основного источника развития российской экономики на быстрорастущие компании. Многообразие подходов к критериям отнесения компании к БРК обосновывает необходимость разработки единого методического подхода к определению понятия «быстрорастущая компания» и формирования единой системы критериев, определяющих БРК.

Список литературы

1. Барина В.А., Сорокина А.В., Шестоперов А.М. Новый взгляд на поддержку малого и среднего бизнеса в России: компании-«Газели» // Российское предпринимательство. 2015. № 16 (17). С. 2773–2786.

2. Механик А. Средние компании: мы, как бы, не видели [Электронный ресурс]. «ExpertOnline», 2016. Режим доступа: URL: <http://expert.ru/2016/07/15/chempionyi> (дата обращения 01.10.2016).

3. Birch D.L., Medoff J. Gazelles // In Lewis C. Solomon, Alec R. Levenson. Labor Markets, Employment Policy, and Job Creation. Boulder: Westview Press, 1994. P. 159–168.

4. Современные классики теории предпринимательства. Лауреаты Международной премии за вклад в исследования предпринимательства и малого бизнеса (1996—2010) / пер. с англ. под науч. ред. А. Ю. Чепуренко; предисл. и послесл. А.Ю. Чепуренко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Науч.-учеб. лаб. исследований предпринимательства. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 526 с.

5. Acs Z.J., Parsons W., Tracy S. High-Impact Firms: Gazelles Revisited. Washington, DC: U.S. Small Business Administration Office of Advocacy, Working Paper No. 328, 2008. 92 p.

6. Хромова Е. Заключение консультанта проекта // Эксперт [Электронный ресурс]. 2015. 26 (905). Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2014/26/zaklyuchenie-konsultanta-proekta> (дата обращения 01.10.2016).

7. Методология конкурса ТЕХУСПЕХ–2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ratingtechup.ru/about/methodology> (дата обращения 01.10.2016).

www.ratingtechup.ru/about/methodology (дата обращения 01.10.2016).

8. Рейтинг РБК: 50 самых быстрорастущих компаний России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rbc.ru/ratings/business/18/11/2015/5649e7269a79478a63c3e236#> Методика (дата обращения 01.10.2016).

9. Рейтинг крупнейших компаний России [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://raexpert.ru/docbank//b4e/538/5e1/af8773c8f63d182573aa777.pdf> (дата обращения 01.10.2016).

10. Буренина И.В., Батталова А.А. Управление, организация и планирование деятельности крупных комплексов промышленности. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2010. 105 с.

11. Буренина И.В., Котов Д.В., Батталова А.А., Тасмуханова А.Е., Захарова И.М. Стратегический анализ и оценка потенциала развития добычи полезных ископаемых в Республике Башкортостан // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». 2015. Т. 7, № 6. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/104EVN615.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ. DOI: 10.15862/104EVN615.

12. Долгин А.Н. Феномен компаний-«газелей» в мире и в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 21 (350). С. 184–191.

13. Колодня Г.В. Развитие быстрорастущих компаний как фактор долгосрочного экономического роста // Экономика и управление. 2015. № 2. С. 56–62.

14. Овчинникова А.А., Буренина И.В. Вопросы формирования регионального кла-

стера // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2011. № 4. С. 23–27.

15. Симон Г., Юданов А.Ю., Думная Н.Н. Скрытые чемпионы 21 века. Стратегии успеха неизвестных лидеров мирового рынка: переводное издание / Под науч. ред. проф. А.Ю. Юданова. М.: КНОРУС, 2015. 240 с.

References

1. Barinov V.A., Sorokina A.V., Shestoporov A.M. A New Look at the Support for Small and Medium Business in Russia: Companies-«Gazelles» // Journal of Russian Entrepreneurship. 2015. № 16 (17). P. 2773–2786.
2. Mechanic A. Medium-Sized Companies, We Actually have not Seen [Electronic resource]. «ExpertOnline». 2016. URL: <http://expert.ru/2016/07/15/chempionyi> (accessed 01.10.2016).
3. Birch D.L., Medoff J. Gazelles / In Lewis C. Solomon, Alec R. Levenson. Labor Markets, Employment Policy, and Job Creation. Boulder: Westview Press, 1994. P. 159–168.
4. Modern Classics Theory of Entrepreneurship. The winners of the International Prize for Contribution to the Study of Entrepreneurship and Small Business (1996–2010): Transl. from Engl. / Under the scientific edition of A.Yu. Chepurenko; Foreword. and afterword. by A.Y. Chepurenko; NAT. University «Higher School of Economics», Scientific lab. for Studies of Entrepreneurship. M.: Publishing House, House of the Higher School of Economics, 2013. 526 p.
5. Acs Z.J., Parsons W., Tracy S. High-Impact Firms: Gazelles Revisited. Washington, DC: U.S. Small Business Administration Office of Advocacy, Working Paper No. 328. 2008. 92 p.
6. Khromov E. Conclusion the Project Consultant // Expert [Electronic resource]. 2015. 26 (905). URL: <http://expert.ru/expert/2014/26/zaklyuchenie-konsultanta-proekta> (accessed 01.10.2016).
7. The methodology of the competition TECHUSPECH–2016 [Electronic resource]. URL access: <http://www.ratingtechup.EN/about/methodology> (accessed 01.10.2016).
8. RBC Rating: 50 of the Fastest Growing Companies of Russia [Electronic resource]. URL: <http://www.rbc.ru/ratings/business/18/11/2015/5649e7269a79478a63c3e236#Методика> (accessed 01.10.2016).
9. The Rating of Largest Russian Companies [Electronic resource]. URL: <http://raexpert.ru/docbank/b4e/538/5e1/af8773c8f63d182573aa777.pdf> (accessed 01.10.2016).
10. Burenina I.V., Battalova A.A. Management, Organization and Planning Activities of Major Industries. Ufa: USPTU, 2010. 105 p.
11. Burenina I.V., Kotov D.V., Battalova A.A., Tasukhanov A.E., Zakharova I.M. Strategic Analysis and Evaluation of the Development Potential of Mining in the Republic of Bashkortostan // Internet-journal «Naukovedenie». 2015. Vol. 7, No. 6. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/104EVN615.pdf> (access is free). Tit. screen. Yaz. eng., eng. DOI: 10.15862/104EVN615.
12. Dolgin A.N. The Phenomenon of Companies «Gazelles» in the World and in Russia // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2014. № 21 (350). P. 184–191.
13. Kholodnaya G.V. Development of Fast-Growing Companies as a Factor of Long-Term Economic Growth // Economics and Management. 2015. No. 2. P. 56-62.
14. Ovchinnikov A.A., Burenina I.V. Problems of Formation of Regional Cluster // Economics and Management: Research and Practice Journal. 2011. No. 4. P. 23–27.
15. Simon G., Yudanov A.Yu., Duma N.N. Hidden Champions of the 21st Century. Success Strategies of Unknown World Market Leaders: transl. publication / Under scientific. editorship of Professor A.Yu. Judanova. M.: KNORUS, 2015. 240 p.

Дубовик М. В.
Dubovik M. V.

*доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры «Экономическая теория»,
ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет имени Г.В. Плеханова»,
г. Москва, Российская Федерация*

Тимирьянова В. М.
Timirjanova V. M.

*студент магистерской программы
«Социология коммуникаций»,
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный
университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

УДК 339.13

АНАЛИЗ ОТЛОЖЕННОГО СПРОСА ПОТРЕБИТЕЛЕЙ НА РЕГИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ БЫТОВОЙ ТЕХНИКИ

Большинство работ последних лет связаны с исследованием неопределенности и установлением того, что реальное поведение домохозяйств как в отношении потребления, так и в отношении сбережений начинает заметно изменяться. В связи с этим изучение формирования отложенного спроса, с одной стороны, представляющего собой спрос, сдвинутый в будущее, и, с другой стороны, определяющего объем сбережений в настоящем, является актуальным. Предлагаемая статья посвящена анализу отложенного спроса потребителей на рынке бытовой техники на примере Республики Башкортостан. В работе проведен анализ существующих подходов к категории отложенного спроса и дается авторское определение отложенного спроса как экономической категории, в которой уточнение сделано в части существенных для потребителя факторов откладывания спроса. Рассматриваются как индекс физического оборота бытовой техники, так и ее наличие в домохозяйствах в динамике. Осуществляется оценка отложенного спроса несколькими методами и определяются факторы, оказывающие влияние на откладывание покупки. С помощью метода множественной регрессии моделируется спрос на бытовую технику. Предлагаемые результаты исследования представляют собой продолжение и развитие исследований потребительского спроса и поведения, проводимых авторами в данной области.

Ключевые слова: отложенный спрос, потребительское поведение, сбережения, ожидания, индекс потребительской уверенности.

ANALYSIS OF PENT-UP DEMAND OF CONSUMERS IN THE REGIONAL MARKET OF HOME APPLIANCES

In recent years, research related to the investigation of uncertainty. They found that the actual behavior in the household consumption ratio, and in terms of savings starts to change noticeably. Deferred demand on the one hand demand is shifted into the future, on the other hand determines the amount of savings in the present. In this regard, the study of the formation of pent-up demand is urgent. This article is devoted to analysis of deferred consumer demand in the market of home appliances of the Republic of Bashkortostan. The analysis of existing approaches to the category of pent-up demand. The authors give the definition of pent-up demand as the economic category, in which clarification is made with regard to the essential factors for consumer demand postponement. The paper presents the index of turnover of home appliances and the presence in the house-

hold dynamics. Evaluates pent-up demand, and determine the factors influencing the postponement of purchase. Using multiple regression method modeled the demand for home appliances. The proposed study results represent a continuation of the research and development of consumer demand and behavior, conducted by the authors in this field.

Key words: pent-up demand, consumer behavior, savings, expectations, consumer confidence index.

Актуальность исследования определяется изменениями потребительского поведения и необходимостью модификации существующих неоклассических методов и подходов к оценке спроса с учетом изменений в социально-экономической среде. Новые тенденции: сервификация, софтизация, сетизация потребительского спроса заставляют иначе чем прежде обратить внимание на потребительский спрос, который изменяется как количественно, так и качественно, как в практическом, так и теоретическом аспектах. Складывающаяся в настоящее время ситуация в экономике России несколько отличается от ранее изученных в отечественных и зарубежных исследованиях [1]. При этом решения потребителей, основанные на их опыте последних 20 лет, не всегда укладываются в существующие модели потребительского поведения. В частности, наиболее яркой особенностью поведения покупателя в России в условиях кризиса является не сбережение, а максимальная реализация имеющихся свободных денежных средств, в том числе на рынке бытовой техники. В связи с этим изучение формирования отложенного спроса требует дополнительного исследования на стыке экономики и социологии.

На важность стимулирования инвестиционной активности для экономического роста указывал Дж. М. Кейнс [2]. Согласно его модели эффективного спроса, инвестиционная активность в стране, в первую очередь, определяется ожидаемой доходностью капиталовложений. Рост сбережений сам по себе не влияет на эти ожидания и не ведет автоматически к росту инвестиций, однако мотивы сберегательного поведения, отмеченные Кейнсом, остаются актуальными и подлежат дальнейшему исследованию. Проблема эффективного (действительно предъявляемого, а не потенциально возможного) спроса

поднимается часто, т.к. он влияет на размеры производства и таким образом на уровень занятости [3].

Спрос является подвижной категорией, в реальной жизни отдельные его стороны в чистом виде выделить достаточно сложно. Они переплетаются, переходят из одного вида в другой, образуют различные сочетания. По степени удовлетворенности спрос может быть реализованный и нереализованный (неудовлетворенный). В зависимости от товарного обеспечения — удовлетворенный, условно удовлетворенный и неудовлетворенный. По срокам формирования неудовлетворенный спрос можно разделить на текущий и накопленный. По достигаемым целям спрос разделяют на функциональный и нефункциональный. По характеру неудовлетворенности спрос разделяют на явно неудовлетворенный, переключенный и отложенный.

Существуют разные, но близкие по своему значению, определения отложенного спроса. Так, Олейник Н.С. определяет его как «спрос на дорогие товары, деньги на приобретение которых откладываются покупателями» [4]. Соломатин А.Н. пишет, что отложенный спрос — это «существующий, но как бы отложенный на время спрос по различным причинам, например, в случае необходимости накопления определенной суммы денег для приобретения конкретного товара и услуги, обязательного приобретения товара или услуги к конкретному событию и т.п.» [5]. В Большом экономическом словаре отложенный спрос определяется как «неудовлетворенный спрос населения в товарах народного потребления, обеспеченный свободными денежными средствами при отсутствии товара или необеспеченный наличными деньгами при наличии товара» [6]. При довольно широком использовании термина, как в научной, так и в ненаучной литературе,

общепринятого определения не сложилось, а представленные выше определения имеют существенные недостатки. В первом случае определение сужает границы, во втором случае носит довольно общий временной характер, в третьем случае имеет существенное противоречие (если потребность неплатежеспособна, то она спросом не является). Лапаев А.С. также считает, что отложенный спрос — это спрос в будущем [7, 8].

На наш взгляд, отложенный спрос — это подкрепленная платежеспособностью потребность, удовлетворение которой сдвинуто во времени в будущее в силу существенных для потребителя обстоятельств. Существенность подразумевает необходимость и предусмотрительность потребителя отложить деньги на «черный день», не оформленную окончательно потребность или отсутствие товара в нужном для потребителя формате.

Для целей изучения отложенного спроса особый интерес представляют работы, затрагивающие выравнивание потребления. Это теории перманентного дохода Фридмана М., жизненного цикла Андо А. и Модильяни Ф., а также модель Касса-Купманса-Рамсея, в которой норма замещения выступает эндогенной переменной через два дополнительных параметра: интертемпоральную эластичность замещения и норму временного предпочтения [9, 10]. В рамках последней модели обосновано, что на основе своего временного предпочтения индивид отказывается от настоящего предпочтения в пользу будущего, если процентные ставки высокие. Психологические факторы сберегательного поведения изучены в работах Катона Дж., Тверски А. и Канемана Д. [7].

Наиболее сильными по действию факторами отложенного спроса выступают кризисные проявления и связанная с ним неопределенность. Часто в условиях нестабильности население увеличивает сбережения за счет откладывания ранее намеченных покупок. Так как отложенный спрос это потребность, удовлетворение которой сдвинуто в будущее, очевидно, что он формируется только при условии, что в будущем доходы, если и не

увеличатся, то, по крайней мере, вернутся к докризисному уровню, и человек сможет вернуться на свою «кривую потребления». Иначе, в случае падения доходов на длительное время, человек не откладывает покупку, он изменяет свою кривую отложенного спроса. Поэтому исследования спроса последней четверти XX века связаны именно с учетом фактора неопределенности. Следует констатировать тот факт, что реальное сберегательное поведение домохозяйств начинает заметно отклоняться от предсказаний неоклассических моделей. В основе процессов формирования отложенного спроса лежат модели «buffer-stock» [11, 12], а также идеи Валунда Р. и Гуннарссона И., выявивших зависимость (по крайней мере, частичную) сберегательного поведения людей от их предшествующего финансового опыта [13].

В зависимости от специфичности различных товаров и услуг влияние одних и тех же факторов и мотивов может быть неодинаково [14]. Поэтому мы рассматриваем только часть розничного рынка товаров — рынок бытовой техники, который имеет свои особенности.

По характеристике Воловикова С.А. и Илларионовой С.А. «этот рынок является индикатором благополучия домашних хозяйств, чутко реагирует на складывающуюся макроэкономическую ситуацию, является высококонкурентным, быстро обновляется, представлен достаточно технологичными товарами, сопутствующими и взаимодополняющими продуктами и сервисами» [15]. Невозможно согласиться с определением «высококонкурентный», но в целом описание соответствует действительности.

Как отмечает Карев А.В., «специфика российского рынка бытовой техники сформировалась в 90-е гг. на фоне громадного отложенного спроса населения на данный вид товаров» [16]. Кризис в продажах бытовой техники наблюдался в 1998 г. При этом «несмотря на рост цен в результате дефолта значительно вырос спрос на потребительские товары, такие как крупы, сахар, мыло и т.п., т.к. население ожидало дальнейшего ухудшения экономической ситуации в стране и роста цен» [17]. Таким образом, оценивая условия

для формирования сбережений как наихудшие [18], население увеличило потребление в большей степени продовольственных товаров, сокращая покупки бытовой техники как не самой необходимой в текущих условиях. При этом наиболее предпочтительной формой сбережения являлась покупка иностранной валюты [19].

С конца 1999 г. «рынок бытовой техники устойчиво демонстрировал почти десятилетний рост», подкрепляемый ростом реальных денежных доходов населения (рисунок 1). Граждане России постепенно начали «перенимать западную модель поведения, а именно, стирать раз в неделю и делать покупки на неделю вперед». В результате к концу этого десятилетнего периода исследователи отметили, что «холодильники, стиральные машины и пылесосы уже можно отнести к категории «необходимо иметь»» [15].

В 2001 г. у домохозяйств наблюдалась тенденция к росту доходов и потребления, динамика которых находилась приблизительно на одном уровне, уровень сбережения значительно снизился. Такая же тенденция наблюдалась и в посткризисный период 2011–2012 гг. Такую нелогичность объясняли «инерционным запаздывающим влиянием финансового кризиса 1998–1999 гг. на сбере-

жения у домохозяйств» [20]. На наш взгляд, это связано с отложенным спросом и изменением самого уровня потребления.

Снижение темпов роста реальных денежных доходов в 2008–2009 гг. способствовало резкому падению темпов роста продажи крупной бытовой техники. Изменение потребления в условиях кризиса в целом (в меньшей степени именно бытовой техники) активно изучалось в последующие периоды [17, 21].

После кризиса 2008–2009 гг. в условиях некоторого восстановления темпов роста доходов некоторые исследователи стали выделять новые тенденции, которые, возможно, появились бы и раньше в крупных городах, но в силу возникшего кризиса были не столь очевидны. Одна «состоит в возросшем желании у потребителя приобрести то, что «хотелось бы иметь», например, посудомоечные машины, хлебопечки, мультиварки, кофе-машины и др.». Другая тенденция состояла в том, что товары длительного потребления перестали использоваться в течение всего срока службы товара. «Несмотря на посткризисные проблемы потребители совершали покупки все больше, что говорит о существующем и растущем спросе на покупку новой техники до того, как старая выйдет из строя» [15].

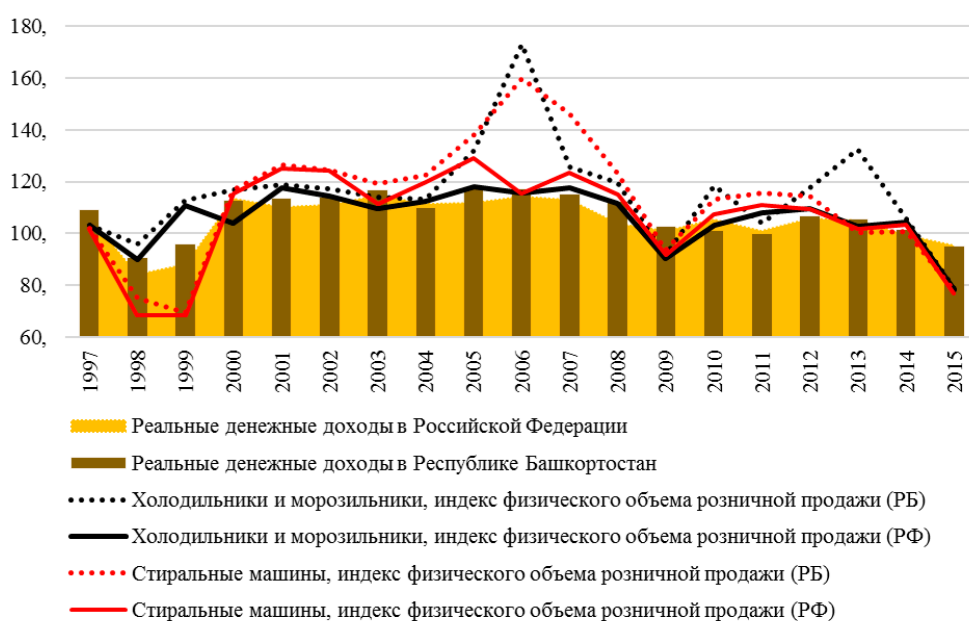

Рисунок 1. Динамика реальных денежных доходов и индекса физического объема оборота розничной продажи отдельных бытовых и электротоваров в Республике Башкортостан и Российской Федерации, % (построено по данным www.fedstat.ru)

В результате в 2014 г. среди основных направлений движения временно свободных средств отчетливо выделился повышенный спрос на технические товары для дома. По мнению Алипкеровой Н.В., «рынок жилья сыграл роль локомотива для других потребительских рынков», «люди, у которых еще остались сбережения в рублях, и кто не перевел их в валюту стремительно начали скупать предметы длительного спроса, крупногабаритные товары, бытовую технику и электронику, дабы хоть как-то спасти свои рублевые сбережения от инфляционного натиска» [22]. Наличие ажиотажного спроса на бытовую технику отмечается в годовых отчетах сетевых компаний. Например, «М. Видео», чья доля в бытовой технике составляла 28% от российского рынка [23], в отчете за 2014 г. сообщила, что торговая сеть «показала серьезный рост в определенных категориях продаваемых товаров, главным образом в таких сегментах, как «Крупная бытовая техника» (стиральные машины, холодильники и т.д.), «Аудио-Видео, ТВ» (в основном телевизоры), «Развлечения» и «Телеком», на волне ажиотажного спроса на дорогостоящие товары в ноябре-декабре прошлого года покупатели активно инвестировали свои сбережения в электронику, что сильно повлияло, к примеру, на рост категории «Крупная бытовая техника» на рынке: +76% в денежном выражении и +48% в натуральном выражении».

Анализируя поведение населения России в кризисный период 2014 года, Галимова А.Ш. и Сакаева Л.Р. отметили, что «люди в такие моменты подвержены психологическому напору и мгновенной тревоге. Поэтому, опасаясь девальвации российской валюты и сопровождающего ее роста цен на продукты питания и товары, люди начинают совершать покупки, основанные на эмоциях, которые совершенно не нужны им в обычной практике. Именно из-за этого возникает всплеск потребительского бума» [24]. Безусловно, психологический напор и тревога имеют место быть, однако большая часть населения не покупает то, что совершенно не нужно, а пытается оптимизировать свое будущее потребление через предварительную скупку

товаров, которые могут пригодиться им в будущем.

В настоящее время наблюдается падение продаж. По данным «М. Видео», в России в 2015 году продажи крупной бытовой техники сократились почти на 15% в денежном выражении, малой бытовой техники на 13%. Больше всего падение спроса сказалось на кухонной технике [24]. В 2016 г. эта же сеть отметила рост в 1 полугодии общей выручки на 19% по сравнению с аналогичным периодом 2015 г., что с учетом роста цен более, чем на 20%, говорит о снижении продаж в натуральных единицах. По данным агентства GfK, отмечается значительная волатильность спроса на рынке бытовой техники и электроники. В августе 2016 года объем продаж в рублях вырос на 5%, а в штуках сократился лишь на -1% (в июле снижение было на -4%). Иначе, отмечается медленное восстановление этого рынка [26].

Рассматриваемый нами рынок бытовой техники Республики Башкортостан, являясь частью рынка бытовых товаров Российской Федерации, несколько отличается от него по своим тенденциям. Анализ данных позволяет выделить несколько следующих особенностей.

В период 1997–2009 гг. реальные денежные доходы в Республике Башкортостан были выше, чем в среднем по Российской Федерации, что оказывало влияние на более высокие индексы физического объема оборота розничной продажи отдельных бытовых товаров (рисунок 1). В результате по данным обследования домашних хозяйств на наличие предметов культурно-бытового назначения, проводимого Федеральной службой государственной статистики, жители Республики Башкортостан имели стиральных машин и холодильников/морозильников к 2008 г. на 19% и 14% соответственно больше, чем в среднем по России.

Динамика индекса физического объема оборота розничной продажи отдельных бытовых товаров в Республике Башкортостан в 2005–2008 гг. отличается от среднероссийской. В поквартальном разрезе (рисунок 2) видно, что последние три года рост потре-

ния и спад опережает общероссийский на 1 квартал. Данные, представленные на рисунках 1 и 2, позволяют выделить отложенный спрос. Для Республики Башкортостан он очевиден в 1998, 1999, 2009 и 2015 гг. Покупка товаров начинает откладываться людьми не в начале кризиса, когда его последствия еще не очевидны, а уже в условиях его сильного давления. Из рисунка 2 видно, что спрос откладывается и в течение года, в квартальном разрезе наблюдается определенное колебание.

В целях изучения формирования отложенного спроса на рынке бытовых и электрических товаров авторами была построена эконометрическая модель.

Как было отмечено ранее, отложенный спрос это часть общего потребительского спроса, представляющего собой потребность, обусловленную наличием денег, удовлетворение которой сдвинуто в будущее в силу существенных для потребителя факторов. При довольно частом исследовании совокупного спроса и неплохой проработке методического инструментария его оценки мы отмечаем практически полное отсутствие

методов оценки отложенного спроса при частом его упоминании в теории и практике. Объем неудовлетворенного спроса, как правило, оценивается как разница между спросом и предложением. Однако в реальных условиях точно оценить его значение по всему рынку практически невозможно.

Дело в том, что общий объем представленной бытовой техники в магазинах в денежном измерении превышает объем спроса. При этом многообразие моделей техники велико, а предпочтения потребителей так различаются, что точно оценить таким образом совокупный неудовлетворенный спрос на бытовую технику на рынке практически не представляется возможным. Как правило, он оценивается отдельно для конкретных предприятий и путем опроса покупателей, анализ показателей товарооборота, товарных запасов и товарооборачиваемости [27, 28].

В свою очередь спрос откладывается не только в связи с его неудовлетворенностью, но под влиянием факторов неопределенности. В этом случае логика поведения и его оценка следующие.

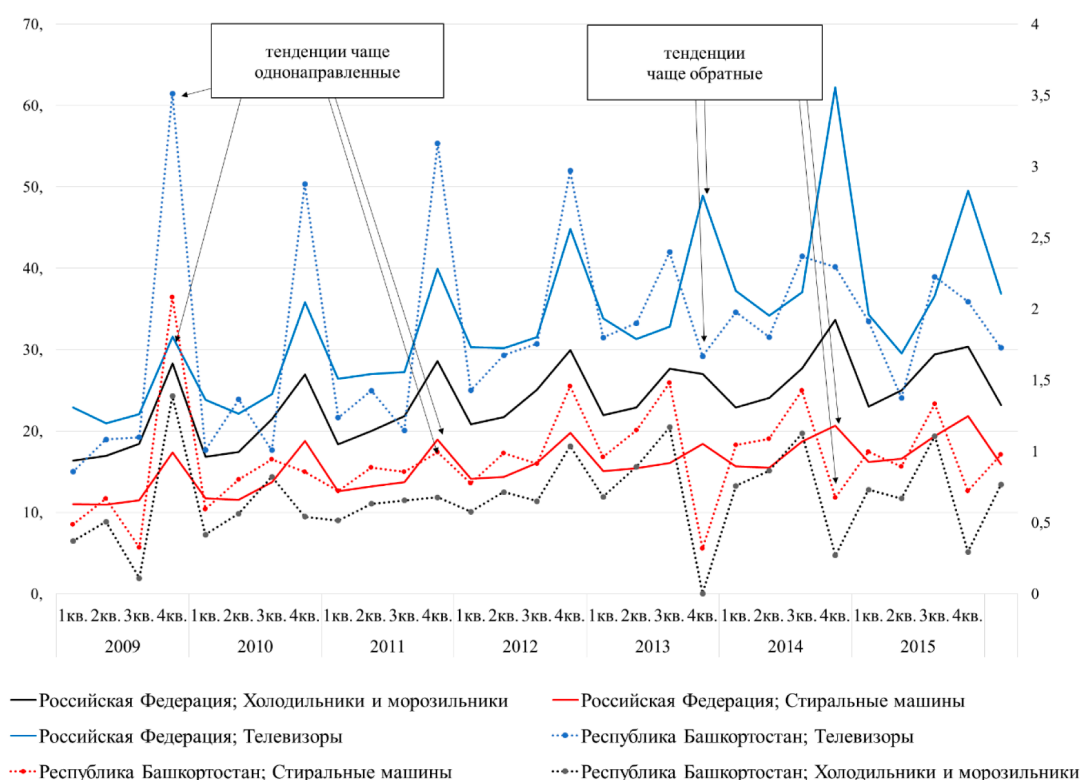

Рисунок 2. Динамика оборота розничной продажи отдельных бытовых и электротоваров в Республике Башкортостан (шкала справа) и Российской Федерации (шкала слева), млрд руб. (построено авторами по данным www.fedstat.ru)

1) В домохозяйстве используется определенное количество единиц техники. В случае поломки техники и покупки новой количество единиц у домохозяйства не изменится. Если потребители по каким-то причинам отложат покупку, то количество единиц используемой им техники сократится. Следовательно, о формировании отложенного спроса на бытовую технику можно судить по динамике определяемого Федеральной службой государственной статистики показателя «Наличие в домашних хозяйствах предметов длительного пользования».

Как видно из рисунка 3, в 1998 и 1997 гг. количество единиц техники не снижалось, следовательно, либо она не выходила из строя, либо в случае поломки заменялась в том же количестве. С 1999 г. по 2001 г. наблюдалось снижение количества единиц техники: в среднем на 100 домохозяйств количество стиральных машин уменьшилось со 101 до 91 единицы. К 2007 г. количество стиральных машин постепенно вернулось к уровню 1999 г. и продолжило рост вплоть до 2010 г., достигнув значения 107 стиральных машин на 100 домохозяйств. В течение 2013–2014 гг. количество стиральных машин изменилось от 110 до 109 штук. Динамика говорит о постоянном росте обеспеченности населения стиральными машинами. И при подходе, связанном с выравниванием потребления, мы можем говорить о некотором откладывании покупки на более поздний срок.

2) Каждое домохозяйство (или отдельный покупатель), исходя из значимых для него факторов, выстраивает стратегию приобрете-

ния техники. О реализации этой стратегии можно судить по динамике розничного оборота бытовой техники. В случае изменения стратегии динамика изменится. Человек может не приобрести технику в определенном периоде, но учитывая рассмотренные выше теории потребления, у него будет желание выровнять свое потребление в будущем. Следовательно, объем отложенного спроса можно оценить путем вычитания из фактического оборота бытовой техники потенциального спроса. Потенциальный спрос можно рассматривать с двух позиций:

1. В краткосрочном периоде индивид не меняет свое потребление, а, следовательно, в норме сохранение его на прежнем уровне (индекс физического оборота в этом случае равен 100);

2. Индивид изменяет свое потребление пропорционально изменению его доходов, тогда мы должны определить величину, отражающую изменение потенциального спроса. Ею может быть изменение индекса физического оборота (I^q), зависящее от изменения реальных денежных доходов (K).

Проведем такой расчет для стиральных машин (таблица 1). Корреляция между показателями «Индекс физического оборота» и «Реальные денежные доходы» составляет 0,86. Расчеты, выполненные с помощью эконометрического пакета Eviews, позволили построить следующее уравнение:

$$I^q = 1,058298 * K$$

($t=30.11231$, $R\text{-squared}=0.504435$, $Prob=0.0000$, $Std. Error = 0,035145$).

Рисунок 3. Динамика отложенного спроса на рынке бытовой техники Республики Башкортостан, единиц в среднем на 100 домохозяйств

Далее, сопоставив полученное значение с фактическим спросом на стиральные машины, мы получаем расчетное значение отклонения, по нашему мнению, характеризующее величину отложенного спроса. В таблице 1 указан только откладываемый спрос, хотя в этой ситуации может быть также спрос, преждевременно реализованный.

В результате оба метода сходятся в том, что в 1998 г., 1999 г., 2009 г. и 2015 г. мы наблюдаем откладывание покупок, проявляющееся в более сильном падении приобретения стиральных машин относительно снижения доходов.

Сам отложенный спрос связан с несколькими показателями, характеризующими неопределенность ситуации:

— индекс цен на стиральную машину (корреляция $-0,61$);

— индекс потребительской уверенности, рассчитываемый Федеральной службой государственной статистики на основе опросов населения как среднее арифметическое значение пяти частных индексов: произошедших и ожидаемых изменений личного материального положения, произошедших и ожидае-

мых изменений экономической ситуации в России, благоприятности условий для крупных покупок (корреляция составила $0,84$).

Это в целом согласуется с выдвинутой идеей Кабалерро Р.Дж., в процессе изучения сберегательного поведения сделавшего вывод о том, что потребление слабо реагирует на непредвиденные изменения в доходах, но гораздо сильнее — на ожидаемое их изменение [29]. Более детальный анализ связи показателей, характеризующих формирование отложенного спроса и индекса потребительской уверенности, позволил выделить Индекс произошедших изменений экономической ситуации в России, который представляет собой разность между суммой долей (в процентах) определенно положительных и скорее положительных ответов и суммой долей (в процентах) определенно отрицательных и скорее отрицательных ответов респондентов. При этом проведенные расчеты позволили установить, что значения индекса, полученные за первые два квартала рассматриваемого года, коррелируют с выделенными нами показателями, характеризующими формирование отложенного спроса за

Таблица 1. Оценка отложенного спроса на стиральные машины в Республике Башкортостан

Год	Индекс физического оборота	Реальные денежные доходы (значение показателя за год)	Индекс физического оборота (рассчитан по реальному денежному доходу)	Отложенный спрос (1) (гр.4-гр.2)	Отложенный спрос (2) (гр.2–100)
1	2	3	4	5	6
1997	101,9	109,1	115,5	-13,5	0
1998	74,9	90,7	96,0	-21	-25,1
1999	69,6	95,9	101,5	-31,9	-30,4
2000	116,8	112,7	119,3	-2,5	0
2001	126,4	113,5	120,1	0	0
2002	124,3	113,9	120,5	0	0
2003	119,1	116,6	123,4	-4,3	0
2004	122,3	109,7	116,1	0	0
2005	138,0	117,7	124,6	0	0
2006	159,8	117,2	124,0	0	0
2007	145,9	114,9	121,6	0	0
2008	123,3	112,3	118,8	0	0
2009	93,5	102,4	108,4	-14,9	-6,5
2010	113,3	101,0	106,9	0	0
2011	115,7	99,7	105,5	0	0
2012	114,2	106,6	112,8	0	0
2013	100,4	105,3	111,4	-11	0
2014	100,9	101,3	107,2	-6,3	0
2015	77,8	94,9	100,4	-22,6	-22,2

весь год (корреляция составила 0,86). Таким образом, можно прогнозировать возможное значение отложенного спроса.

Выводы

Проведенное исследование показало, что рынок бытовой техники Республики Башкортостан имеет свои особенности. Отложенный спрос может быть оценен и спрогнозирован. В большей степени на отложенный спрос влияют факторы неопределенности. При этом люди начинают откладывать уже тогда, когда изменения значительны. В период, когда изменения только начинаются, люди ищут пути оптимизировать накопления, в том числе через предварительную реализацию спроса, т.е. приобретение товаров до их фактической потребности.

Список литературы

1. Суворов А.В., Сухорукова Г.М., Митяева О.А., Ульянова Е.А. Система функций спроса на товары и услуги в видовой и отраслевой структуре // Проблемы прогнозирования. 2000. № 5. С. 1–15.
2. Keynes J. M. General Theory of Employment, Interest and Money. Helios ART, 2011. 352 p.
3. Феномен рыночного хозяйства: от истоков до наших дней / Под ред. д-ра экон. наук, профессора В.А. Сидорова, д-ра экон. наук, профессора Я.С. Ядгарова, канд. экон. наук, доцента В.В. Чапли. Краснодар: НИИ экономики ЮФО, 2016. 497 с.
4. Олейник Н.С. Маркетинг: учеб. пособие / Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева. Нижний Новгород, 2013. 164 с.
5. Экономика и организация деятельности торгового предприятия: учеб. пособие / Под общ. ред. А.Н. Соломатина. М.: ИНФРА-М, 2000. 295 с.
6. Большой экономический словарь: 19000 терминов / Ред. А.Н. Азрилян. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Институт новой экономики, 1997. 864 с.
7. Кузина О.Е. Экономико-психологическое моделирование финансового поведения населения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. С. 83-105 Режим доступа:

<https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/109025014>

8. Лапаев А.С. Денежные сбережения населения как экономическая категория // Вестник ОГУ. 2010. № 2 (108) / февраль. С. 84–90.
9. Friedman M., Savage L. J. Utility Analysis of Choices Involving Risk // Journal of Political Economy. 1948. № 56 (4). P. 279–304.
10. Дроздова Н.В., Переломова И.Г. Экономико-математическое моделирование: учеб. пособие / Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2010. 246 с.
11. Carroll C.D. Buffer-Stock Saving and the Life Cycle/Permanent Income Hypothesis // Quart J. Econ. 1997. V. 12 (1). P. 1–55.
12. Deaton A. Saving and Liquidity Constraints // Econometrica. 1991. Vol. 59 (5). P. 1221–1248.
13. Wahlund R., Gunnarsson J. Mental Discounting and Financial Strategies // J. of Economic Psychol. 1996. № 17. P. 709–730.
14. Дубовик М.В., Тимирьянова В.М. Социально-экономические предпосылки дифференциации спроса в регионах // Торговля, предпринимательство и право. 2015. № 4. С. 10–20.
15. Воловиков С.А., Илларионова С.А. Особенности российского рынка бытовой техники // Бизнес в законе. 2013. № 2. С. 174–175.
16. Карев А.В. Особенности формирования рынка бытовой техники // Вестник ЮРГТУ. 2016. № 2. С. 88–104.
17. Чистоходов А.Ю. Платежеспособный спрос в условиях экономического роста: автореф. ... канд. экон. наук / 08.00.05. М., 2007. 26 с.
18. Митяева Н.В. Дисбаланс системы «потребление — сбережение» домохозяйств современной России // Вестник СГСЭУ. 2015. № 5 (59). С. 33–38.
19. Тютюкина Е.Б., Тимофеева Н.О. Взаимосвязь сбережений и инвестиций населения в условиях кризиса // Стратегический менеджмент. 2015. № 2. С. 43–49.
20. Козлова О.А., Тухтарова Е.Х. Факторный анализ взаимосвязи «потребление – сбережение» в Уральском федеральном округе // Экономика региона. 2014. № 3 (39). С. 248–257.

21. Варламова Ю.А. Влияние цикличности на сберегательное поведение домашних хозяйств в российской экономике // Вестник пермского университета. 2013. № 1 (16). С. 22–27.
22. Алипкерова Н.В. Динамика инвестиционно-сберегательной активности населения России // Народонаселение. 2015. № 3. С. 85–92.
23. Отчет ПАО «Магнит» 2015 г. Режим доступа: http://reports2.equitystory.com/mvideo/annual/2015/gb/English/pdf/mvideo_ar15_eng.pdf.
24. Галимова А.Ш., Сакаева Л.Р. Мотивы сберегательного поведения населения в период кризисной экономики // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2015. № 10. С. 79–82.
25. Годовой отчет ПАО «Магнит» 2015 г. Режим доступа: http://invest.mvideo.ru/files/1438/Annual%20report%20for%202015_RUS_Approved%20by%20AGSM.pdf.
26. Отчет «Российский потребитель» исследовательской компании «GfK». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/rossiiskii-potrebitel-2016-privychka-k-krizisu>.
27. Капелюшный Э.Д. Изучение и прогнозирование покупательского спроса // Экономика и социум. 2016. № 5(24). Режим доступа: [http://www.iupr.ru/domains_data/files/zurnal_24/Kapelyushnyy%20\(2\).pdf](http://www.iupr.ru/domains_data/files/zurnal_24/Kapelyushnyy%20(2).pdf).
28. Левкин Г.Г. Основы коммерции. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016. 109 с.
29. Caballero R.J. The Stochastic Behavior of Consumption and Savings. 1988. 207 p.
4. Oleynik N.S. Marketing: Textbook. Nizhny Novgorod, 2013. 164 p.
5. Economy and organization of commercial enterprises / Ed. A.N. Solomatina. M.: INFRA-M, 2000. 295 p.
6. The Great Dictionary of Economics: 19,000 terms. M.: Institute of New Economy, 1997. 864 p.
7. Kuzina O.E. Economic-Psychological Modeling of the Financial Behavior of the Population // Psychology. Journal of Higher School of Economics. 2004. P. 83–105. Access: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/109025014>.
8. Lapaev A.S. Cash Savings of the Population as an Economic Category // Vestnik of OSU. 2010. № 2 (108) / February. P. 84–90.
9. Friedman M., Savage L.J. Utility Analysis of Choices Involving Risk // Journal of Political Economy. 1948. № 56 (4). P. 279–304.
10. Drozdov N.V., Perelomova I.G. Economic-Mathematical Modeling. Yaroslavl: Yaroslavl State University, 2010. 246 p.
11. Carroll C.D. Buffer-Stock Saving and the Life Cycle/Permanent Income Hypothesis // Quart J. Econ. 1997. V. 12 (1). P. 1–55.
12. Deaton A. Saving and Liquidity Constraints // Econometrica. 1991. Vol. 59 (5). P. 1221–1248.
13. Wahlund R., Gunnarsson J. Mental Discounting and Financial Strategies // J. of Economic Psychol. 1996. № 17. P. 709–730.
14. Dubovik M.V., Timiryanova V.M. Socio-Economic Conditions in the Regions of Demand Differentiation // Trade, Business and Law. 2015. № 4. P. 10–20.
15. Volovikov S.A., Illarionov S.A. Features of the Russian Market of Household Appliances // Business-in-Law. 2013. № 2. P. 174–175.
16. Karev A.V. Peculiarities of Home Appliances Market // Herald SRSTU. 2016. № 2. P. 88–104.
17. Chistohodov A.Y. Effective Demand in Terms of Economic Growth: Abstract. / 08.00.05. M., 2007. 26 p.
18. Mitiaeva N.V. The Imbalance of the system «Consumption – Saving» Household Modern Russia // Bulletin SSSEU. 2015. № 5 (59). P. 33–38.
19. Tyutyukin E.B., Timofeeva N.O. The Relationship of Savings and Public Investment

References

1. Suvorov A.V., Sukhorukov G.M., Mitiaeva O.A., Ulyanov E.A. The System Functions in Demand for Goods and Services in Specific and Sectoral Structure // Problems of Forecasting. 2000. № 5. P. 1–15.
2. Keynes J.M. General Theory of Employment, Interest and Money. Helios ART, 2011. 352 p.
3. The Phenomen of the Market Economy: from the Beginnings to the Present Day / Ed. V.A. Sidorov, J.S. Yadgarova, V.V. Chapli. Krasnodar: Research Institute of the South Federal District Economics, 2016. 497 c.

in Times of Crisis // Strategic Management. 2015. № 2. P. 43–49.

20. Kozlova O.A., Tuhtarova E.H. Factor Analysis of the Relationship «Consumption – Saving» in the Urals Federal District // The Region's Economy. 2014. № 3 (39). P. 248-257.

21. Varlamov Y. Effect of Cycling on the Saving Behavior of Households in the Russian Economy // Bulletin of Perm University. 2013. № 1 (16). P. 22–27.

22. Alipkerova N.V. Dynamics of «Investment – Savings» Activity of the Population of Russia // Population. 2015. № 3. P. 85–92.

23. The Report of PJSC «Magnit» 2015. Access: http://reports2.equitystory.com/mvideo/annual/2015/gb/English/pdf/mvideo_ar15_eng.pdf.

24. Galimov A.Sh., Sakaeva L.R. The Motives of the Savings Behavior of the Population during the Crisis of the Economy //

Economics and Management in the XXI Century: Trends. 2015. № 10. P. 79–82.

25. Annual report of PJSC «Magnit» 2015. Access: http://invest.mvideo.ru/files/1438/Annual%20report%20for%202015_RUS_Approved%20by%20AGSM.pdf.

26. The report «Russian consumer» Research Company «the GfK». [Electronic Resource]. Access: <http://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/rossiiskii-potrebitel-2016-privychka-k-krizisu>.

27. Kapelyushny E.D. Study and Forecasting of Consumer Demand // Economy and Society. 2016. № 5 (24). Access: [http://www.iupr.ru/domains_data/files/zurnal_24/Kapelyushnyy\)%20\(2\).pdf](http://www.iupr.ru/domains_data/files/zurnal_24/Kapelyushnyy)%20(2).pdf).

28. Levkin G.G. Basics of Commerce. M.-Berlin: Direct Media, 2016. 109 p.

29. Caballero R.J. The Stochastic Behavior of Consumption and Savings. 1988. 207 p.

Самарина Е. А.

Samarina E. A.

аспирант кафедры «Финансы и кредит» Института экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

УДК 338.2

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧИМОСТЬ АДАПТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР В КОРПОРАТИВНОЙ СРЕДЕ

Современная экономическая наука имеет достаточно широкий спектр теоретико-методологических подходов к исследованию экономического поведения субъектов хозяйственной деятельности, среди которых одним из наиболее перспективных представляется адаптивный подход к управлению предпринимательскими структурами в корпоративной среде. Исходя из гипотезы, что его теоретические основы должны базироваться на интеграции положений общего характера классической теории управления, стратегического менеджмента, корпоративного управления и теории развития систем с конкретизацией особенностей, присущих адаптивным системам, в статье проводится исследование сущности адаптивного управления развитием предпринимательских структур в корпоративной среде на основе анализа и уточнения содержания таких понятий, как «управление», «адаптация», «адаптивное управление», «развитие». В результате сформулирована авторская трактовка термина «адаптивное управление развитием предпринимательских структур в корпоративной среде», а также обоснована необходимость и значимость использования адаптивного регулятора в управлении развитием предпринимательских структур. При адаптивном управлении развитием предпринимательских структур в результате изменения воздействия факторов корпоративной среды происходят соответствующие изменения параметров управления для обеспечения стабильности функционирования предпринимательской структуры в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: адаптация, адаптивное управление, развитие, управление развитием, предпринимательская структура, корпоративная среда, адаптивное управление развитием.

THE NATURE AND IMPORTANCE OF ADAPTIVE MANAGEMENT DEVELOPMENT OF ENTERPRISE STRUCTURES IN AN ENTERPRISE ENVIRONMENT

Modern economic science has a fairly wide range of theoretical and methodological approaches to the study of economic behavior of economic entities, among which the one of the most promising adaptive approach to the management of business structures in a corporate environment. Based on the hypothesis that the theoretical foundations of adaptive control, development of business structures should be based on the integration of theoretical provisions of a General nature of the classical management theory, strategic management, corporate governance, theory of development of systems with their specific features, inherent in adaptive systems, the article examines the essence of adaptive management development of enterprise structures in an enterprise environment based on the study, analysis and refinement of the content of such integrated it concepts as «control», «adaptation», «adaptive management», «development», which allowed to formulate the author's interpretation of the term «adaptive management of development of enterprise structures in an enterprise environment» and to justify the need and importance of using an adaptive controller in managing the development of business structures. Under adaptive management, development of entrepreneurial struc-

tures as a result of changing factors in an enterprise environment corresponding changes of the control parameters to ensure stability of business structure in the long term.

Key words: adaptation, adaptive management, development, development management, business structure, corporate environment, adaptive management development.

Развитие — это непереносимое условие существования любой системы, в том числе и социально-экономической, такой как предпринимательская структура. Поддержание показателей деятельности на необходимом уровне требует постоянных изменений, внедрением которых необходимо эффективно управлять. Корпоративная среда создает особые условия для развития предпринимательской структуры, в соответствии с которыми должно быть организовано и управление этим развитием. Однако в условиях постоянных потрясений и повышенной неопределенности российской экономической системы обеспечить эффективность методов управления развитием предпринимательских структур в корпоративной среде невозможно без механизмов адаптации.

Изучение сущности адаптивного управления развитием предпринимательских структур в корпоративной среде целесообразно начать с конкретизации понятийного аппарата.

Как отмечает О.Г. Тихомирова, «управление должно строиться на принципах и методах системно-синергетического подхода, концентрирующегося на целостности, системности, нелинейности и хаотичности поведения предпринимательских структур» [1]. Она относит предпринимательские структуры к особому классу, называя их «адаптивными самоорганизующимися системами», которые при изменении условий внешней среды способны автоматически изменить свои параметры функционирования, а также и структуру для достижения оптимального состояния. Соответственно, предпринимательские структуры являются саморазвивающимися системами, которые способны достичь высоких темпов развития в благоприятных условиях, обеспечиваемых корпоративной средой, даже при условии нестабильности ее внешней составляющей.

Классическим принято считать определение управления М.Х. Мескона как «процесса

планирования, организации, мотивации и контроля, необходимого для того, чтобы сформулировать и достичь целей организации» [2]. Впоследствии, с развитием теории и практики управления социально-экономическими системами, учеными предлагалось различное толкование термина «управление». В экономической литературе было выделено множество различных классификаций функций управления, понимаемых как управленческие действия, направленные на решение конкретных задач, реализация которых в процессе производственно-хозяйственной деятельности позволяет достигать поставленные цели.

Управление предпринимательскими структурами реализуется в двух основных направлениях: управление деятельностью предпринимательской структуры и управление ее развитием. Первое направление имеет преимущественно оперативный характер, тогда как второе направление ориентировано на долгосрочную перспективу.

Под развитием предпринимательской структуры следует понимать улучшение значений качественных и количественных показателей, характеризующих финансово-экономическое состояние и производственно-хозяйственную деятельность предпринимательской структуры в процессе ее функционирования относительно исходного состояния.

По Л. Файолю, «управлять» означает «предвидеть, организовывать, распределять, координировать, контролировать» [3], что как раз раскрывает совокупность необходимых основных действий по развитию предпринимательской структуры.

В общем понимании термин «развитие» означает улучшение одного или нескольких параметров исследуемого объекта относительно его исходного состояния. Соответственно, управление развитием предполагает определение исходных параметров

объекта, желаемых значений и путей их достижения, организацию процесса перехода из исходного состояния в желаемое, контроль достижения целевых параметров и при возникающих на пути отклонениях корректировку как процесса перехода, так и целей.

Управление развитием предпринимательских структур представляет собой целенаправленный процесс реализации мероприятий по внедрению прогрессивных изменений в соответствии с технико-технологическим, финансово-экономическим, социально-культурным и организационно-информационным прогрессом общества, который способствует росту конкурентоспособности, расширению и повышению эффективности производственно-хозяйственной деятельности предпринимательской структуры.

Управление развитием предпринимательской структуры предполагает тесное взаимодействие с внешней средой, уникальной чертой которого является усовершенствование продукции, услуг и/или процессов как основного способа реакции на вызовы внешней среды.

Постоянное возрастание нестабильности внешней среды деятельности предпринимательских структур и усложнение механизмов ее воздействия на развитие последних только усложняют процесс управления. Соответственно, принятие решений в управлении развитием предпринимательской структуры основывается на корректных прогнозах, непрерывном мониторинге внешней среды, правильном и своевременном выявлении возмущающих факторов и оперативном отклике с целью принятия адекватных изменяющимся условиям внешней среды управленческих решений. Именно это является определяющим фактором в успешном развитии предпринимательских структур в нестабильной среде. Описанная ситуация предопределяет необходимость использования адаптивных механизмов в управлении, ориентированных на развитие предпринимательских структур в корпоративной среде.

Термин «адаптация» имеет латинское происхождение от «adaptation» — «приспособле-

ние» и используется в различных областях знаний.

В словаре-справочнике «Математика и кибернетика в экономике» [4] приводится определение «адаптации» как способности системы к целенаправленному приспособлению в сложившихся средах, а также под адаптацией понимается непосредственно процесс такого приспособления.

Применительно к экономическим системам в словаре современных экономических и правовых терминов [5] «адаптация» трактуется как возможность приспособления экономической системы и ее отдельных субъектов, работников к изменяющимся условиям внешней среды, производства труда.

Различают два основных способа управления применительно к предпринимательским структурам:

— управление по отклонениям или регулирование;

— управление по целям или адаптивное управление.

По мнению Д.Ю. Жмурко, адаптация представляет собой процесс изменения параметров и структуры системы, а, возможно, и управляющих воздействий на основе текущей информации с целью достижения оптимального состояния при начальной неопределенности и изменяющихся условиях работы [6].

М.Х. Мескон [2] назвал адаптацию сутью современного управления, поскольку успешное функционирование социально-экономических систем в динамичных условиях внешней и внутренней среды заключается в непрерывном приспособлении к изменяющимся факторам и условиям бизнес-среды.

Система считается адаптивной, если она может приспособливаться к изменениям параметров внешней и внутренней среды посредством соответствующих изменений организационной структуры и системы менеджмента в целом. Такая система сохраняет работоспособность при непредвиденных изменениях свойств управляемого объекта, целей управления или условий окружающей среды путем смены алгоритма

своего функционирования, программы поведения или поиска оптимальных состояний.

Одной из первых сфер применения термина «адаптивное управление» была теория управления сложными техническими системами, откуда и получило распространение данное понятие.

Применительно к управлению предпринимательскими структурами эти два вида управления заключаются в том, что в случае управления по отклонениям (регулирования) предварительно разрабатываются планы деятельности, и смысл управления сводится к тому, чтобы уменьшить отклонения от этих планов, а в случае управления по целям (адаптивного управления) достигнутые текущие результаты деятельности предпринимательской структуры регулярно сравниваются с целевыми показателями, и управленческие решения ориентированы на уменьшение отклонений от целей. Другими словами, адаптивное управление — это выбор оптимального способа достижения цели, это способ управления, при котором сохраняются неизменными целевые показатели, а текущие, краткосрочные и среднесрочные планы и бюджеты при наличии отклонений могут быть скорректированы.

В большом экономическом словаре управление с адаптацией (адаптивное управление) определяется как «управление в системе с неполной априорной информацией об управляемом процессе, которое изменяется по мере накопления информации и применяется с целью улучшения качества работы системы» [7].

Б.А. Эфендиев приводит следующее определение понятия адаптивного управления — «система, в которой в результате изменений параметров внешней и внутренней среды происходит соответствующая подстройка организационной структуры и системы менеджмента в целом, что обеспечивает функционирование объекта управления» [8]. Раскрывая свою мысль, автор утверждает, что адаптивное управление — это «управление с обратной связью, которое имеет блок учета внешних факторов, анализируемых еще до того, как получен результат деятель-

ности системы. При этом блок управления получает информацию об изменении значения фактора одновременно с управляемым объектом или, при наличии прогноза, даже раньше, и вырабатывает и принимает меры по нейтрализации его влияния, либо согласовывает меры для увеличения его положительного эффекта» [8]. В данном контексте адаптивная система управления призвана обеспечить высокую работоспособность в условиях изменения свойств управляемого объекта, окружающей среды и целей за счет разработки новых алгоритмов функционирования.

По нашему мнению, наиболее полное и точное толкование приводит О.Г. Тихомирова, определяя адаптивное управление (адаптивный менеджмент) как «форму и методы управления предпринимательскими структурами, предполагающими возможность и способность системы управления изменять параметры и структуру регулятора и управляющей подсистемы в целом в зависимости от изменения внутренних параметров объекта управления или внешней среды (возмущений), а также от изменений стратегических целей» [1].

Обобщая вышеизложенное, адаптивным управлением развитием предпринимательских структур в корпоративной среде является непрерывный целенаправленный процесс реализации функций управления, направленных на внедрение мероприятий по улучшению значений качественных и количественных показателей, характеризующих финансово-экономическое состояние и производственно-хозяйственную деятельность предпринимательской структуры в процессе ее функционирования относительно исходного состояния, в котором при возникновении возмущающих воздействий и изменении параметров корпоративной среды происходят соответствующие изменения структуры и параметров регулятора управления с целью обеспечения соответствия управляющих воздействий технико-технологическому, финансово-экономическому, социально-культурному и организационно-информационному прогрессу общества, что способствует росту конкурентоспособности, расширению и

повышению эффективности производственно-хозяйственной деятельности предпринимательской структуры.

Иначе говоря, при адаптивном управлении развитием предпринимательских структур в результате изменения воздействия факторов корпоративной среды происходят соответствующие изменения параметров управления для обеспечения стабильности функционирования предпринимательской структуры в долгосрочной перспективе.

Сущность адаптивного управления состоит в реально получаемых результатах развития предпринимательской структуры, в той модели поведения, которая может сочетать в себе конкурентное противостояние аналогичным сложно организованным системам и приспособление к быстро меняющимся условиям глобального рынка. Отсюда, важнейшей характеристикой адаптивного управления является оперативность реакции менеджмента на изменяющиеся условия внутренних и внешних факторов корпоративной среды.

Объективная необходимость и целесообразность использования адаптивного регулятора в управлении развитием предпринимательских структур обуславливается следующими принципиальными моментами:

- растущая неопределенность и непредсказуемость удаленной корпоративной среды предпринимательской структуры;
- возникновение нестандартных проблемных ситуаций во внутренней корпоративной среде и непосредственно в процессе управления развитием предпринимательской структуры, требующих нетипичных решений;
- увеличение скорости и сложности процессов, протекающих как в удаленной корпоративной среде, так и в производственной деятельности предпринимательских структур, что предопределяет необходимость увеличения скорости принятия управленческих решений менеджерами предпринимательской структуры;
- активизация процессов технико-технологического и информационного развития

общества, что ставит перед менеджментом предпринимательских структур задачу внедрения инновационных инструментов и методов управления.

В условиях повышенной сложности и динамичности среды функционирования способность к адаптации становится основным условием сохранения целостности субъекта предпринимательства как социально-экономической системы и, соответственно, залогом выживания и возможностью развития во всех сферах жизнедеятельности. С одной стороны, предпринимательские структуры должны постоянно мониторить изменения в среде функционирования и вырабатывать соответствующую реакцию на них, с другой стороны, сами предпринимательские структуры, а тем более их корпоративные объединения оказывают существенное влияние на среду функционирования (корпоративную среду), производя продукцию и потребляя при этом ресурсы. Адаптивное управление развитием предпринимательской структуры — это динамичный процесс решения проблемных ситуаций, возникающих при взаимодействии предпринимательской структуры с факторами корпоративной среды в процессе внедрения прогрессивных изменений на основе развития новых способностей адекватной реакции на изменения последней. Эффективность управления развитием предпринимательской структуры в корпоративной среде имеет прямую зависимость от степени адаптивности управления этим развитием.

Вывод

Гибкость в управлении, способность менеджеров оперативно принимать решения, устраняя возникающие проблемные ситуации, используя или создавая новые конкурентные преимущества и возможности, формируемые внешними и внутренними факторами, становятся приоритетными в обеспечении эффективности развития предпринимательской структуры в корпоративной среде.

Список литературы

1. Тихомирова О.Г. Адаптивное управление предпринимательскими структурами как открытыми динамическими системами // *Фундаментальные исследования. Экономические науки*. 2012. № 9. С. 495–499.
2. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента: Пер. с англ. 3-е изд. М., СПб., Киев: Вильямс, 2012. 672 с.
3. Fayol H. *Administration industrielle et générale*. Paris, Dunod et Pinat, 1917. 174 p.
4. Математика и кибернетика в экономике: словарь-справочник / Н.П. Федоренко, Л.В., Канторович В.И. Данилов-Данильян и др. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 1975. 700 с.
5. Шимов В.Н. и др. Словарь современных экономических и правовых терминов // Ред. В.Н. Шимов, ред. В.С. Каменков. Минск: Амалфея, 2002. 815 с.
6. Жмурко Д.Ю. Понятие, сущность и классификация адаптивного управления системами с организационной сложностью // *Научный журнал КубГАУ*. 2013. № 90. С. 818–836.
7. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2002. 1456 с.
8. Эфендиев Б.А. Разработка и функционирование адаптивных систем управления организацией // *Российское предпринимательство*. 2008. № 11–2 (122). С. 21–25.

References

1. Tihomirova O.G. Adaptive Control of Business Structures as Open Dynamic Systems // *Fundamental Research. Economic Science*. 2012. No. 9. P. 495–499.
2. Meskon M.H., Albert M., Hedouri F. *Fundamentals of Management: Transl. from English*. 3rd ed. M., SPb., Kiev: Williams, 2012. 672 p.
3. Fayol H. *Administration industrielle et générale*. Paris: Dunod et Pinat, 1917. 174 p.
4. *Mathematics and Cybernetics in the Economy: Dictionary Reference* / N.P. Fedorenko, L.V. Kantorovich, V.I. Danilov-Danilyan, etc. 2nd ed., rev. M.: Economics, 1975. 700 p.
5. Shimov V.N. et al. *Dictionary of Modern Economic and Legal Terms* // Ed. by V.S. Kamenkov. Minsk: Amalfeya, 2002. 815 p.
6. Jmurko D.Y. The Concept, Nature and Classification of Adaptive Control of Systems with Organizational Complexity // *Scientific Journal of the Kuban State Agrarian University*. 2013. No. 90. P. 818–836.
7. *Big Encyclopaedic Dictionary*. 2nd ed., rev. and extra. M.: Great Russian encyclopedia; SPb.: Norint, 2002. 1456 p.
8. Efendiev B.A. The Design and Operation of Adaptive Management // *Journal of Russian Entrepreneurship*. 2008. No. 11–2 (122). P. 21–25.

Клименков Г. В.

Klimenkov G. V.

*кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник
Пермского филиала ФБГУН «Институт экономики Уральского
отделения Российской академии наук»,
г. Пермь, Российская Федерация*

УДК 332.1 (470.5)

ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УПРАВЛЯЮЩЕЙ СТРУКТУРЫ РЕГИОНА

Дается представление о формировании стратегии организации и функционирования управляющей структуры региона в соответствии с ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Закон устанавливает правовые основы стратегического планирования в Российской Федерации, координации государственного и муниципального стратегического управления и бюджетной политики, полномочия Федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и порядок их взаимодействия с общественными, научными и иными организациями в сфере стратегического планирования.

Основные проблемные ситуации в регионах страны говорят о неэффективности деятельности управляющих структур регионов. Указывается на необходимость концептуализации понятий: стратегия стратегическое управление, стратегическое планирование, целеполагание, учет, прогнозирование, программирование, политика, координация, организация, ответственность, стратегия, стратегический анализ и т.д. Перечислены основные информационно-логические процессы на макро-, мезоуровнях планирования и управления.

Предложен механизм построения системы адаптивного управления регионом.

Ключевые слова: управляющая структура региона, стратегическое планирование и управление, адаптивное управление.

FORMATION OF STRATEGY ORGANIZATION AND OPERATION OF THE MANAGEMENT STRUCTURE OF THE REGION

To give an idea about the formation of a strategy the management structure of the organization and functioning of the region in accordance with the Federal Law «On the strategic planning in the Russian Federation». Law of the Russian Federation, state and municipal strategic management and defines the legal framework for the coordination of fiscal policy, strategic planning, strategic cooperation with the scientific community and other organizations of the federal bodies of state authority of the Russian Federation, local authorities and planning. The main problem of the situation in regions of the country talking about the ineffectiveness of the activities of regional management structures. The necessity of conceptualization of concepts: the strategy of strategic management, strategic planning, goal setting, accounting, forecasting, programming, policy, coordination, organization, responsibility, strategy, strategic analysis, etc. It lists basic information and logical processes at the macro planning and management meso levels.

The mechanism of the construction of the adaptive control system of the region.

Key words: control structure of the region, strategic planning and management, adaptive management.

Практическая реализация приоритетов разработки, утверждения требований и рекомендаций соответствующих стратегических планов, а также мониторинга и контроля их выполнения осуществляется управляющими структурами всех участников стратегического планирования в соответствии с ФЗ РФ от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ [1].

Существует большое количество проблемных ситуаций в регионах страны, в Федеральных округах (ФО) наблюдаются следующие проблемы:

- 1) падение физических объемов производства промышленной и сельско-хозяйственной продукции;
- 2) низкая инвестиционная активность;
- 3) усиление деструктивных демографических процессов (рост естественной убыли населения и миграционная убыль);
- 4) сокращение количества объектов социальной и инженерной инфраструктуры (сокращение детских дошкольных учреждений в районах области, числа мест в них, числа дневных образовательных учреждений, числа больничных учреждений, фельдшерско-акушерских пунктов);
- 5) снижение уровня и качества жизни населения;
- 6) экологические проблемы;
- 7) рост численности управленческого персонала администраций, отсутствие, снижение профессионализма, компетенции, коррупция и т.д.

Эти хронические проблемы свидетельствуют о неэффективности деятельности управляющих структур (УС) регионов.

При двухуровневой системе местного самоуправления на территории микрорегионов ФО расположены муниципальные образования: городские округа, муниципальные районы, городские и сельские поселения. С передачей ответственности за развитие территории на локальный уровень произошло обострение всех социально-экономических проблем территорий.

Поскольку с передачей ответственности за социально-экономическое развитие территорий на местный уровень улучшения процесса функционирования управляющих структур не произошло, то формировать стратегию

необходимо в соответствии с ФЗ РФ от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (Глава 1, Статья 1, Пункт 1) [1], который устанавливает правовые основы стратегического планирования в Российской Федерации, координации государственного и муниципального стратегического управления и бюджетной политики, полномочия Федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и порядок их взаимодействия с общественными, научными и иными организациями в сфере стратегического планирования.

Принцип ответственности регулирует структуру власти в соответствии с Главой 3, Статьей 7, Пунктом 7 [1]. Он означает, что участники стратегического планирования несут ответственность за своевременность и качество разработки и корректировки документов стратегического планирования, осуществления мероприятий по достижению целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и за результативность и эффективность решения задач социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в пределах своей компетенции в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В основу формирования стратегии организации управляющей структуры должны быть положены концепты (смыслы) понятий стратегического управления с целью создания ее термино-системы и лингвистического обеспечения [4] процесса моделирования системы стратегического планирования.

В первую очередь, необходима концептуализация понятий: стратегия, стратегическое управление, стратегическое планирование, целеполагание, учет, прогнозирование, программирование, политика, координация, организация, ответственность, стратегия, стратегический анализ и т.д.

В программу формирования стратегии организации работоспособной управляющей структуры региона входят информационно-логические процессы:

I. На макроуровне:

1. Разработка и корректировка основных направлений деятельности Правительства РФ. Разработка стратегических ориентиров и требований Федерального центра к развитию экономики в ФО;

2. Разработка аппаратами полномочных представителей Президента и Администрациями субъектов Федерации предложений по стратегическим национальным приоритетам развития экономики РФ и схемам территориального планирования;

3. Предварительная оценка и согласование предложений с Федеральными органами исполнительной власти госструктурами, бизнесом, муниципальными образованиями МО, населением;

4. Внесение корректировок по результатам согласования, формирование стратегических национальных приоритетов развития и схем территориального планирования;

5. Мониторинг состояния социально-экономического развития территорий и контроль УС, выявление аппаратами полномочных представителей Президента РФ и Администрациями субъектов Федерации проблем, связанных с реализацией стратегических национальных приоритетов социально-экономического развития в ФО и формирование сводного массива стратегических проблем на основе мониторинга и контроля функционирования управляющих структур;

6. Формирование блоков: целеполагание, учет, прогнозирование, анализ, управляющее воздействие — с целью постановок задач и создания условий для решения стратегических проблем. Формирование целевых нормативов, разработка государственных и муниципальных стандартов качества жизни стратегического плана развития территории ФО;

7. Разработка и утверждение Правительством РФ стратегий социально-экономического развития макрорегионов.

II. На мезоуровне:

1. Анализ стартовых условий развития социально-экономического потенциала муниципальных образований, внутренних закономерностей, внешних факторов, определяющих развитие МО, в том числе кадро-

вого и информационного составляющих потенциала;

2. Интегральная оценка социально-экономической ситуации в каждом муниципальном образовании в виде сети проблемных ситуаций (ПС);

3. Стратегическое целеполагание, в т.ч. повышение качества жизни населения;

4. Формирование политик: социальная (охрана здоровья населения, социальная защита, регулирование социально-демографических процессов, образования, занятости, транспортного обеспечения и прочее), экологическая, экономическая (структурная, инновационно-инвестиционная, партнерских отношений, поддержка предпринимательства, финансовая, международного сотрудничества);

5. Формирование необходимых и достаточных информационных потоков;

6. Формирование, корректировка управляющей структуры на базе новейших информационных технологий.

Формирование эффективной стратегии организации управляющей структуры осуществляется вместе с созданием и обеспечением эффективного функционирования многоярусного механизма адаптивного управления (МАУ) [2–8]. Сущность механизма состоит в организации целенаправленного взаимодействия Федеральных властных структур, совместно с другими участниками стратегического управления при формировании, корректировке и реализации стратегического плана для достижения намеченных результатов.

Назначение механизма адаптивного управления состоит в обеспечении работоспособности всей многоярусной управляющей структуры при переводе экономики РФ в качественно новое состояние, характеризующееся достижением принятых стратегических приоритетов и целей развития.

Состав многоярусного МАУ [5] как сложной концептуальной системы включает в себя концепции стратегического развития, функции лиц, принимающих решения (ЛПР), методологию управления стратегического, перспективного, тактического управления, модели связей и отношений участников стратегического управления и т.д.

Адаптивное управление означает, что формирование и последующее функционирование механизма управления должны осуществляться с учетом возможных изменений внешних и внутренних факторов среды [4], которые могут обуславливать внесение в его состав новых элементов и соответствующих корректировок его программы.

Программа формирования стратегии организации и функционирования управляющей структуры региона реализуется с помощью новейших информационных технологий на базе экспертной системы «Руководитель» [3].

Процессы реструктуризации современных промышленных предприятий связаны с внедрением различного рода инноваций и осуществлением инновационных проектов. Для управления процессом внедрения инновационных проектов предприятие ПСС должно иметь возможность точной оценки последствий этого в каждый момент в разрезе различных ситуационных задач [7].

Для внедрения инновационных стратегий на предприятии должны быть достаточно веские основания, которые могут быть определены на базе анализа узких мест. В качестве узких мест выделяются подразделения в каждой из функциональных подсистем предприятия по критерию снижения эффективности или превращения затрат на недопустимую величину. При этом предприятие должно ориентироваться на стабильную производственно-экономическую деятельность в стратегической перспективе, которая может определяться постоянным процессом оптимизации объемов выпускаемой продукции по каждому ее виду:

- нестационарность отдельных параметров систем и стохастичность ее поведения;
- уникальность и неопределенность поведения системы в конкретных условиях; наличие предельных возможностей, определяемых имеющимися ресурсами;
- способность изменять свою структуру и формировать варианты поведения;
- способность противостоять энтропийным (разрушающим систему) тенденциям;
- способность адаптироваться к изменяющимся условиям;

— способность и стремления к целеполаганию, т.е. формированию целей внутри системы.

Процесс реструктуризации условно предлагается разделить на два этапа.

На первом этапе предприятие проводит анализ производственно-экономической деятельности, выделение и анализ узких мест, а также обоснование необходимости реструктуризации предприятия или какого-либо отдельно взятого подразделения.

На втором этапе проводится процесс реструктуризации.

Принципиальная схема изложенной последовательности этапов представлена на рисунке 1.

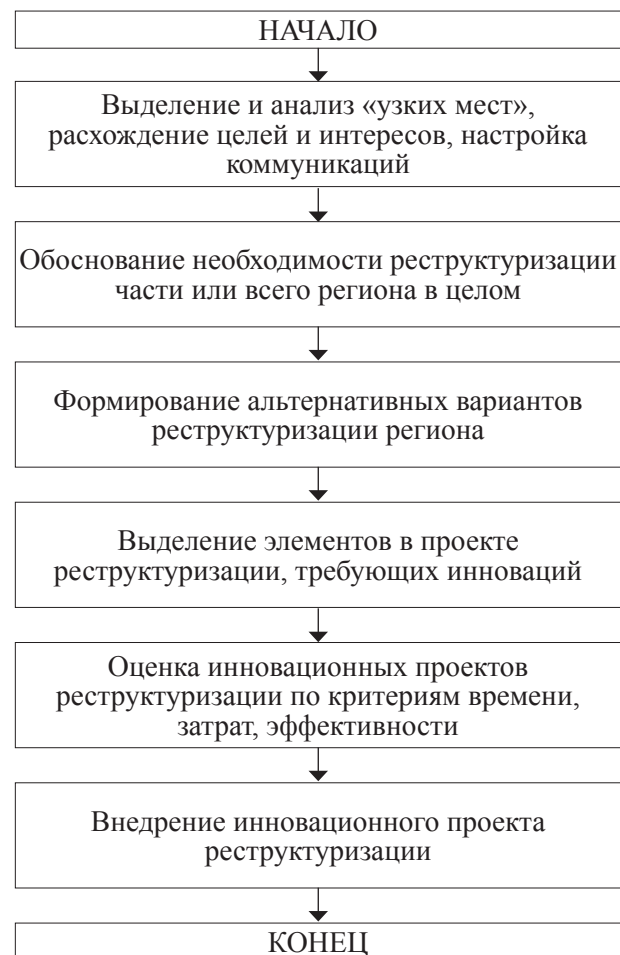

Рисунок 1. Процесс реструктуризации

Вывод

Таким образом, предприятие имеет задачу о выборе и внедрении некоторой инновационной стратегии, что связано с достаточно

сложным и многоуровневым процессом управления различного рода ресурсами.

Оценка, выбор и внедрение инновационных стратегий должны осуществляться с

помощью логико-лингвистического моделирования, разработка которого невозможна без упорядочения основных направлений и видов инновационных стратегий предприятия.

Список литературы

1. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

2. Клименков Г.В., Кукор Б.Л. Инновационное развитие оборонно-промышленного комплекса в рыночных условиях / РАН, УрО, Ин-т экономки; под общ. ред. Г.В. Клименкова. Пермь: ООО «Издательский дом «Ника», 2008. 162 с.

3. Кукор Б.Л., Пыткин А.Н., Клименков Г.В. Основы стратегического управления в региональной экономике (построение систем ситуационного управления на базе логико-лингвистического моделирования) // РАН, УрО, Ин-т экономки; под общ. ред. Б.Л. Кукора. Пермь: ООО «Издательский дом «Ника», 2009. 337 с.

4. Теория стратегического анализа и методология управления предприятием, отраслью в конкурентной среде / Г.В. Клименков, А.Н. Пыткин, Б.Л. Кукор, Ю.В. Мишарин, Е.А. Атаманова, В.Б. Главацкий, И.И. Дымковец, А.В. Белых, А.Н. Суханов, А.В. Зинченко, А.Г. Столбов, Е.С. Кузнецова, С.В. Москвин, Е.А. Малыгин, А.Т. Бабко, И.Ю. Иванова, С.Н. Зубарев, С.С. Одинцов, А.П. Филимонов, А.Ю. Кустов, А.А. Юрчик; под общ. ред. А.Н. Пыткина, Б.Л. Кукора. Пермь: ООО «Издательский дом «Ника», 2012. 300 с.

5. Кукор Б.Л., Клименков Г.В., Одинцов С.С., Мелешин К.Ю. Основы теории адаптивного управления промышленным комплексом региона / Под общ. ред. Б.Л. Кукора, Г.В. Клименкова. Пермь: ООО «Издательский дом «Ника», 2013. 104 с.

6. Концептуальные положения и методологические подходы совершенствования адаптивного управления промышленным комплексом региона в конкурентной среде / Б.Л. Кукор, А.Н. Пыткин, Г.В. Клименков, С.С. Одинцов, К.Ю. Мелешин, С.Н. Зубарев; под общ. ред. Б.Л. Кукора, Г.В. Клименкова.

Пермь: ООО «Издательство Института экономики УрО РАН», 2014. 240 с.

7. Организационно-методическая модель адаптивного управления промышленным комплексом региона в конкурентной среде / Б.Л. Кукор, Г.В. Клименков, С.Н. Зубарев, Н.А. Кузьмин, А.П. Филимонов; под ред. Б.Л. Кукора, Г.В. Клименкова. Екатеринбург-С.Петербург: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, 2015. 142 с.

8. Теоретические основы формирования и функционирования соморазвивающихся экономических систем / Б.Л. Кукор, А.Н. Пыткин, Г.В. Клименков, Ю.В. Мишарин, Е.А. Атаманова, И.И. Дымковец, А.В. Зинченко, С.В. Москвин, А.Т. Бабко, И.Ю. Иванова, О.А. Барташева, Ю.В. Варламова, С.Н. Зубарев, Г.Ф. Фейгин, С.С. Одинцов, А.П. Филимонова, А.Ю. Кустов, В.А. Смольянинова; под общ. ред. А.Н. Пыткина, Б.Л. Кукора. Пермь: ООО «Издательский дом «Ника», 2011. 110 с.

References

1. Federal Law of June 28, 2014 № 172-FZ «On the Strategic Planning in the Russian Federation».

2. Klimenkov G.V., Kukor B.L. Innovative Development of the Military-Industrial Complex in Market Conditions / RAS, Ural Branch, Institute of economy; under the total. ed. G.V. Klimenkov. Perm: LLC «Publishing House «Nika», 2008. 162 p.

3. Kukor B.L., Pytkin A.N., Klimenkov G.V. Fundamentals of Strategic Management in the Regional Economy (Construction of Situational Management Systems on the Basis of Logical and Linguistic Modeling) // Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Institute of Economy; under the total. Ed. B.L. Kukor. Perm: LLC «Publishing House «Nika», 2009. 337 p.

4. The Theory of Strategic Analysis and Methodology of Enterprise Management, the

- Industry in the Competitive Environment / G.V. Klimenkov, A.N. Pytkin, B.L. Kukor, U.V. Misharin, E.A. Atamanova, V.B. Glavatsky, I.I. Dymkovets, A.V. White, A.N. Sukhanov, A.V. Zinchenko, A.G. Pillars, E.S. Kuznetsova, S.V. Moskvina, E.A. Malygin, A.T. Babko, I.Y. Ivanova, S.N. Zubarev, A.P. Odintsov, A.Y. Filimonov, A.A. Yurchik; under the total ed. A.N. Pytkin, B.L. Kukor. Perm: LLC «Publishing House «Nika», 2012. 300 p.
5. Kukor B.L., Klimenkov G.V., Odintsov S.N., Melechin K.Y. Fundamentals of Adaptive Control Theory Industrial Complex in the Region / under total ed. B.L. Kukor, G.V. Klimenkov. Perm: LLC «Publishing House «Nika», 2013. 104 p.
6. Conceptual Positions and Methodological Approaches to Improving the Adaptive Control of The Industrial Complex of The Region in a Competitive Environment / B.L. Kukor, A.N. Pytkin, G.V. Klimenkov, S.S. Odintsov, K.Y. Melechin, S.N. Zubarev; under total ed. B.L. Kukor, G.V. Klimenkov. Perm: LLC «Publishing House «Nika», 2014. 240 p.
7. Organizational and Methodological Model Adaptive Control of Industrial Complex of the Region in a Competitive Environment / B.L. Kukor, G.V. Klimenkov, S.N. Zubarev, N.A. Kuzmin, A.P. Filimonov; ed. B.L. Kukor, G.V. Klimenkov. Yekaterinburg-St.Petersburg: Federal State Institution of Science Institute of Economics of the Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, 2015. 142 p.
8. The Theoretical Bases of Formation and Functioning of Economic Self-Developing Systems / B.L. Kukor, A.N. Pytkin, G.V. Klimenkov, J.V. Misharin, E.A. Atamanova, I.I. Dymkovets, A.I. Zinchenko, S.V. Moskvina, A.T. Babko, I.Y. Ivanova, O.A. Bartasheva, U.V. Varlamov, S.N. Zubarev, G.F. Feigin, S.S. Odintsov, A.P. Filimonov, A.Y. Scrubs, V.A. Smolyaninova; under the total ed. A.N. Pytkin, B.L. Kukor. Perm: LLC «Publishing House «Nika», 2011. 110 p.

Габидуллина Э. В.
Gabidullina E. V.

кандидат экономических наук, доцент
кафедры «Региональная экономика
и управление» Института экономики
и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский
государственный нефтяной
технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация

Галиуллина С. Д.
Galiullina S. D.

доктор исторических наук, профессор,
заведующая кафедрой «История
и политология», ФГБОУ ВО «Уфимский
государственный нефтяной
технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация

Сулова Т. А.
Suslova T. A.

магистрант кафедры «Туризм,
гостиничный и ресторанный сервис»
Института экономики и сервиса,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация

Корнева В. О.
Korneva V. O.

магистрант кафедры «Региональная
экономика и управление» Института
экономики и сервиса, ФГБОУ ВО
«Уфимский государственный нефтяной
технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация

УДК 332.15:339.138

БРЕНДИНГ КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Настоящая статья посвящена исследованию понятий «бренда» и «брендинг», а также формулированию его роли в процессе развития и управления территорией. Приведено понятие «бренд» в его коммерческом эквиваленте и применительно к объектам жизнедеятельности (городам, территориям). Сформулированы цели и инструменты брендинга территорий. Представлено понятие «геобрендинг», характеризующее деятельность по системному развитию территорий. Сформулированы проблемы брендинга территорий в современной России. Для решения этих проблем раскрыты способы формирования и продвижения бренда территорий. В результате раскрытия понятия «бренд территорий» сделан вывод, что без выявления специфики и особенностей территории невозможно будет сформулировать качественный бренд города и продвинуть его среди заинтересованных субъектов. Именно понимание и принятие бренда как наполненного смыслом символа территории даст положительный эффект

в виде развития внешнего и внутреннего туризма, роста инвестиций и прироста населения. Представлена сравнительная характеристика некоторых субъектов Российской Федерации, граничащих с Республикой Башкортостан, с целью выявления дополнительных особенностей и отличительных характеристик для дальнейшего совершенствования бренда Республики Башкортостан и города Уфы. В результате анализа выявлено историческое значение нашей республики и сформулированы некоторые предпосылки для формирования бренда.

Ключевые слова: бренд, геобрендинг, инструменты бренда, территория, город, характеристики территорий, качество жизни, исторические памятники.

BRANDING AS A TOOL FOR DEVELOPMENT OF THE TERRITORY

This article is devoted to the study of the concept of brand and branding, as well as the formulation of its role in the development and management of the territory. The article shows the concept of the brand, both in its commercial terms and with reference to the objects of vital activity (cities, districts). Objectives and the areas of branding tools. The concept geobranding, characterizing the activities for the systematic development of the territories. Formulated the problem of branding in today's Russia. To solve these problems, the disclosed methods of formation and promotion of the brand territory. As a result of the disclosure of the concept of brand territories to the conclusion that, without disclosing specifics and peculiarities of the territory will be impossible to formulate a quality city brand and promote it among stakeholders. This understanding and acceptance of the brand, as a significant symbol of the territory, will have a positive effect in the form of internal and external tourism, investment growth and population growth. There presented a comparative description of some of the subjects of the Russian Federation, bordering with the Republic of Bashkortostan in order to identify additional features and distinctive characteristics to further improve the brands of the Republic of Bashkortostan and the city of Ufa. The analysis revealed the historical significance of our republic, and made some preconditions for the formation of the brand.

Key words: brand, geobranding, proprietary tools, territory, city, characteristics of area, quality of life, historical monuments.

Термин «бренд» широко используется специалистами по рекламе, менеджменту и профессиональными оценщиками. При этом под брендом они могут понимать и название хорошо известной фирмы, и название популярного товара, и общеизвестный товарный знак.

Бренд — слово, ворвавшееся в русский язык и ставшее сегодня популярным. Российские города, регионы и территории в целом вступают в период активной и нарастающей конкуренции между собой. Понятие «brand» пришло из Голландии и изначально означало «клеймение огнем» [1]. В некоторых источниках «бренд» — это коммерческий эквивалент репутации. Именно репутация, а не товарный знак составляет обязательный элемент, присутствующий во всех вариантах употребления термина

«бренд». Только удобное географическое положение или обилие полезных ископаемых еще не гарантируют территории экономический успех [2].

Города и территории, как и компании, и товары, также обладают оригинальными особенностями. Как в такой ситуации городам и регионам России сохранить население и найти свою экономическую и культурную нишу? Один из способов — освоение маркетинга города (территории), а одной из самых эффективных форм маркетинга является продвижение интересов территории через формирование не просто ее бренда, а бренда «города (территории) высокого качества и уровня жизни».

Первым примером брендинга в России можно назвать известный слоган «Киев — мать городов русских».

Термин «брендинг мест» в 2002 году ввел в обиход Саймон Анхольт, один из ведущих мировых специалистов в области брендинга. По его мнению, существует шесть элементов современного бренда территории: туризм, экспортные бренды, политика, бизнес и инвестиции, культура, люди.

Цель бренда города (территории) представлена на рисунке 1.

В последнее время формулируется такое понятие как «геобрендинг», представляющий собой системную деятельность по стратегическому развитию территорий, по результатам анализа ресурсов территории, потребностей целевой аудитории и взаимодействия субъектов территорий. Именно эта деятельность позиционируется как основное направление повышения конкурентоспособности развития территории. «В его основе лежат технологии, интегрирующие экономические, социальные, культурные, политические аспекты управления территориями, которые направлены на создание устойчивого образа или «бренда» территории, привлекательного для туристов и крупных инвесторов, а также самих жителей городов и мигрантов (переселенцев)» [3].

Многим известны примеры удачного брендинга за рубежом. Самым успешным проектом современности, безусловно, стал феномен «I love New York».

Процесс брендинга российских городов вписывается в Стратегию социально-экономического развития регионов (Стратегия 2020), где важными являются два аспекта —

туризм и привлечение инвестиций в регион [4]. Одним из важных этапов этой работы в России стало создание Российской ассоциации маркетинга территорий — РАМТ (VIII Красноярский экономический форум, 2010 г.), которая поставила своей главной целью развитие российских территорий, повышение их конкурентоспособности как внутри России, так и за рубежом [5]. Успешность бренда города (территории) оказывает непосредственное влияние на: обеспечение стойкого и привлекательного имиджа территории, повышение ее узнаваемости; формирование потребительского представления об уникальности; преодоление дефицита ресурсов; привлечение туристов; улучшение инвестиционной привлекательности; наращивание хозяйственного потенциала; вступление в международные организации; трансляцию региональных достижений и инициатив; повышение государственного престижа и др.

Но, несмотря на это, редкий российский город может похвастаться успешным и ярким примером собственного бренда. Безусловно, практика разработки логотипов и фирменных стилей для российских городов существует. Но пока, к сожалению, бренды российских городов (территорий) не выдерживают конкуренции с зарубежными аналогами. Причина тому отнюдь не в отсутствии агентств, которые могут профессионально выполнить такую задачу. Основная причина в слабо проработанной и неотлаженной пока связи между властями и агентствами, а также

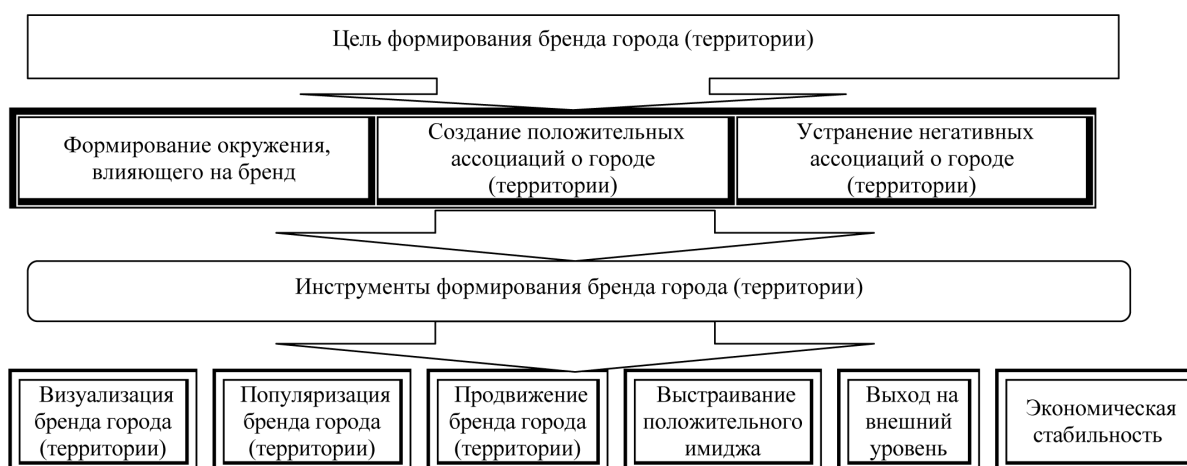

Рисунок 1. Цель бренда города (территории)

в отсутствии единого подхода к созданию и усилению бренда города.

Аналогичная ситуация и с брендами регионов. Российские эксперты сошлись во мнении, что брендинг стран и регионов становится одной из самых востребованных форм маркетинга. В России интерес к территориальному брендингу со стороны региональных властей тоже есть. Но также есть и непонимание того, что это и как это надо делать. «Брендинг только тогда приносит деньги, когда им занимаются осознанно. Если им заниматься неосознанно, то он их съедает. В России брендинг территории присутствует как некое неформальное течение, но он не продуманный и не системный», — выразился на этот счёт директор по развитию ВЦИОМ Максим Муссель [6].

Формирование и популяризация бренда города (территории) может проходить одним из двух способов.

В первом варианте по анализу территории формулируются ее основные компетенции. Все усилия направляются на продвижение и развитие этих компетенций. В конечном итоге бренд города (территории) отражает именно эту характеристику.

Во втором варианте наполняемость бренда исходит от конечного потребителя, то есть выявляются ключевые потребности основных потребителей территории, и в дальнейшем развиваются условия, необходимые для удовлетворения этих потребностей.

При выборе главной составляющей бренда территории подвергаются оценке по следующим возможным направлениям брендинга: социокультурному, экономическому, политическому [7].

При оценке социокультурного направления предлагается характеризовать географическое положение территории, ландшафт, экологическое состояние окружающей среды, рекреационные ресурсы, а также историко-культурный капитал, который наполняет территорию уникальными смыслами и образами.

При оценке экономического направления характеризуются экономические условия — конкурентные преимущества и производ-

ственные ресурсы территории, их потенциал, а также уникальные возможности для ведения экономической деятельности, создаваемые именно на этой территории.

При оценке политического направления характеризуются элементы внутренней и внешней политики территории, начиная от общерегиональных направлений деятельности и заканчивая личностными характеристиками лидера.

Эти оценки помогают актуализировать территорию в информационном пространстве, что способствует созданию бренда. Наиболее эффективным будет учет и систематизация всех трех направлений, и поэтому нужно найти их точки соприкосновения в одном бренде.

Таким образом, территория может рассматриваться как нематериальный актив, сила бренда которого зависит от того, насколько точно сформулированы уникальные свойства территориального бренда, представляющие определенные выгоды потребителям.

Говоря об эффективности и оценке успешности брендинга города (территорий), следует отметить, что сложно сформулировать общие для всех критерии, так как «... каждое место само должно определить, чем оно хочет стать в будущем... Успех или провал крепко связан с самим городом или регионом и с их национальноспецифическими факторами» [8]. При этом существуют исследователи, которые считают, что «это ускользающий от анализа психологический феномен, которому трудно найти название и который непостижимым (пока еще) образом приносит вполне осязаемые экономические выгоды инициаторам и авторам идеи бренда» [9].

В результате анализа дефиниций бренда и брендинга, а также состава этого понятия мы можем сделать вывод, что суть в выделении специфики территории, особенностей и миссии данной территории, то есть крайне необходимо выявить положительные отличительные черты города (территории) и пытаться их продвигать перед инвесторами, туристами, да и местными жителями.

Таким образом, оценивая перспективы формирования бренда «города (территории)

высокого качества жизни» для города Уфа и Республики Башкортостан в целом необходимо в полной мере понять и оценить потенциал этих территорий.

Оценивая потенциал города и республики, проанализируем основные характеристики в сравнении с ближайшими соседями, сравнение с которыми происходит исторически, это Оренбургская область, Челябинская область, Свердловская область и Республика Татарстан.

Кратко охарактеризовав все регионы, можно сделать вывод о том, что у них есть много общего с Республикой Башкортостан. Регионы географически находятся на одной широте, вследствие чего имеют более или менее схожие климатические условия проживания, а также другие ресурсы. Столицы всех регионов являются городами-миллионниками (кроме Оренбурга), а сами субъекты характеризуются высокоразвитым производством и сельским хозяйством. Об этом говорят примерно схожие показатели экономической деятельности.

Истории образования городов и регионов на данных территориях в целом схожи. Историками обозначены временные рамки заселения этих территорий, относящиеся к широкому периоду до нашей эры. В последствии освоение этих территорий проходит активно. Если характеризовать данные регионы в рамках развития России, то следует отметить, что процесс присоединения территорий происходил в XVI веке (Республика Башкортостан и Республика Татарстан), XVII веке (Челябинская область) и XVIII веке (Оренбургская область). Основные города территорий — Уфа, Стерлитамак, Казань, Оренбург — в свое время основывались как

удобные территории на пересечении торговых путей. Далее оценивая исторический путь развития территорий, можно сказать, что все субъекты развивались системно во всех областях (экономическое, политическое, социальное направление), включая развитие общественной деятельности и всех направлений, совершенствующих общий уровень и качество жизни населения. Исследованиям этих процессов и исторических событий посвящено большое количество научных исследований [11, 12].

Этим объясняется выбор данных территорий для сравнения по показателям качества жизни.

Для дальнейшей оценки используем данные Рейтинга регионов России по качеству жизни за 2015 год. Позиции субъектов РФ в данном рейтинге определялись на основании интегрального рейтингового балла, который рассчитывался путем агрегирования рейтинговых баллов регионов РФ по всем анализируемым группам показателей.

Проанализировав представленные в таблице 2 данные, можно сделать вывод, что в среднем Республика Башкортостан уступает по качеству жизни Республике Татарстан. Иными словами, абсолютно явных и неоспоримых преимуществ РБ при поверхностном анализе выявить не удалось.

В связи с этим необходимо более подробно проанализировать состояние дел в РБ. Республика ассоциируется с медом, нефтью, кумысом, лошадьми и редкими видами каменных самоцветов. Сама культура республики многонациональна, ее можно представить в виде этно-деревень, где мастерицы прядут пряжу, занимаются

Таблица 1. Характеристики Республики Башкортостан, Республики Татарстан, Оренбургской области, Свердловской области и Челябинской области по некоторым показателям [10]

	Республика Башкортостан	Республика Татарстан	Оренбургская область	Челябинская область	Свердловская область
Площадь (тыс. км ²)	143,6	67,8	124,0	87,9	194,3
Численность (чел.)	4 071 181	3 868 537	1 994 435	3 500 361	4 330 006
Кол-во городов	21	23	12	16	47
ВРП на душу населения (руб.)	306771,3	434509,1	364761,5	284190,7	384228,1

Таблица 2. Позиции Республики Башкортостан, Республики Татарстан, Оренбургской области, Свердловской области и Челябинской области по показателям качества жизни (место в рейтинге) [13]

Показатели	Республика Башкортостан	Республика Татарстан	Оренбургская область	Челябинская область	Свердловская область
Регионы Приволжского федерального округа в Рейтинге регионов по качеству жизни	21	4	35	15	10
Отношение денежных доходов населения к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг	18	9	42	31	7
Уровень безработицы	45	6	25	58	50
Число преступлений на 10000 человек населения	49	27	39	61	46
Естественный прирост (убыль) населения	30	17	40	43	40
Миграционный прирост (убыль) населения	58	13	81	17	19
Выбросы в атмосферу загрязняющих веществ от стационарных и передвижных источников на единицу площади населенных пунктов	48	48	62	74	69
Доля населения в возрасте от 15 до 72 лет, имеющего высшее профессиональное образование	75	16	59	25	47
Смертность населения в трудоспособном возрасте	53	17	66	44	50
Объем инвестиций в основной капитал на одного жителя	34	9	30	49	30
Плотность автомобильных дорог общего пользования	42	16	52	49	57

ковроткачеством, делают кумыс, пекут национальные лакомства.

В настоящее время в Башкортостане идет разработка туристического бренда. В 2015 году объем оказанных туристических услуг в Уфе составил свыше 2 млрд руб., что сравнимо с оборотом крупного промышленного предприятия. Но эти цифры не отражают полного эффекта для экономики. Приезжие пользуются такси и общественным транспортом, совершают покупки в местных магазинах, ходят в рестораны и кафе, то есть въездной туризм дает мультипликативный эффект, который особенно заметен в торговле и сфере услуг.

В перечне объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), расположенных на территории Республики Башкортостан и городском округе город Уфа, очень широкий перечень объектов, среди которых:

— памятники архитектуры и истории (здания) (федерального, регионального и местного значения): Дом, в котором жили Ленин Владимир Ильич и Крупская Надежда Константиновна в 1900 г., Здание Дворянского собрания и т.д.;

— парки, сады, скульптуры, монументы, памятники истории, достопримечательные места (федерального, регионального и местного значения): памятник Салавату Юлаеву, Монумент Дружбы, памятники Матросову А.М., Цюрупе А.Д., парк Победы, Братская могила воинов Советской Армии и т.д.;

— памятники археологии (федерального, регионального и местного значения): уфимское (чертово) городище, Уфа II — Городище, Воронки-городище, Воронки-селище, Дежневский курганный могильник, Затонское селище, Курган, Романовские поселения, Место находки сасанидских сосудов, Усть-Уфимское городище, Уфимская уездная земская управа и т.д.

Всего учеными выявлено и задокументировано только по городу Уфе около 900 объектов, имеющих историческое значение. Благодаря богатой истории, уникальному местоположению и природе, современному развитию Уфа становится наиболее ярким, интересным городом, в котором найдется место для людей с различными целями [14].

Основной вклад в повышение привлекательности столицы республики с точки зрения удобства пребывания гостей внесло

резкое увеличение гостиничного фонда в связи с проведением саммитов ШОС и БРИКС. За последние годы в городе открыли 48 новых гостиниц на 1648 номеров. Всего действует 106 различных гостиниц, которые вмещают 6,4 тысячи человек. Уфа также входит в число самых финансово доступных городов для посещения.

Увеличить число приезжающих возможно путем развития общей туристической привлекательности региона. Зимой таким фактором может стать отдых на горнолыжных курортах и в санаториях, летом — туры по уникальным местам и природным достопримечательностям.

Однако сама по себе задача привлечения туристического потока не из легких, особенно это касается избалованных конкуренцией и уровнем сервиса жителей Европы. Поэтому наличие уникальных уголков нетронутой природы, ее самобытность — это важнейшие факторы привлечения в нашу республику иностранных туристов. В Башкортостане насчитывается 180 естественных памятников природы [15].

Как видим, ощущается заметный рост. Аналогичная ситуация прослеживается и в количестве граждан, пребывающих в коллективных средствах размещения. По данным официальной статистики, в 2015 году в республике функционировало 404 коллективных средства размещения, в которых были размещены 891,5 тыс. человек, из них 5,3 % — иностранные граждане. Значительное снижение числа как въездных, так и выездных поездок повлияло на динамику данного показателя. По последним данным Росстата, число выездных поездок сократилось в январе-марте 2016 г. по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года на 563 тысячи.

У Башкортостана есть большой природный потенциал для развития данного

направления: источники минеральной воды и солей, лечебных грязей, лекарственных трав и т.д. Таким образом, наш регион имеет огромный природный потенциал и может обеспечить натуральным лекарственным сырьем не только себя, но и активно поставлять его на экспорт.

Выводы

Проанализировав информацию, характеризующую символы города Уфа и Республики Башкортостан, мы видим, что первое место среди визуальных символов занимают уже существующие официальные символы города, региона или их элементы (куница, памятник Салавату Юлаеву, цветок курая), также часто встречается графическое изображение названия города на башкирском языке «ӨФӨ», которое в простонародье называется «три шурупа». Эти символы, бесспорно, узнаваемы, и уже сейчас несут определенный смысл, однако, на наш взгляд, необходимо создать символ, максимально включающий в себя все стороны жизни города и территории в целом и отражающий, в первую очередь, такую характеристику как «Город (территория) высокого качества жизни»!

Грамотно и системно выстроенная деятельность по формированию бренда города (территории) на сегодняшний день является одним из наиболее эффективных механизмов экономической, социальной, демографической политики как государства в целом, так и местных властей по развитию отдельных территорий. С помощью маркетинга и брендинга территории могут стать центром культурной, туристической, археологической, рекреационной и иной деятельности, что положительно скажется на благосостоянии самого региона [16]. Наибольшая результативность объясняется тем, что воздействие при формировании и продвижении бренда города (территории) оказывается на максимальное коли-

Таблица 3. Показатели, характеризующие туристические услуги в Республике Башкортостан

Показатели	2014	2015
Объем туристических услуг (млн руб.)	3870,5	5658,6
Объем санаторно-оздоровительных услуг (млн руб.)	4 579,1	4 701,4
Объем услуг гостиниц и аналогичных мест размещения (млн руб.)	4 304,3	4 795,8

чество субъектов территории: местных жителей, у которых появляется гордость за свой край; экономические субъекты, у которых возникает желание инвестировать в эту перспективную территорию; представителей власти, которые в результате получают в

управление развитую и качественную территорию, туристы, у которых возникает желание посетить данную территорию и потенциальных жителей, желающих принять участие в дальнейшем развитии территории.

Список литературы

1. Визгалов Д.В. Брендинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2011. 160 с.
2. Грошев И.В., Степанычева Е.В. Инструменты формирования бренда территории // Маркетинг в России и за рубежом. 2011. № 5.
3. Арпентьева М.Р. Геобрендинг в индустрии туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. 2015. № 3.
4. Дэвис С. Бренд-билдинг: создание бизнеса, раскручивающего бренд: Пер. с англ. / Под ред. В. Домнина. СПб.: Питер, 2013. 102 с.
5. Вазенина И.С. О сущности бренда // Экономика региона. 2001. № 3. С. 18.
6. <http://ko.ru/samizdats/38035>.
7. Сайт «Стратегии 2020». <http://2020strategy.ru>.
8. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни — 2015. <https://ria.ru/infografika/20160225/1379773088.html>.
9. Rainisto S.K. Success Factors of Place Marketing: A Study of Place Marketing Practices in Northern Europe and the United States: Doctoral Dissertation / Helsinki University of Technology, Institute of Strategy and International Business. URL: <http://lib.tkk.fi/Diss/2003/isbn9512266849/isbn9512266849.pdf>.
10. Сайт Федеральной службы государственной статистики <http://cbsd.gks.ru/#>.
11. Galiullina S.D., Valiev S.Z., Safina E.A., Gerasimova D.I., Gabidullina E.V. Incentive State Policy as an Instrument of Attracting Trustee and Charitable Activity in Russia // European Journal of Science and Theology. 2014. T. 10. No. 6. P. 147–154.
12. Лебедев А.И., Гончаров А.С., Усманов И.Ю., Усманов Ю.И. Экономический потенциал и роль культурного и природного наследия в развитии туризма на южном Урале // Вестник Самарского государственного эко-

номического университета. 2014. № 5. С. 123–131.

13. Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. 1st edition. Palgrave Macmillan, 2007. 160 p.

14. Лебедев А.И., Матвеева Л.Д., Усманов И.Ю. Проблемы сохранения и рационального использования культурного наследия в Республике Башкортостан: экономические и правовые аспекты // Вестник УГАЭС. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2013. № 3 (5). С. 44–48.

15. Величко И.А. Системный подход в сфере регионального туризма // Теоретико-методологические проблемы естественнонаучных методов в гуманитарных науках: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. 2014. С. 552–556.

16. Валиев Ш.З., Каримова Ш.Ш. Управление маркетингом некоммерческих организаций. Уфа: ООО «ДизайнПолиграф Сервис», 2005. 120 с.

References

1. Vizgalov D.V. Branding the City. M.: Foundation «Institute for Urban Economics», 2011. 160 p.
2. Groshev I.V., Stepanycheva E.V. Tools Formation of Brand Territory // Marketing in Russia and Abroad. 2011. № 5.
3. Arpenteva M.R. Geobrending in the Tourism Industry // Modern Problems of Service and Tourism. 2015. № 3.
4. Davis S. Brand Building: Business Creation, Untwisting Brand: Trans. from Engl. / Ed. V. Domnina. SPb.: Peter, 2013. 102 p.
5. Vazhenina I. On the Essence of the Brand // The Region's Economy. 2001. No. 3. P. 18.
6. <http://ko.ru/samizdats/38035>.
7. Site Strategy 2020 <http://2020strategy.ru>.

8. Rating of Russian Regions for Quality of Life — 2015. <https://ria.ru/infografika/20160225/1379773088.html>.
9. Rainisto S.K. Success Factors of Place Marketing: A Study of Place Marketing Practices in Northern Europe and the United States: Doctoral Dissertation / Helsinki University of Technology, Institute of Strategy and International Business. URL: <http://lib.tkk.fi/Diss/2003/isbn9512266849/isbn9512266849.pdf>.
10. The Site of the Federal Service of State Statistics. <http://cbsd.gks.ru/#>.
11. Galiullina S.D., Valiev S.Z., Safina E.A., Gerasimova D.I., Gabidullina E.V. Incentive State Policy as an Instrument of Attracting Trustee and Charitable Activity in Russia // European Journal of Science and Theology. 2014. T. 10. No. 6. P. 147–154.
12. Lebedev A.I., Goncharov A.S., Usmanov I.Y., Usmanov Y.I. The Economic Potential and the Role of Cultural and Natural Heritage in the Development of Tourism in the Southern Urals // Vestnik Samara State University of Economics. 2014. No. 5. P. 123–131.
13. Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. 1st edition. Palgrave Macmillan, 2007. 160 p.
14. Lebedev A.I., Matveev L.D., Usmanov I.Y. Problems of Conservation and Management of Cultural Heritage in the Republic of Bashkortostan: Economic and Legal Aspects // Bulletin USAES. Science, Education, Economy. Series: Economy. 2013. No. 3 (5). P. 44–48.
15. Velichko I.A. The System Approach in the Field of Regional Tourism // Theoretical and Methodological Problems of Natural Science Methods in the Humanities: Collection of Articles of the International Scientific-Practical Conference. 2014. P. 552–556.
16. Valiev S.Z., Karimova S.S. Marketing Management of Non-Profit Organizations. Ufa: LLC «DizaynPoligrafServis», 2005. 120 p.

Павлова К. К.

Pavlova K. K.

аспирант, ГБОУ ВО «Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан», г. Уфа, Российская Федерация

УДК 330.3

СТРУКТУРА ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

В статье изучается структура доходов населения, а именно доля оплаты труда в структуре денежных доходов. Автор на основе данных, подготовленных Федеральной службой государственной статистики, проанализировал динамику изменения доли оплаты труда в структуре денежных доходов в Республике Башкортостан. На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что показатель зарплатного фактора в Республике Башкортостан на протяжении всего рассматриваемого периода отстает от такового как в Приволжском округе, так и в Российской Федерации, что возможно, связано с высокой долей занятости в сфере личного подсобного хозяйства. В рамках исследования проведен корреляционно-регрессионный анализ таких социально-экономических показателей, как доля оплаты труда в структуре денежных доходов населения и объем продукции сельского хозяйства. Метод корреляционно-анализа используется для определения тесноты и направления связи между двумя признаками при парной корреляции. В основу анализа положен расчет коэффициента корреляции. При помощи коэффициента корреляции определяем наличие связи между долей оплаты труда в структуре денежных доходов населения и продукцией сельского хозяйства в хозяйствах населения, а также направление этой связи. Так как коэффициент корреляции, рассчитанный на основе выборочных значений показателей, является случайной величиной для генеральной совокупности признаков, необходимо убедиться, что рассчитанное значение значимо для всей генеральной совокупности признаков. Значимость линейного коэффициента корреляции проверяется на основе t -критерия Стьюдента. В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что доля оплаты труда в доходах населения сокращается в связи с ростом продукции сельского хозяйства в хозяйствах населения. На основании проведенного анализа делаются выводы и даются предложения по улучшению социально-трудовой сферы.

Ключевые слова: структура денежных доходов населения, доля оплаты труда, сельское хозяйство, объем продукции сельского хозяйства в хозяйствах населения, социально-экономические показатели, корреляционно-регрессионный анализ.

THE STRUCTURE OF THE POPULATION INCOME AS AN INDICATOR OF A SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE TERRITORY

This article studies structure of the population income, namely, the share of labour expense in the structure of financial income. The author undertakes an analysis dynamics of change of a share of compensation in structure of cash incomes in the Republic of Bashkortostan on the basis of the data prepared federal by service of the state statistics. It is possible to draw a conclusion that the salary factor in the Republic of Bashkortostan lags behind as a salary factor in the Volga Federal District and a factor in the Russian Federation during all considered period. Perhaps, it is connected with a high share of employment in the sphere of personal subsidiary farm. Within the research the correla-

tion and regression analysis of socio-economic indexes — a compensation share in structure of cash incomes of the population and amount of products of agricultural industry is carried out. The method of the correlation analysis is used for definition of narrowness and the direction of communication between two signs at pair correlation. The coefficient of correlation determines availability of communication and the direction between a compensation share in structure of cash incomes of the population and products of agricultural industry in farms of the population. The coefficient of correlation is calculated on the basis of selective values of indicators. The coefficient of correlation is a random variable for population of signs. It is necessary to check the calculated value for the importance for all population of signs. The importance of linear coefficient of correlation is checked on the basis of Student's *t*-criterion. It is possible to draw a conclusion that the compensation share in the income of the population is reduced because products of agricultural industry grow in farms of the population.

On the basis of the carried out analysis the conclusions are drawn and suggestions for the improvement of the social and labor spheres are given.

Key words: the structure of the population financial income, the share of labour expense, agriculture, the volume of the agricultural products in the households of the population, the socio-economic indexes, the correlation and regression analysis.

В последнее время наукой и практикой было разработано множество индикаторов (показателей) регионального развития. Однако, несмотря на всё многообразие подходов, в любом индексе и в любом показателе, характеризующем социально-экономическое состояние территории, имеет место элемент, так или иначе связанный либо со всем населением, либо с его трудоспособной частью. Уровень зарегистрированной безработицы, доходы на душу населения, средняя заработная плата работников, производительность труда — вот далеко не полный перечень показателей, фигурирующих в индексах регионального развития [1]. Между тем, на наш взгляд, одним из важнейших показателей социально-экономического развития территории являются доходы населения, кото-

рые формируют уровень жизни в регионе, а также их структура, а именно, доля оплаты труда в доходах. Поскольку оплата труда составляет большую часть доходов населения, то и её изучение приобретает особую актуальность.

Рассмотрим данный вопрос на примере такого региона, как Республика Башкортостан. На рисунке 1 показана доля оплаты труда в доходах населения по Республике Башкортостан, Приволжскому федеральному округу и Российской Федерации в динамике с 2004 г. [2–4].

Согласно представленным данным, в Республике Башкортостан доля оплаты труда в структуре денежных доходов населения в период с 2004 по 2013 гг. в среднем составляла 33,53 %, по Приволжскому федераль-

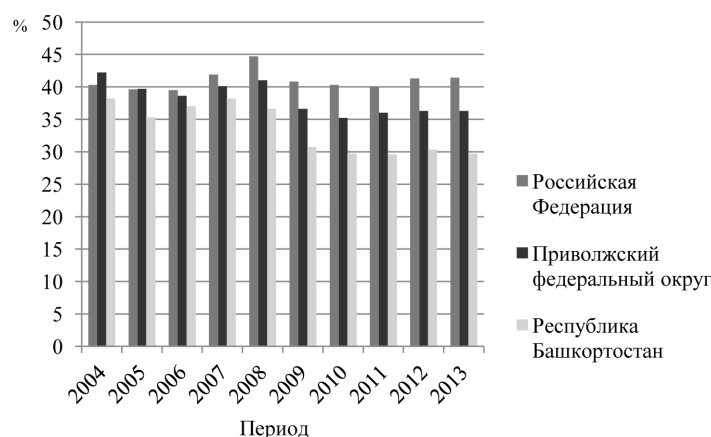

Рисунок 1. Динамика доли оплаты труда в структуре денежных доходов в Российской Федерации, Приволжском федеральном округе и Республике Башкортостан

ному округу — 38,20 %, в целом по Российской Федерации — 40,98 %. К остальным источникам дохода относятся такие доходы, как доходы от предпринимательской деятельности, социальные выплаты, доходы от собственности и другие доходы.

Анализируя динамику изменения доли оплаты труда в структуре денежных доходов в Республике Башкортостан, можно сделать вывод о том, что зарплатный фактор в Республике Башкортостан на протяжении всего рассматриваемого периода отстает как от Приволжского округа, так и от Российской Федерации, что, возможно, связано с высокой долей занятости в сфере личного подсобного хозяйства. При этом в 2004 году доля оплаты труда в структуре доходов в Республике Башкортостан составляла 38,20 %, что является максимально высокой величиной. В последующие периоды наблюдается тенденция к снижению доли оплаты труда, при этом снижение плавное, в период с 2004 по 2008 гг. доля оплаты труда снизилась на 1,6 %, составив 36,6 % в 2008 году. В 2009 году наблюдается резкое снижение доли оплаты труда, которое составило 5,9 %, в последующие периоды наблюдается снижение плавное в среднем на 0,25 %.

Попробуем определить наличие взаимосвязи, а также характер этой взаимосвязи между долей оплаты труда в структуре денежных доходов населения и развитием сельскохозяйственной отрасли, используя ряд математических методов.

Используя метод приведения параллельных данных, сравниваем значения доли оплаты труда в структуре денежных доходов населения и данные объема продукции сельского хозяйства в хозяйствах населения за последние 10 лет. Исходя из анализа данных представленной таблицы видно, что объем продукции сельского хозяйства в хозяйствах населения увеличивается, а доля оплаты труда в структуре денежных доходов снижается.

Для определения факторного и результативного признаков строим диаграмму рассеяния для данной совокупности данных (рисунок 2). Зависимость показывает распределение объемов продукции сельского хозяйства в хозяйствах населения и доли платы труда, а проведенная линия тренда показывает общую тенденцию снижения доли оплаты труда при увеличении объема продукции сельского хозяйства в хозяйствах населения.

Так как увеличение объемов продукции сельского хозяйства в хозяйствах населения сопровождается снижением доли оплаты труда в доходах населения, объем продукции сельского хозяйства в хозяйствах населения признаем факторным признаком (*x*-фактором), изобразив его на горизонтальной оси, а долю оплаты труда признаем результативным признаком (*y*-фактором), изобразив по вертикальной оси.

Одним из методов изучения взаимосвязи является метод корреляционного анализа. Данный метод используется для определения тесноты и направления связи между двумя

Таблица 1. Данные объема продукции сельского хозяйства в хозяйствах населения и доли оплаты труда в структуре денежных доходов в Республике Башкортостан

Год	Объем продукции сельского хозяйства в хозяйствах населения, тыс. руб.	Доля оплаты труда в структуре денежных доходов в Республике Башкортостан, %
2004	33180,00	38,20
2005	37795,20	35,30
2006	42694,50	37,00
2007	46347,00	38,20
2008	60495,00	36,60
2009	66716,60	30,70
2010	59726,60	29,70
2011	65575,20	29,60
2012	65655,80	30,30
2013	77859,80	29,70

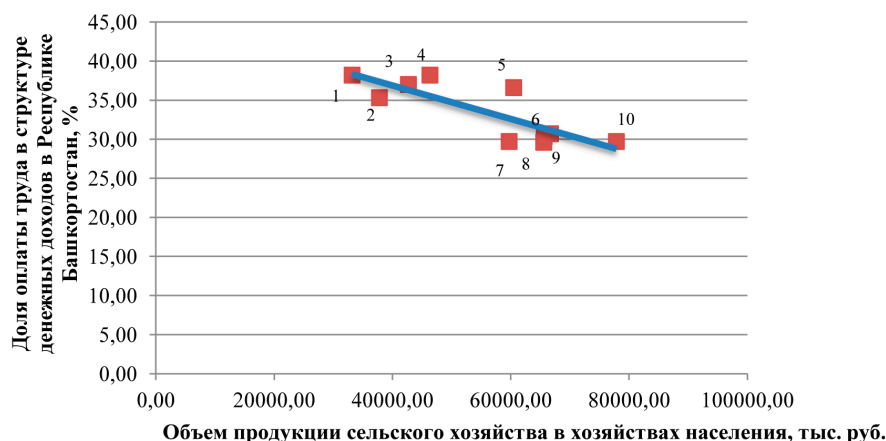

Рисунок 2. Диаграмма рассеяния (поле корреляции)

признаками при парной корреляции. При помощи коэффициента корреляции возможно определить наличие связи между долей оплаты труда в структуре денежных доходов населения и продукцией сельского хозяйства в хозяйствах населения, а также направление этой связи, если такая существует.

Коэффициент корреляции r_{xy} находится в пределах от -1 до $+1$ ($-1 \leq r_{xy} \leq 1$). Коэффициент корреляции, равный 1 , обозначает идеальную взаимосвязь в виде прямой линии, если коэффициент корреляции равен -1 , это показывает отрицательную идеальную взаимосвязь. В случае, когда коэффициент корреляции равен 0 , это обозначает отсутствие линейной связи между признаками, при этом связь между переменными может быть нелинейной.

Коэффициент корреляции может иметь знак положительный или отрицательный, это указывает на направление связи.

Для парной линейной связи показателей коэффициент корреляции рассчитывается по формуле:

$$r_{xy} = \frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x}) \cdot (y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2 \cdot \sum_{i=1}^n (y_i - \bar{y})^2}}, \quad (1)$$

где n — число наблюдений;

x_i, y_i — наблюдения значения показателей (фактические значения);

\bar{x}, \bar{y} — средние значения для выборки.

Данные для расчета коэффициента корреляции r_{xy} представлены в таблице 2.

По расчетным данным вычислим коэффициент корреляции:

$$r_{xy} = \frac{-413384,50}{\sqrt{131,44 \cdot 1932528106,28}} = -0,8202115 \approx -0,82.$$

С помощью оценки линейного коэффициента корреляции [5] возможно оценить полученный результат. В таблице 3 представлена оценка линейного коэффициента при различ-

Таблица 2. Вспомогательная таблица для определения линейного коэффициента корреляции

Период	x_i	y_i	$x_i - \bar{x}$	$y_i - \bar{y}$	$(x_i - \bar{x}) * (y_i - \bar{y})$	$(x_i - \bar{x})^2$	$(y_i - \bar{y})^2$
1	38,20	33180,00	4,67	-22424,57	-104722,74	21,81	502861339,68
2	35,30	37795,20	1,77	-17809,37	-31522,58	3,13	317173659,80
3	37,00	42694,50	3,47	-12910,07	-44797,94	12,04	166669907,40
4	38,20	46347,00	4,67	-9257,57	-43232,85	21,81	85702602,30
5	36,60	60495,00	3,07	4890,43	15013,62	9,42	23916305,58
6	30,70	66716,60	-2,83	11112,03	-31447,04	8,01	123477210,72
7	29,70	59726,60	-3,83	4122,03	-15787,37	14,67	16991131,32
8	29,60	65575,20	-3,93	9970,63	-39184,58	15,44	99413462,60
9	30,30	65655,80	-3,23	10051,23	-32465,47	10,43	101027224,51
10	29,70	77859,80	-3,83	22255,23	-85237,53	14,67	495295262,35
Сумма	335,30	556045,70			-413384,50	131,44	1932528106,28
Среднее значение	33,53	55604,57					

Таблица 3. Оценка линейного коэффициента корреляции

Значение линейного коэффициента связи	Характеристика связи	Интерпретация связи	Наглядное представление связи
$r=0$	Взаимосвязь отсутствует	—	Совершенно случайное облако, не имеющее ориентации ни вверх, ни вниз при движении вправо
Близко к 0, но положительно	Незначительная положительная взаимосвязь	С увеличением факторного признака слабо возрастает резульативный признак	Точки данных образуют случайное облако с незначительной ориентацией вверх и вправо
Близко к 1	Сильная положительная взаимосвязь	С увеличением факторного признака увеличивается резульативный признак	Точки данных довольно плотно сгруппированы (с небольшим случайным разбросом) вокруг прямой линии, направленной вверх и вправо
Близко к 0, но отрицательно	Незначительная отрицательная взаимосвязь	С увеличением факторного признака незначительно уменьшается резульативный, и наоборот	Точки данных образуют случайное облако с незначительной ориентацией вниз и вправо
Близко к -1	Сильная отрицательная взаимосвязь	С увеличением факторного признака уменьшается резульативный, и наоборот	Точки данных довольно плотно сгруппированы (с небольшим случайным разбросом) вокруг прямой линии, направленной вниз и вправо
$r=1$	Функциональная	Определенному значению факторного признака соответствует строго одно значение резульативного	Идеальная положительная взаимосвязь, т.е. все точки данных располагаются строго на прямой линии, направленной вверх и вправо
$r=-1$			Идеальная отрицательная взаимосвязь, т.е. все точки данных располагаются строго на прямой линии, направленной вниз и вправо

ных его значениях с описанием характера связи, интерпретацией связи, а также наглядным представлением.

Таким образом, на основании рассчитанного значения коэффициента корреляции $r_{xy} = -0,82$, можно сделать вывод о том, что между долей оплаты труда в структуре денежных доходов населения и продукцией сельского хозяйства в хозяйствах населения Республики Башкортостан существует прямая (т.к. $r_{xy} < 0$), сильная (т.к. значение r_{xy} близко единице) отрицательная стохастическая связь.

Реализуем проверку значимости линейного коэффициента корреляции.

Коэффициент корреляции, рассчитанный на основе выборочных значений показателей x, y , является случайной величиной для гене-

ральной совокупности признаков. Поэтому необходимо убедиться, что рассчитанное значение значимо (существенно) для всей генеральной совокупности признаков (x, y) .

Значимость линейного коэффициента корреляции проверяется на основе t -критерия Стьюдента. При этом выдвигается гипотеза H_0 о равенстве коэффициента корреляции нулю: предположим, что при $\alpha = 0,05$ связь между признаками несущественна.

Определим расчетное значение статистики t для генеральной совокупности:

$$t_{расч} = \frac{|r_{xy}|}{\sqrt{1-r_{xy}^2}} \cdot \sqrt{n-2} = \frac{0,82}{\sqrt{1-0,82^2}} \cdot \sqrt{10-2} = 4,05216253.$$

Табличное значение статистики t_α берется из таблицы «Критические значения t -критерия Стьюдента» в зависимости от

принятого уровня значимости α (показывает вероятность принятия ошибочного решения) и числа степеней свободы $\nu = n - 2$ (характеризует количество свободно варьируемых элементов).

При $\alpha = 0,05$ и $\nu = n - 2 = 8$, $t_{\alpha} = 2,306$.

В результате расчетов получили: $t_{расч} > t_{\alpha}$ ($4,052 > 2,306$). Это значит, что гипотеза H_0 отвергается, что, в свою очередь, свидетельствует о значимости линейного коэффициента корреляции для всей генеральной совокупности с вероятностью $\gamma = 1 - \alpha = 0,95$, следовательно, о статистической существенности связи между показателями x и y .

Вывод

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что доля оплаты труда в доходах населения сокращается в связи с ростом продукции сельского хозяй-

ства в хозяйствах населения. Нам видится это не особенно благоприятной тенденцией, так как сельское хозяйство, а особенно личное подсобное хозяйство, в силу ряда причин (климатические условия, эффект масштаба, низкая фондовооруженность, выхолащивание кадрового потенциала и т.п.) не является отраслью высокой производительности. Однако в период экономического кризиса сельскохозяйственное производство может стать своеобразным «буфером», смягчающим падение уровня жизни населения. В любом случае, зарплатный фактор — основной локомотив долгосрочного движения экономики к росту, поэтому в интересах любой территории отслеживать данный показатель и своевременно принимать меры, способствующие повышению доли оплаты труда в доходах населения.

Список литературы

1. Назарова У.А. Факторы территориального размещения населения и их влияние на экономику региона // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2014. № 5 (121). С. 110.
2. Гишкаева Л.Л. Уровень и динамика заработной платы в России // Молодой ученый. 2013. № 3. С. 207–209.
3. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 18.12.2015).
4. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. URL: <http://www.bashstat.ru/main/default.aspx> (дата обращения: 18.12.2015).
5. Улитина Е.В., Леднева О.В., Жирнова О.Л. Статистика. 3-е изд. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2013. 320 с.

References

1. Nazarova U.A. Factors of Territorial Placement of the Population and Their Influence on Region Economy // Economy and Management: Scientific and Practical Magazine. 2014. № 5 (121). P. 110.
2. Gishkayeva L.L. Degree and Dynamics of a Salary in Russia // Young Scientist. 2013. № 3. P. 207–209.
3. Federal State Statistics Service. URL: <http://www.gks.ru> (assessed 18.12.2015).
4. Territorial Service of Federal State Statistics Service in the Republic of Bashkortostan. URL: <http://www.bashstat.ru/main/default.aspx> (assessed 18.12.2015).
5. Ulitina E.V., Ledneva O.V., Zhirnov O.L. Statistik. 3rd edition. M.: Moscow Financial and Industrial University «Sinergiya», 2013. 320 p.

Абросимова М. А.
Abrosimova M. A.

*кандидат технических наук,
доцент кафедры «Информатика и ИКТ»,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

Захаров А. В.
Zakharov A. V.

*кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры «Информатика и ИКТ»,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

УДК 004.9

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ УМНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ВУЗЕ

Исследуется актуальная проблема создания умных систем в обществе. В России, где первые умные решения появились в 90-х годах прошлого столетия, заметное распространение умных технологий наблюдается в последние 5–10 лет. В соответствии с ФЦП «Электронная Россия (2002–2010 годы)» и Государственной программой «Информационное общество (2011–2020 годы)», реализуются проекты умного здравоохранения, умного правительства, умного города, умного региона. Однако при внедрении умных сервисов на объектах различного назначения и масштаба существуют свои особенности и проблемы, связанные со структурой услуг, опытом информатизации деятельности, наличием готовых решений, условиями финансирования и пр.

В статье рассматриваются компоненты умной инфраструктуры, приводятся факторы сдерживания внедрения умной инфраструктуры в бизнесе и предпосылки внедрения умной инфраструктуры в высшем учебном заведении. На основе изучения, обобщения, анализа теоретического и практического материала открытых источников описаны особенности системы «Умный вуз». Показано, что создание системы «Умный вуз» опирается, с одной стороны, на апробированные в течение последних лет решения по построению умных офисов и домов, с другой стороны, специфика деятельности вуза требует усилий по внедрению умных сервисов учебного и внеучебного назначения, опирающихся на интернет вещей, в том числе учебного назначения. Сформулированы основные требования к системе «Умный вуз». Определены задачи построения умных ИТ-сервисов в вузе. В заключении отмечено, что в условиях реализации политики создания умных городов и регионов планомерные усилия вузов по реализации проекта «Умный вуз» могут найти поддержку государства и бизнеса.

Ключевые слова: умная инфраструктура, ИТ-инфраструктура, умный офис, умный город, информатизация образования, умные технологии в образовании, информационные системы вуза, мобильные приложения, ИТ-сервис, интернет вещей, IoT.

THE PECULIARITIES OF DEVELOPING SMART INFRASTRUCTURE IN A HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION

The urgent problem of developing smart systems in the society has been researched. In Russia, where the first smart decisions appeared in the 90s of the last century, marked dissemination of smart technologies has been observed during the recent 5–10 years. In accordance with the

Federal target program «Electronic Russia (2002–2010)» and the State program «Information society (2011–2020)» the projects of smart public health services, a smart government, a smart city and a smart region have been implemented. However, there are some peculiarities and problems, connected with the service structure, the computerization activity experience, availability of turnkey solutions, the terms of financing, etc. while introducing smart services at the objects of various assignments and scales.

The article considers the components of smart infrastructure. The restraining factors of introducing smart infrastructure in business and prerequisites for introducing it in a higher educational institution have been cited. On the bases of examining, generalization and the analysis of theoretical and practical materials of available resources, the peculiarities of the system «Smart higher educational institution» have been described. It has been shown that developing of the system «Smart higher educational institution» relies, on the one hand, on tested during the last years solutions concerning developing smart offices and houses. On the other hand, the specific character of a higher educational institution requires efforts in order to introduce smart services of educational and non-educational assignments, which are based on the internet of things, including those of educational character. The main requirements to the system «Smart higher educational institution» have been formulated. The tasks of developing smart IT-services at a higher educational institution have been defined. In conclusion it has been noted that in the conditions of the policy realization of introducing smart cities and regions, systematic and planned efforts of higher educational institutions concerning the realization of the project «Smart higher educational institution» may be supported by the government and business.

Key words: smart infrastructure, IT-infrastructure, smart office, smart city, education computerization, smart technologies in education, information system in a higher education institution, mobile applications, IT-service, the Internet of things, IoT.

В последнее десятилетия размытый образ умной экономики стремительно проясняется проектными решениями и внедрениями на российских предприятиях различных отраслей: энергетики, транспорта, водопользования, связи и пр. Живительными нитями информационно-коммуникационные технологии встраиваются и в механизмы обслуживания потребностей людей. Реализуются проекты умного здравоохранения, умного правительства, умного города. Однако при внедрении умных сервисов для граждан на объектах различного назначения и масштаба существуют свои особенности и проблемы, связанные со структурой услуг, опытом информатизации деятельности, наличием готовых решений, условиями финансирования и пр. В статье на основе изучения и обобщения теоретического и практического материала открытых источников ставится задача анализа структуры умных услуг, факторов сдерживания внедрения их в бизнесе, рассмотрения особенностей внедрения умных услуг в образовательном учреждении и на этой основе описания структуры умных услуг вуза.

Продвижение умных технологий для обслуживания специалистов и потребителей является трендом в современном бизнесе. Первые умные решения стали применяться в мире с середины 80-х годов XX века в компьютерных системах управления крупных транснациональных компаний, в первую очередь, японских [1]. Впоследствии появились комплексные решения для интеллектуализации объектов «Умное здание» и его разновидности: «Умный офис» и «Умный дом». Умные офисы предназначены для работы специалистов в офисах компаний. Умные дома — продукт для потребительского рынка, т.е. для оснащения интеллектуальными системами жилых помещений (загородных домов, квартир). В России умные услуги появились относительно недавно. Если к ним отнести простые решения на базе слаботочных систем, такие как открывание-закрывание штор, ворот, контроль периметра и пр., то это в последние 5–10 лет. В настоящее время для российского рынка умных технологий характерно: — преобладание решений для интеллектуального офиса, внедрение которых, по

оценкам экспертов, существенно повышает эффективность работы и окупается;

— расширение практики внедрения умных технологий в обслуживания жилых домов в городах на этапе строительства при ранее наблюдавшейся тенденции интеллектуализации загородных коттеджей;

— комплексность готовых решений, их модульность и возможность персонального конфигурирования.

Умная инфраструктура здания включает в себя два компонента: ИТ-инфраструктура и умные инженерные системы (рисунок 1). Умная инфраструктура предполагает возможность получения клиентом услуги в желаемой конфигурации с соблюдением требований безопасности без обращения к поставщику услуги. Средством обращения к услуге для клиента является планшет или моноблок с сенсорным экраном с набором приложений.

Несмотря на то что наметилась тенденция к снижению стоимости приобретения умной инфраструктуры за счет удешевления средств автоматизации и микропроцессорной техники, на сегодня сдерживающим фактором при внедрении умной инфраструктуры в офисах и домах является финансовый. По

оценкам экспертов, средняя стоимость «Умного офиса», включающего минимум функциональных компонентов, составляет порядка \$50 тыс. [2]. Но в условиях высоких темпов технологического развития элементы инфраструктуры быстро устаревают, требуют обновления, т.е. постоянных ежегодных дополнительных расходов. За годы продвижения проектов выявлено, что при действующих ценах на умную инфраструктуру экономически выгодно переводить на смарт-технологии средние и крупные по размеру объекты: офисы (или дома) численностью не менее 20–30 работающих (или квартир). Другим немаловажным обстоятельством является то, что окупаемость умной инфраструктуры составляет 5–8 лет. Для бизнеса, практикующего в условиях сегодняшней нестабильной экономики краткосрочное планирование в 2–3 года, вопрос внедрения умной инфраструктуры представляется рискованным.

Высшее учебное заведение как объект внедрения интеллектуальных технологий обладает рядом особенностей:

— в свете современных требований государства к вузу стать центром территории

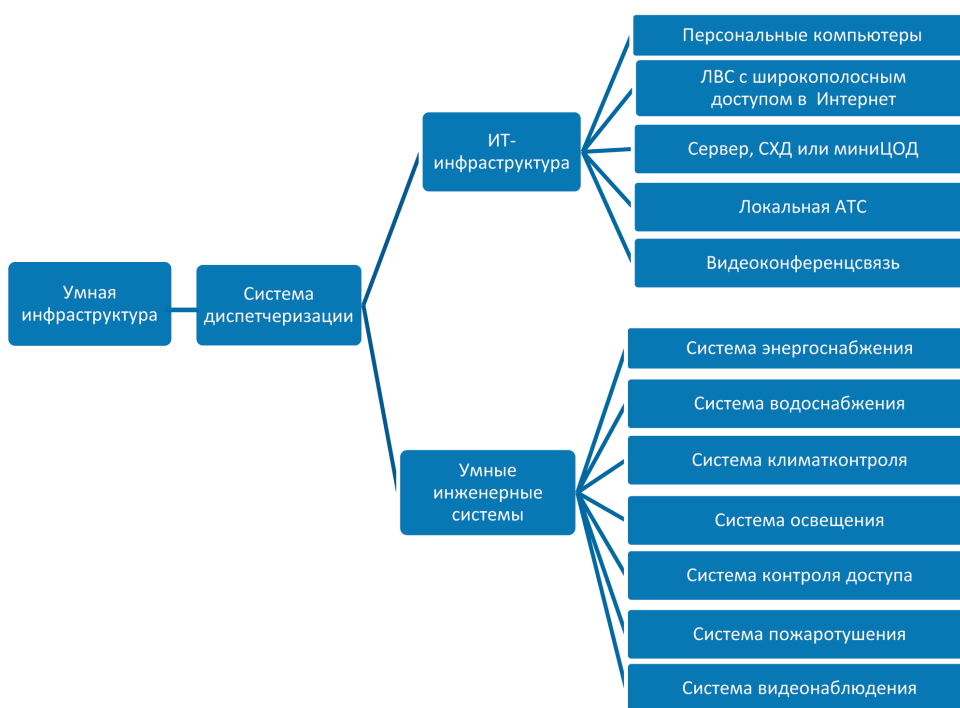

Рисунок 1. Умная инфраструктура здания

создания инноваций вуз обязан разрабатывать и внедрять новейшие технологии;

— в условиях неблагоприятной демографической обстановки, нестабильной экономической ситуации и конкуренции на рынке образовательных услуг вуз имеет высокую мотивацию к повышению эффективности деятельности;

— вуз является крупной, длительно работающей на рынке организацией и имеет возможность в отличие от многих предприятий бизнеса выстраивать долгосрочные планы повышения эффективности деятельности;

— находясь в системе взаимоотношений с федеральными, региональными органами власти, вуз может рассчитывать на финансовую и организационную поддержку инициатив по внедрению умных решений [3]. Умный вуз — органичный элемент умного города и умного региона. Принимая во внимание масштабы организации и длительность процесса внедрения, финансовая поддержка государства может быть залогом успешности проекта;

— информационные ресурсы вуза накапливаются высокими темпами и находятся в постоянном пользовании у большого количества внутренних (студенты, преподаватели, сотрудники) и внешних (абитуриенты и партнеры) потребителей, что требует создания условий для стабильной работы информационных систем и эффективных решений по хранению, доступу и безопасности [4]. Базой таких решений могут стать умные технологии;

— вуз обладает высоким научным потенциалом для разработки и внедрения умных технологий.

Таким образом, вуз обладает необходимыми и достаточными условиями для успешного внедрения умных технологий, и имеет смысл определить контуры системы «Умный вуз», в т.ч. описать основные требования к системе и укрупненную классификацию умных сервисов в вузе, а также сформулировать основные задачи по внедрению умных ИТ-сервисов.

Система «Умный вуз» должна удовлетворять следующим основным требованиям:

1) использовать лучшие практики по созданию умной инфраструктуры, накопленные к настоящему времени;

2) обеспечивать связь студентов, преподавателей, сотрудников, абитуриентов и партнеров посредством ИКТ;

3) использовать инновационные технологии, позволяющие повысить качество ИТ-услуг при экономии средств, в т.ч. мобильные технологии, облачные технологии и технологии виртуализации;

4) базироваться на данных, которые создаются системами, действующими на основе сети интернета вещей — IoT (Internet of Things). Сеть IoT объединяет посредством интернет взаимодействующие друг с другом разнообразные устройства, установленные стационарно и мобильные, в том числе личные. В качестве устройств используются периферийное компьютерное оборудование и датчики.

Переход на умную инфраструктуру в вузе — многоаспектный, затрагивающий как административно-хозяйственную, так и образовательную деятельность по всем ее направлениям.

Для управления административно-хозяйственной деятельностью применима приведенная выше инфраструктура умного здания (рисунок 1). В вузах уже используются локально некоторые умные услуги, например системы доступа в учебные корпуса и общежития, системы освещения, кондиционирования, закрывания штор в аудиториях. В таких случаях может рассматриваться вопрос о разработке интерфейсов для включения их в сеть IoT и к системе диспетчеризации здания. Как отмечают эксперты, в России следует ожидать масштабное развертывание сетей для Интернета вещей [5].

При создании умных ИТ-сервисов для образовательной деятельности целесообразно выделить ИТ-сервисы для внеучебной и учебной деятельности (рисунок 2). Умные ИТ-сервисы для внеучебной деятельности востребованы в свободное время и доступны через смартфон. Умные ИТ-сервисы для учебной деятельности доступны в аудиториях вуза и используют

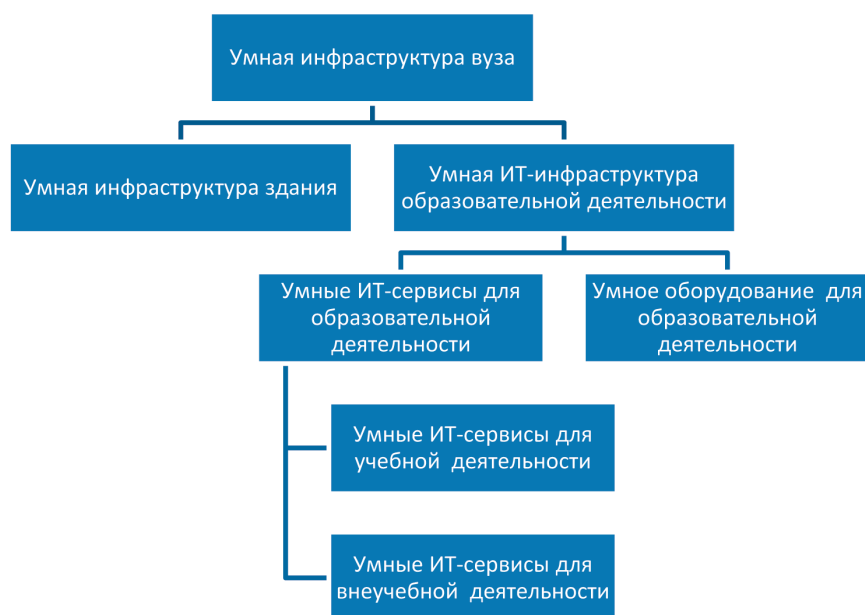

Рисунок 2. Умная инфраструктура вуза

умные устройства учебного назначения. Современным трендом в обеспечении учебного процесса является использование технологий дополненной и виртуальной реальности, опирающихся на новейшие цифровые устройства.

В вузе используется широкий спектр информационных систем различного класса, функционала, масштаба, платформы [6]. По оценкам экспертов, несмотря на большой опыт в автоматизации деятельности, для российских вузов характерен недостаточный уровень практической готовности к внедрению мобильных технологий [7]. Для создания умных ИТ-сервисов для образовательной деятельности требуется разработка соответствующей модели. Определение ее параметров и функций требует решения основных задач, представленных ниже.

Определение перечня и целей внедрения умных ИТ-сервисов внеучебного назначения, которые вуз может оказывать студентам, преподавателям и сотрудникам. Пример перечня умных ИТ-сервисов внеучебного назначения в вузе приведен в таблице 1.

Определение перечня и целей внедрения умных сервисов и умных устройств учебного назначения для включения их в сеть IoT, например интерактивные доски, планшеты в лабораториях, устройства для допол-

ненной реальности (AR) (смартфоны, планшеты, смарт-очки, включающие сенсорную панель, камеру и LED-дисплей) и виртуальной реальности (VR) (смартфоны, планшеты, камеры). По оценкам экспертов, особый интерес к технологиям AR и VR ожидается со стороны медицинских и инженерных вузов для проведения практических и лабораторных занятия в виртуальном пространстве [8].

Выбор платформы для создания умных ИТ-сервисов вуза. Свои решения предлагают, например, Cisco, Microsoft.

Описание характеристик мобильного портала вуза, мобильных приложений для доступа к умным ИТ-сервисам вуза внеучебного и учебного назначения. Мобильный портал доступа к умным ИТ-сервисам должен быть интегрирован с корпоративной системой вуза.

Описание сервиса распространения мобильных приложений для доступа к умным ИТ-сервисам вуза через магазины приложений для пользователей, в т.ч. внешних (абитуриентов и партнеров вуза).

Вывод

Таким образом, создание системы «Умный вуз» опирается, с одной стороны, на апробированные в течение последних лет

Таблица 1. Примерный перечень умных ИТ-сервисов внеучебного назначения

Сервис	Цель для потребителя сервиса (студент, преподаватель, сотрудник)	Цель для поставщика сервиса (вуз)
Заказ учебной литературы по дисциплине	Получить информацию о наличии и времени исполнения заказа	Сокращение сроков обслуживания, сокращение потерь фонда
Запись на консультацию к преподавателю	Получить информацию о дате, времени и месте консультации	Контроль трудовой дисциплины
Запись к врачу в студенческой поликлинике	Получить информацию о дате и времени приема	Формирование истории обращений к врачу
Заказ и оплата меню в студенческой столовой	Получить информацию о меню и прейскуранте столовой и расплатиться со специального расчетного счета	Сокращение сроков обслуживания, обеспечение диеты
Заказ и оплата бытовых услуг (прокат спортивного инвентаря, бытовых приборов и пр.)	Получить информацию об услугах и прейскуранте бюро и расплатиться со специального расчетного счета	Сокращение сроков обслуживания, привлечение к здоровому образу жизни
Геолокация по корпусам университета и кампусу	Оптимизация маршрута	Оперативное управление, контроль безопасности
...		

решения по построению умных зданий. С другой стороны, специфика деятельности вуза требует усилий по внедрению умных сервисов учебного и внеучебного назначения, опирающихся на интернет вещей, в том числе учебного назначения. Для успешной реализации требуется проработка модели создания умных ИТ-сервисов вуза, учитывающая его потребности и возможности.

Создание умной инфраструктуры в вузе в настоящее время сдерживается определенной инертностью и консерватизмом сферы образования, недостаточным финансирова-

нием, а также отсутствием комплексных решений, учитывающих специфику деятельности вуза. Однако задача по созданию единой образовательной среды, поставленная президентом перед правительством и региональными администрациями, с одной стороны, и активно продвигаемая государством и поддерживаемая бизнесом политика создания умных городов и регионов, с другой, позволяют надеяться, что планомерные усилия вузов в реализации проекта «Умный вуз» найдут поддержку заинтересованных сторон.

Список литературы

1. Электронный ресурс. Режим доступа <http://www.cnews.ru/reviews/free/smarthouse/articles/market.shtml>.
2. Электронный ресурс. Режим доступа http://www.cnews.ru/reviews/free/smarthouse/articles/clever_offices.shtml.
3. Габидуллина Э.В., Никонова С.А. Роль управления процессом взаимодействия науки, образования и экономики в современной региональной системе подготовки кадров // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. 2016. № 1 (43). С. 64–70.
4. Абросимова М.А. Проблема эффективности информационных ресурсов вуза // Перспективы развития информационных технологий. 2015. № 24. С. 126–130.
5. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://iotconf.ru/ru>.
6. Абросимова М.А., Валиев Ш.З. Управление информационными ресурсами в вузе // Вестник Уфимского государственного университета экономики и сервиса. 2016. № 2. С. 130–135.
7. Иванченко Д.А., Попов С.О., Хмельков И.А. Мобильные устройства и сервисы в высшем образовании: основные барьеры и направления развития // Дистанционное и виртуальное обучение. 2013. № 12. С. 38–48.
8. Электронный ресурс. Режим доступа <http://lpgenerator.ru/blog/2016/05/13/dopolnennaya-realnost-vs-virtualnaya-realnost-cto-vygodnee-dlya-biznesa/#ixzz4P7397zJC>.

References

1. Electronic resource. The access mode: <http://www.cnews.ru/reviews/free/smarthouse/articles/market.shtml>.
2. Electronic resource. The access mode: http://www.cnews.ru/reviews/free/smarthouse/articles/clever_offices.shtml.
3. Gabidullina E.V., Nikonova S.A. The Role of the Process Managing of Science, Education and Economy Interaction in the Modern Regional System of Personnel Training // The Bulletin of Volga State University of Service. Series: Economics. 2016. № 1 (43). P. 64–70.
4. Abrosimova M.A. The Problem of Efficiency of Information Resources in a Higher Educational Institution. 2015. № 24. P. 126–130.
5. Electronic resource. The access mode: <http://iotconf.ru/ru>.
6. Abrosimova M.A., Valiev Sh.Z. The Management of Information Resources in a Higher Educational Institution // The Bulletin of Ufa State University of Economics and Service. 2016. № 2. P. 130–135.
7. Ivanchenko D.A., Popov S.O., Hmelkov I.A. The Mobile Devices and Services in Higher Education: The Main Barriers and Directions of Development // Distance and Virtual Learning. 2013. № 12. P. 38–48.
8. Electronic resource. The Access Mode: <http://lpgenerator.ru/blog/2016/05/13/dopolnennaya-realnost-vs-virtualnaya-realnost-cto-vygodnee-dlya-biznesa/#ixzz4P7397zJC>.

Минеева И. М.
Mineeva I. M.

*доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры «Гуманитарные
и естественнонаучные дисциплины»,
Башкирский кооперативный институт
(филиал) Российского университета
кооперации, г. Уфа, Российская Федерация*

Галиуллина С. Д.
Galiullina S. D.

*доктор исторических наук, профессор,
заведующая кафедрой «История и
политология», ФГБОУ ВО «Уфимский
государственный нефтяной
технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

УДК 902/904:069.01

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ

Статья посвящена проблеме становления и развития исторической науки как специальной отрасли знаний, связанной с изучением процессов становления и развития человечества. Познание общих закономерностей исторического процесса и конкретных явлений и событий прошлого является главной целью исторической науки сегодня. В процессе своего развития история как наука прошла определенные этапы формирования собственных методов и методологии, источниковой базы, концептуальных идей и теорий. В настоящее время эта наука занимает важное место в системе общенаучного и специального экономического знания, выполняет ряд социальных функций и задач, связанных с развитием научных взглядов на природу и общество, с формированием идей национального устройства и развития социальных, политических и экономических систем. Вопросы выявления и анализа фактического исторического материала, его систематизация и интерпретация, установление хронологии событий и последовательности этапов их развития, взаимосвязи событий и фактов позволяют исторической науке выступать важным инструментом познания прошлого и настоящего, получать ответы на актуальные вопросы современности. Кроме того, современное научное знание вносит определенный вклад в формирование социокультурной среды, способствует развитию общественного сознания, экономических отношений, развитию сферы управления производством. В связи с этим объектом данного исследования выступает история как наука, занимающая особое место в системе современного гуманитарного и экономического знания и образования. Практическое значение и новизна данной работы заключаются в систематическом изложении современных представлений о методологии истории, занимающих важное место при формировании экономических знаний, в том числе в профессиональном образовании.

Ключевые слова: историческая наука, методология истории, экономическое знание, теория науки, философия истории, экономическое образование.

THE USE OF HISTORICAL KNOWLEDGE IN THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA

The article deals with the problem of formation and development of the historical science as a special branch of knowledge related to the study of the processes of formation and development of mankind. Knowledge of general laws of historical process and specific phenomena and events

of the past is the main purpose of historical science today. The history of science has passed certain stages of forming their own techniques and methodology source base, conceptual ideas and theories. Currently this science holds an important place in the system of a general academic and special economic knowledge, has a number of social functions and tasks associated with the development of scientific views on nature and society, with the formation of the ideas of national devices and the development of social, political and economic systems. The identification and analysis of the actual historical material, its systematization and interpretation, establishing a chronology and sequence of their development, the relationship of events and facts enable you to historical science be an important instrument of knowledge, past and present, to get answers to urgent questions of our time. In addition, modern scientific knowledge contributes to the formation of sociocultural space, promotes public awareness, economic relations. In connection with the object of this study supports the history of science, which occupies a special place in the system of contemporary humanitarian and economic knowledge and education. Practical significance and novelty of this work consists in the systematic presentation of modern ideas about the methodology of history, occupying an important place in shaping economic and knowledge when teaching students.

Keys words: history, methodology of historical science, economical knowledge, theory of science, philosophy of history, economics.

Современная историческая наука прошла длительный путь своего становления и развития как специальная отрасль знаний, связанная с изучением процессов становления и развития человечества. Познание общих закономерностей исторического процесса и конкретных явлений и событий прошлого является главной целью исторической науки сегодня.

В процессе своего развития история как наука прошла определенные этапы формирования собственных подходов, методов и методологии, источниковой базы, концептуальных идей и теорий. В настоящее время эта наука занимает важное место в системе научного социально-экономического знания, выполняет ряд социальных функций и задач, связанных с развитием научных взглядов на природу и общество, с формированием идей национального устройства, развития, смены социально-экономической формации и трансформации действующих технологических укладов.

Вопросы выявления и анализа фактического исторического материала, его систематизация и интерпретация, установление хронологии событий и последовательности этапов их развития, взаимосвязи событий и фактов позволяют исторической науке выступать важным инструментом познания прошлого и настоящего, получать ответы на

актуальные вопросы современности. Кроме того, современное научное знание вносит определенный вклад в формирование социокультурной среды, способствует развитию общественного сознания, экономических отношений. В связи с этим объектом данного исследования выступает история как наука, занимающая особое место в системе современного социально-экономического знания и образования. Историческое познание в целом отличается как общими гносеологическими корнями, связывающими эту дисциплину с другими социальными и гуманитарными науками, так и обладает рядом специфических проявлений.

Любое научное исследование начинается с появления проблемы, связанной с недостаточностью знаний для объяснения новых фактов, явлений, наличием противоречий, или несоответствия старых методов объяснения вновь выявленных фактов и событий [1, 2]. При выдвижении проблемы большое внимание уделяется выявлению предпосылок проблемной ситуации в виде эмпирических фактов, теорий, моделей и схем. К. Поппер, в частности, рассматривает проблемную ситуацию как трудность, преодолевая которую ученый ставит под сомнение теорию [3]. Таким образом, возникновение проблемной ситуации позволяет выйти за сложившиеся рамки логики научного поиска, устранить

противоречие и выйти на новое понимание. В этих условиях происходит постоянное развитие науки как сферы человеческой деятельности. На современном этапе Россия в целом, так и ее регионы в частности, стоит перед вызовами очередной трансформации и управлением социально-экономическим развитием, основанным на научных знаниях как инструментах роста. Для прорывных решений требуется глубокий системный анализ исторических закономерностей, необходимых условий смены технологических укладов, форм взаимодействия хозяйствующих субъектов.

Проблемное поле исторической науки расположено в сфере поиска и устранения противоречий, связанных с изучением закономерностей развития разумной жизни на нашей планете, формированием человеческого общества и культуры. Когда, при каких обстоятельствах, где появился первый человек? Как происходило освоение территорий суши и моря различными сообществами людей? Каким образом появились расы, народы, язык, традиции, культура, искусство, духовный и материальный мир? [4] Какие факторы способствуют общественному прогрессу и смене экономических формаций? Какова связь между общественно-экономической формацией и технологическим укладом? Ответы на эти вопросы предлагают сегодня разные научные школы, исследователи-специалисты различных не только исторических дисциплин и гуманитарной науки в целом, но и экономисты, политологи, социологи исходя из различных методологических позиций, концепций и теорий. При этом они не всегда приходят к единым выводам. В лучшем случае, дополняют друг друга и раскрывают разные стороны одного и того же явления, факта [5].

Это связано с тем, что отдаленное прошлое предстает перед нами в виде фрагментов, отрывочных и разрозненных сведений, сохранившихся, кроме того, в различных по достоверности и значимости источниках — древних письменных документах, археологических памятниках, этнографических данных, устном народном творчестве и т.п. И задача историка состоит в том, чтобы пра-

вильно отобрать источники информации, их интерпретировать, обобщить и сделать соответствующий вывод, получив новое знание, наиболее полное представление об изучаемом явлении.

Здесь невозможно не обратиться к опыту развития методологии научного исследования в области истории, имеющемуся в мировой практике в целом, прежде всего в западной традиции, и в нашей стране в особенности. В отечественной науке в течение почти столетия доминировал эволюционный подход к истории, развивающийся в рамках марксистско-ленинского мировоззрения. Эволюционизм рассматривает исторический процесс как поступательные и последовательно сменяющиеся друг друга стадии (общественно-экономические формации), в основе которых лежит определенный экономический базис, т.е. способ общественного производства и распределения материальных благ.

Здесь становятся актуальными основные положения теории научно-технического прогресса. В концепции Глазьева-Львова отмечается пять технологических укладов: первый — капиталистический, связанный с мануфактурным производством; второй — паровых машин и замены мануфактур фабриками; третий — доменная металлургия и начало строительства железных дорог; четвертый — нефть и химические технологии; пятый — компьютерные технологии. Для того чтобы понимать, как российская экономика будет позиционироваться в пятом и шестом технологических укладах, требуется изучение технико-экономической парадигмы, в зависимости от хронологии структуры уклада и институциональных изменений. В этом смысле становится актуальным мир-системный подход (Ф. Бродель: взаимосвязывающая все общества «мир — экономика» на определенном способе производства) для описания крупномасштабных процессов российской истории, когда используется научный аппарат точных наук для построения моделей социально-экономического развития общества.

Эволюционизм по своей сути оказал большое влияние на развитие идеи европоцен-

тризма, опирающейся на цикличность развития культуры человечества, восходящей от «простых» варварских первобытных форм к европейской традиции государственного и общественного устройства. Однако эволюционистские и европоцентристские концепции не могли ответить на вопросы, связанные с причинами зарождения или угасания некоторых культур, наблюдаемых в XIX-XX вв., в том числе не связанные с европейской цивилизацией. Поэтому западными исследователями начались поиски новых идей, теорий и подходов, позволяющих дать оценку наблюдаемым историческим событиям с разных точек зрения.

Так, большую популярность в этот же период получила теория цивилизаций А. Тойнби, опирающаяся на идею развития духовной культуры и религии, лежащих в основе общественного прогресса [6]. В представлениях О. Шпенглера цивилизация выступает как последняя высшая стадия развития культуры, вслед за которой наступает ее распад [7]. Кроме того, по мнению Н.Я. Данилевского, существуют высокоразвитые культурно-исторические типы цивилизаций и отсталые, задержавшиеся в своем развитии на начальных этапах [8]. Цивилизационному подходу созвучен формационный, основанный на теории К. Маркса, с пятизвенной структурой общественно-экономических формаций развития человечества (первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая). В этом смысле необходимо использовать несколько подходов с целью объективной оценки экономического состояния общества.

Углубление научного поиска в сфере методологии привело исследователей к разработке целой серии подходов и исследовательских приемов, позволяющих с разных сторон рассматривать исторические факты и события. В их числе гендерный, антропологический, культурологический, хронологический подходы, метод компаративистики, так называемые макро- и микроистория, рассматривающие локальные условия и подробности событий. Большое место стал занимать прин-

цип историзма, требующий четкого установления причин, следствий и взаимосвязей событий с местом и временем их протекания. Такие разработки позволили истории оформиться как конкретной науке, требующей точных знаний, опирающихся на гуманитарную платформу.

Вместе с тем, западные специалисты, начиная с рубежа XIX-XX вв., продолжают уделять большое внимание различным цивилизационным аспектам развития европейской истории и культуры, отправной точкой которой служат события расцвета и упадка Римской империи. Образцом подобного исследования служит работа бельгийского историка Анри Пирена «Империя Карла Великого и Арабский халифат. Конец античного мира», написанная предположительно в первой трети XX века, где автор довольно подробно описывает роль экспансии германцев и исламской культуры в разрушении единства античного средиземноморья и образовании впоследствии новых королевств и династий в Европе [9]. С методологической точки зрения эта работа служит образцом цивилизационного подхода. Однако множество подробностей и описаний событий и их хронологии не подкрепляется ссылками на достоверные источники, документы и литературу, что значительно снижает качество подобных работ и делает их доступными для критики.

В отечественной традиции развития методологии истории отношение к источникам значительно отличается от западной. Определенную роль в этом сыграло советское краеведение, развивающееся в XX веке как научно организованный сбор и интерпретация локальных проявлений истории на местах, подтвержденных реальными и конкретными материалами и документами широкого хронологического диапазона от древности до современности. Фактически краеведческие изыскания явились предтечей современной методологии микроистории, обращаемой к подробностям жизни людей и событий, происходящих на локальном уровне времени и места [10]. Сегодня такой подход позволяет довольно тщательно и кон-

кретно изучать историю регионов во всех ее особенностях, исследовать роль личности в истории. Перспективность данного подхода обеспечивается активным развитием архивистики, документоведения, музейного дела и охраны памятников.

Еще одним подходом, развивающимся в рамках микроистории как методологии современной исторической науки, стал новаторский для конца XX века метод этнолингвистического исследования истории, разработанный этнографом Р.Г. Кузеевым. Объектом анализа здесь выступают историко-этнографические области как территории формирования, совместного проживания и взаимодействия этносов [11]. Это позволило исследователю максимально полно и достоверно представить историческую реальность, в которой происходили процессы генезиса и развития современных народов.

Одним из перспективных направлений развития методологии истории можно считать идеи позитивизма и постпозитивизма. Из позитивизма XIX века, ориентированного на необходимость рационального и беспристрастного изучения фактов и выявления закономерностей в истории, сформировался целый ряд современных постпозитивистских концепций [12]. При всем их многообразии следует отметить стремление обратить внимание на уникальность изучаемых явлений исторической действительности, выявление их особенностей, индивидуальности или типичности, творческое конструирование исследователем некоего научного образа, обобщенной модели изучаемого явления, определение его роли и места в ряду подобных. Здесь особое место занимает сам исследователь со своими научными интересами, уровнем подготовленности, способностью анализировать и обобщать, активно участвовать в научном поиске. В данном случае возрастает гуманизация исторического знания.

Вместе с тем, существует опасность исказить прошлое, добавив в угоду текущей политической конъюнктуре необходимую привлекательность образа, наделить несуществующими качествами и героическими характеристиками отдельные личности и даже целые народы. По

мнению В. Шнирельмана, это позволяет в ряде случаев повысить престиж, самоуважение нации, отдельной социальной группы, «наделить ее идентичностью», способствуя этим преодолению внутреннего раскола в обществе, сплочению нации [13]. Поэтому постпозитивистский уровень исследований как методологическая база исторического исследования нуждается в более тщательной проработке и обосновании при определении целей и задач проводимых исторических исследований на конкретных материалах.

К сожалению, эти и другие современные тенденции на практике с большим трудом внедряются в исследовательскую среду отечественных гуманитариев, которые зачастую не спешат отходить от традиций эволюционизма в поиске методологии исследовательского процесса. Методологические разделы научных работ прописываются формально, без связи с анализом подобранных источников, без учета мирового опыта. Историки с большим трудом выходят на международный уровень своих публикаций в индексируемых и цитируемых изданиях, не владеют профессионально иностранными языками, чтобы вести достойную дискуссию в научной среде. Поэтому роль историков в формировании общественного сознания и национальной идеологии принижается, ограничивается потребностями текущего политического момента, происходит так называемое «политизирование истории», исполняющей в таком случае функцию обслуживания государственной власти.

Вместе с тем, в обществе, среди разных социальных групп существует высокая потребность в приобщении к историческим знаниям, исторической памяти, культурным традициям народа [14]. История как наука несет большую просветительскую и гуманитарную миссию по своей сути и направленности. Реализацией этой миссии выступает система образования.

История как учебная дисциплина занимает определенное место в подготовке бакалавров экономических направлений подготовки. Для будущих экономистов важно научиться работать с фактами, опираясь на

четкие методологические основания и современные концепции, которыми располагает гуманитарная наука в целом, и история в особенности. Изучение основ исторической науки позволяет также формировать определенный стиль аналитического мышления, придавая ему системность и масштабность, стремление найти причины и определить последствия происходящих событий. Более того, изучение гуманитарных дисциплин в образовательных учреждениях формирует мировоззрение, способное ориентироваться в современных реалиях, исходя из имеюще-

гося общественного опыта, идентифицируя себя как часть определенного сообщества людей и государства.

Вывод

Таким образом, проведенный анализ основных направлений развития методологии истории как гуманитарной науки позволяет определить ориентиры для формирования новых знаний и направлений исследования, в том числе в области социально-экономических дисциплин.

Список литературы

1. Рузавин Г.И. Методология научного познания: учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. С. 22–23.
2. Галиуллина С.Д. Методологические основы попечительства как социального института // *Власть*. 2010. № 8. С. 118–120.
3. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: УРСС, 2002. 165 с.
4. Усманов И.Ю., Зданович Г.Б., Лобанкова И.П., Лебедев А.И., Матвеева Л.Д. Поселения эпохи бронзы хребта Ирэндык и протогорода аркаимско-синташтинского типа как элементы исторического культурного ландшафта // *Вестник Академии наук Республики Башкортостан*. 2013. Т. 18, № 3. С. 42–49.
5. Галиуллина С.Д., Кобякова Т.И. Концепт «попечительство» в русской языковой картине мира // *Filologicke vedomosti*. 2016. № 1. С. 20–25.
6. Тойнби А. Постижение истории. М., 1991.
7. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993.
8. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1995.
9. Пирен А. Империя Карла Великого и Арабский халифат. Конец античного мира: Пер. с англ. / Канд. ист. наук С.К. Меркулова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2011. 351 с.
10. Галиуллина С.Д., Герасимова Д.И., Валиев Ш.З., Габидуллина Э.В., Дегтярев А.Н. Попечительство в Башкортостане: история и перспективы. Уфа, 2014.

11. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала (этногенетический взгляд на историю). М.: Наука, 1992. 347 с.

12. Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания: пособие для вузов. 2-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2006. 288 с.

13. Шнирельман В. Президенты и археология, или Что ищут политики в древности: далекое прошлое и его политическая роль в СССР и в постсоветское время // *Империя и нация в зеркале исторической памяти: сб. ст.* М.: Новое издательство, 2011. С. 357–405.

14. Galiullina S.D., Valiev S.Z., Safina E.A., Gerasimova D.I., Gabidullina E.V. Incentive State Policy as an Instrument of Attracting Trustee and Charitable Activity in Russia // *European Journal of Science and Theology*. 2014. Т. 10. № 6. С. 147–154.

References

- Ruzavin G.I. Methodology of Scientific Knowledge: Textbook for Universities / State Restoration Institute. M.: YUNITI-DANA, 2009. P. 22–23.

15. Galiullina SD Methodological Bases Welfare as a Social Institution // *Power*. 2010. № 8. P. 118.

16. Popper K. Objective Knowledge. An Evolutionary Approach. M.: URSS, 2002. 165 p.
- Usmanov I.Yu., Zdanovich G.B., Lobankova I.P., Lebedev A.I., Matveeva L.D. Settlement of the Bronze Age of the Irendyk Ridge and Proto Arkaim-Syntaktische Type as Elements of the Historic Cultural Landscape //

The Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan. 2013. Vol. 18, No. 3. P. 42–49.

17. Galiullina S.D, Kobyakova T.I. The Concept of «Custody» in Russian Language Picture of the World // *Filologicke vedomosti*. 2016. № 1. P. 20.

18. Toynbee A. *Comprehension of History*. M., 1991.

19. Spengler O. *The Decline of Europe. Essays on Morphology of World History*. M., 1993.

20. Danilevsky N.I. *Russia and Europe*. M., 1995.

21. Pyrene A. *Charlemagne's Empire and the Arab Caliphate. The End of the Ancient World: Transl. from Engl./ Cand. Histor. Sciences S.K. Merkulova*. 2011. 351 p.

22. Galiullina S.D, Gerasimova D.I, Valiev S.Z, Gabidullina E.V Degtyarev A.N. *Guardianship in Bashkortostan: History and Prospects*. Ufa, 2014. 500 p.

23. Kuzeyev R.G. *Peoples of the Middle Volga and Southern Urals (Ethno-genetic View of History)*. M.: Nauka, 1992. 347 p.

24. Repina L.P., Zvereva V.V., Paramonov Yu.M. *History of Historical Knowledge: Textbook for Universities*. 2nd ed., stereotype. M.: Drofa, 2006. 288 p.

Shnirelman V. *Presidents and Archeology, or What you're Looking for Politics in Ancient Times: Distant Past and its Political Role in the USSR and post-Soviet Times // Empire and Nation in the Mirror of Historical Memory: a Collection of Articles*. M.: New Publishing House, 2011. P. 357–405.

Galiullina S.D., Valiev S.Z., Safina E.A., Gerasimova D.I., Gabidullina E.V. *Incentive State Policy as an Instrument of Attracting Trustee and Charitable Activity in Russia // European Journal of Science and Theology*. 2014. T. 10. № 6. P. 147–154.

Ислакаева Г. Р.

Islakaevsa G. R.

кандидат экономических наук, научный сотрудник лаборатории исследований социально-экономических проблем регионов Института экономики, финансов и бизнеса, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Российская Федерация

УДК 331.2

ВОПРОСЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ПУБЛИКАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ В НАУЧНЫХ ИЗДАНИЯХ, ИНДЕКСИРУЕМЫХ В WEB OF SCIENCE И SCOPUS

В статье исследованы некоторые особенности международных информационно-аналитических систем научного цитирования, таких как Web of Science и Scopus. Проведен их краткий обзор, изучены сходства и различия между собой, что вносит ясность в представления о подобных системах научного цитирования. Знание этих нюансов важно для научной деятельности ученых и научно-организационной деятельности университетов, т.к., как показывает практика, широкая научная и педагогическая общественность не обладает достаточными знаниями для эффективной работы с этими базами данных. Учитывая, что в международных информационно-аналитических системах научного цитирования журналы дифференцируются по их качеству в 4 квартиля, соответственно, затраченные усилия (трудоемкость) на публикации в журналы разного уровня качества, различаются. С этой точки зрения автором предлагается внедрить дифференцированный подход при поощрении научно-педагогических работников за публикации в научных журналах, индексируемых в Web of Science и Scopus. Аналогичный подход при поощрении следует применять и в отношении разных типов научных публикаций (статья в журнале, материалы конференции, монография/глава монографии), а также языка научной публикации в силу различий затрачиваемых усилий на их опубликование. Учет выявленных особенностей международных информационно-аналитических систем научного цитирования при стимулировании публикационной активности научно-педагогических работников в научных изданиях, индексируемых в Web of Science и Scopus, позволит их сориентировать на публикации высокого качества. Внедрение разработанных в статье предложений повысит эффективность бюджетных расходов на образование и науку в стимулировании результатов высокого качества.

Ключевые слова: Web of Science, Scopus, информационно-аналитические системы научного цитирования, международные базы данных научных публикаций, научно-педагогические работники, вузы.

PROBLEMS OF STIMULATION OF PUBLIC ACTIVITIES IN JOURNALS INDEXED IN WEB OF SCIENCE AND SCOPUS

There studied some specific points of international information and analytical scientific systems Web of Science and Scopus. There is a short survey of these systems of citation in this article, different and common points of the systems were studied and through that many things were clarified. The knowledge of this specific points is important in conducting research by scholars and this is also important for universities in their scientific-organizational work, because the wide scientific and pedagogical society doesn't have enough knowledge for effective work with these bases of data. Scholars, obviously spend different force and energy to publish their outcomes in journals of different quality. From this point of view the author suggests that universities should introduce an incentive system that count the quality of the journal where a scholar published his/her research outcomes,

because Web of Science and Scopus separate journals among four quality groups. A similar approach for stimulation should be used for different types of publications (articles, papers in conference proceedings, monographs, chapters of books), because they demand different level of contribution. Scholars will raise the quality level of their publications if universities consider specific points of Web of Science and Scopus in their policy of incentives for the staff. Recommendations of this article aimed at increasing the efficiency of budget expenditures for education and science.

Key words: Web of Science, Scopus, information and analytical scientific systems of citation, international bases of scientific publications data, universities.

При оценке деятельности российских исследователей большое значение государством придается публикациям, индексируемым в информационно-аналитических системах научного цитирования или, другими словами, в международных базах данных научного цитирования, целью которой является улучшение позиций российских вузов в мировых рейтингах [1]. Основой этой политики послужил Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки», в рамках которого была поставлена задача по увеличению доли публикаций российских исследователей в общем количестве мировых научных журналов, индексируемых в базе данных «Сеть науки» (Web of Science) до 2,44 % к 2015 году.

Его практическую реализацию было принято осуществлять путем проведения мониторинга эффективности деятельности высших учебных заведений, основанного на критериях общероссийской системы оценки эффективности деятельности высших учебных заведений.

В 2012 г. Министерство образования и науки РФ впервые осуществило мониторинг деятельности вузов, критерии и целевые показатели которого в последующем претерпели некоторые изменения. С тех пор подобный мониторинг осуществляется ежегодно и его порядок проведения регламентирован Постановлением Правительства РФ от 5 августа 2013 г. № 662 «Об осуществлении мониторинга системы образования».

Система оценки эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования предусматривает оценку по разным направлениям деятельности вузов, в числе которых научно-исследовательская деятельность. В числе целевых показателей

научно-исследовательской деятельности — публикации научно-педагогических работников в индексируемых информационно-аналитических системах научного цитирования Web of Science (WoS), Scopus [2]. К научно-педагогическим работникам (НПР) вуза относят профессорско-преподавательский состав и научных работников.

Для активизации публикационной деятельности НПР в международных базах, таких как Web of Science, Scopus, многие вузы используют стимулирующие меры, например материальное поощрение за публикации в индексируемых Web of Science и Scopus.

Учитывая, что в российской практике применительно к системе высшего образования, публикации в зарубежных изданиях не были широко распространенным явлением по разным причинам, поэтому для большинства НПР эта задача является достаточно сложно выполнимой, что объясняется, на наш взгляд, разными причинами: плохое владение английским языком; слабое представление о структуре и особенностях подачи статей в зарубежные издания; крайне мало российских русскоязычных журналов, представленных в зарубежных базах данных; отсутствие доступа к международным базам данных научных публикаций у НПР многих вузов и др.

Изучение опыта поощрения НПР за публикации, представленные в информационно-аналитических системах Web of Science и Scopus, показало, что существуют некоторые нюансы в отношении этих баз данных, которые не принимаются во внимание в вузах при таком роде поощрений. Прежде кратко объясним необходимость созданных международных баз данных научного цитирования, таких как Web of Science и Scopus.

Так, в увеличивающемся объеме научных публикаций современному исследователю

достаточно трудно отслеживать информацию, имеющую отношение к кругу его интересов. Это составляет особенно большую проблему для исследователя в части публикаций в зарубежных изданиях. Ведь в достаточно большом потоке научных публикаций, наблюдаемом в мире, исследователю сложно находить публикации о результатах исследований в его области, но опубликованных в других странах. Еще сложнее определить качество научных публикаций, существующих в международном информационном пространстве.

Для решения подобных проблем были созданы международные базы данных научного цитирования, содержащие информацию о научных изданиях: журналах, книгах, отчетах, конференциях, биографические очерки, заметки редакторов; патентах и др. Их появление существенно облегчает исследователям поиск интересующей их информации в мировом масштабе, например по ключевым словам, названиям периодических изданий и т.д. Принципиально важно отметить, что доступ к полному тексту этих публикаций может и отсутствовать, это не основная цель международных баз данных. Главное то, чтобы до исследователя довести информацию о наличии научных публикаций, причем из числа самых лучших в мире, по интересующей исследователя области знаний или конкретной тематике.

Эти базы данных обладают широким набором функций, в частности: позволяют ознакомиться с библиографическими сведениями, полнотекстовыми публикациями и/или с их аннотациями, с профилем автора публикации (место работы, область его исследований, количество публикаций, годы публикационной активности, общее число цитирований на публикации автора и др.), отслеживать цитируемость публикаций.

В мире сформировалось достаточно много международных баз данных научного цитирования. В их числе наиболее авторитетной является Web of Science.

Web of Science, до 2014 г. имевшая название Web of Knowledge (ISI) — это поисковая платформа, объединяющая различные рефератив-

ные базы данных о научных публикациях и патентах. Своего рода, WoS — это некий библиотечный каталог, в котором учитывается цитирование и, тем самым, индексируется.

В целом, поисковая платформа Web of Science включает в себя несколько баз данных, среди которых основной (ведущей) является Web of Science Core Collection (WoS CC).

В Web of Science Core Collection включены лучшие журналы, это более 12 тыс. изданий с самым высоким значением импакт-фактора. А всего в мире насчитывается более 60 тыс. научных журналов. Иными словами, сформированная база Web of Science Core Collection является результатом некоего информационного фильтра по качеству журналов, что уже само по себе облегчает жизнь ученым.

Помимо журналов в Web of Science Core Collection существуют и другие научные публикации: материалы конференций по общественным и естественным наукам (индексируются с 1990 г.); книги по общественным и естественным наукам (индексируются с 2005 г.); отдельная химическая база данных, индексирует химические соединения, реакции с 1840 г.

Все представленные журналы в Web of Science Core Collection имеют импакт-фактор, на основе которого журналы распределяются на 4 категории, так называемые квартили. Для определения квартиля используют импакт-фактор — Journal Citation Report (JCR). Иными словами, по импакт-фактору журнал определяют в одну из четырех групп (квартилей): от 1 квартиля (Q1), наиболее высокого, в котором представлены самые авторитетные журналы, до 4 (Q4) — самого низкого.

К сожалению, российских журналов в базе Web of Science Core Collection крайне мало, чуть более 1 %. Причем, основная их часть представлена по физике, математике, химии. Что касается журналов из общественных и гуманитарных наук, то таковых буквально несколько. Российские журналы по экономике вообще не представлены в Web of Science Core Collection.

Помимо Web of Science Core Collection на платформе Web of Science представлены и

другие базы данных, созданные непосредственно разработчиками платформы WoS: база по международным патентам (Current Contents, Derwent Innovation Index), по биологическим наукам (BIOSIS, Zoological report).

Вместе с тем, на платформе WoS размещены базы данных, созданные сторонними разработчиками: CABI (сельскохозяйственные науки), FASTA (пищевая промышленность), Inspec (техническая), MEDLINE (клиническая биология), четыре региональные базы данных (российская, латиноамериканская, корейская и китайская). Каждая из региональных баз включает в себя лучшие научные журналы, отобранные экспертами конкретной страны, для того чтобы представить большое число лучших журналов, издаваемых в своей стране, с целью повышения узнаваемости в международном научном сообществе.

Во всех базах данных Web of Science научные публикации, в частности журналы, индексируются. Однако не все журналы получают импакт-фактор, соответственно, их не относят к квартилям. Как было уже сказано, импакт-фактор рассчитывается только тем журналам, которые находятся в Web of Science Core Collection. Все остальные базы данных, размещенные в Web of Science, индексируются через индекс цитирования, разработанный непосредственно создателями той или иной базы данных научных публикаций.

Подробнее остановимся на российской региональной базе, размещенной в 2015 году на платформе WoS и получившей название — Российская научная база цитирования, или Russian Science Citation Index (RSCI). Она включает в себя российские журналы, отобранные российскими экспертами из общего числа существующих российских журналов в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). Это своего рода стартовая площадка для продвижения российских журналов в основную базу Web of Science Core Collection. Всего было отобрано 652 российских журнала по всем направлениям, получивших название «ведущие российские журналы» [3]. Перечень этих журналов данной базы

будет ежегодно пересматриваться. Российская научная база цитирования индексируется Российским индексом научного цитирования на платформе eLibrary.ru.

Заметим, что критерии отбора журналов, находящихся в региональных базах данных научного цитирования, занижены по сравнению с теми, которые индексируются в базе данных WoS CC. Если эти журналы все же оказались в международной платформе, хотя и не в основной базе Web of Science Core Collection, то это дает основание полагать, что они все же на порядок выше по качеству остальных журналов, которые не входят ни в одну из баз данных, размещенных не только на платформе Web of Science, но и в других международных реферативно-библиографических базах данных.

Другой широко известной международной базой данных научного цитирования является Scopus. Она относительно новая, создана в 2004 г. В нее включены и индексируются журналы, материалы конференций, серийные книжные издания, патенты. В отличие от Web of Science Core Collection в базе Scopus отсутствует разделение показателя цитирования на книжные издания, материалы конференций, журналы.

В базе Scopus индексируется большее число журналов, чем WoS CC. Это связано с тем, что требования (критерии) отбора журналов для размещения их в Scopus несколько ниже по сравнению с Web of Science Core Collection, но тем не менее, они являются достаточно жесткими. Критерии отбора в базу Scopus представлены в [4]. В подтверждение этого можно привести пример: в 2015 г. в Scopus входило три российских журнала по профилю экономика: «Экономика региона», «Проблемы прогнозирования», «Форсайт» [5] и три журнала по профилю менеджмент: «Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности», «Форсайт», «Eurasian Mining») [6], в то время как в базе Web of Science Core Collection не было ни одного [7].

Заметим, что такие российские журналы, как «Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности»,

«Eurasian Mining» являются политематическими, поэтому в базе Scopus они представлены сразу в нескольких предметных категориях и в каждой категории они индексируются, соответственно, по каждой из них эти журналы могут находиться в разных квартилях. Например, журнал «Eurasian Mining» одновременно относится к пяти предметным категориям, по четырем категориям журнал отнесен к Q2, а по одной — к Q3 в 2015 г. [8]. Такой же подход характерен и для журналов, индексируемых в WoS CC.

Учитывая, что критерии отбора научных журналов в базе Scopus либеральнее по сравнению с WoS CC, основная часть журналов, индексируемых в WoS CC, представлена и в базе Scopus. Также журналы из Scopus, занимающие высокие позиции по цитированию и, соответственно, отнесенные к квартилям высокого уровня журналов (Q1 и Q2), в Web of Science Core Collection могут относиться к квартилям более низкого уровня — Q3 и Q4 [9].

Присутствие журнала или иной научной публикации в любой международной базе данных научных публикаций не определяется территориальной принадлежностью. К примеру, в базе данных Scopus представлено несколько российских журналов (в частности из области экономики). Эти журналы издаются в разных регионах России. Например, журнал «Проблемы прогнозирования» издается в г. Москве, а «Экономика регионов» — в г. Екатеринбурге. При этом «Экономика регионов» входит во 2 квартиль (Q2), а «Проблемы прогнозирования» — в 4 квартиль (Q4). Следуя логике определения журналов по квартилям, когда журналы более высокого качества определяют в наиболее высокий квартиль, региональный журнал «Экономика регионов» является на порядок по качеству выше, чем московский журнал «Проблемы прогнозирования».

Исследователи НИУ Высшей школы экономики отмечают, что среди журналов, представленных в базах WoS CC и Scopus, присутствуют и так называемые «мусорные» или не вызывающие доверия журналы, которые за определенную плату публикуют матери-

алы, не соответствующие академической этике. Известно, что в силу ограниченной рациональности поведения индивидов [10], многие ученые не обладают внутренними моральными регуляторами, достаточными для противостояния соблазну ради материальной выгоды поступиться высокими стандартами науки. В этой связи целесообразно самим университетам не поощрять своих НПП к публикации в таких журналах.

Как правило, не вызывающие доверия журналы находятся в самом нижнем квартиле — Q4. Если в Web of Science Core Collection это единичные случаи, то в Scopus их достаточно много. Список журналов, не соответствующих академической этике, представлен в [11]. Кроме того, существует и список международных издательств, вызывающих у международного сообщества недоверие к качеству публикуемых материалов, их список, получивший название «Список Билла», приведен в [12].

Между тем, если журнал перестает соответствовать требованиям отбора WoS CC и Scopus, то его не исключают из баз данных, как можно было бы подумать, а перестают индексировать, то есть его можно найти в базе данных, например, Scopus, но индекс для него уже не рассчитывается. Таким образом, следует разделять «журнал, входящий в список Скопус» от «журнала, индексируемого в Скопусе». Эта разница важна, т.к. многие НПП, в поисках журнала для публикации, удовлетворяются проверкой наличия журнала в базе и не проверяют, индексируется ли он там.

Отметим опыт НИУ ВШЭ, когда его руководство в целях повышения качества научных публикаций не поощряет сотрудников за научные публикации, изданные журналами или книжными издательствами, не соответствующими академической этике. На наш взгляд, подобный опыт следует перенимать всем остальным вузам для стимулирования публикационной активности высокого качества.

Какие же следует учитывать нюансы при поощрении НПП за публикации в Web of Science и Scopus? Из числа таковых, в част-

ности, можно, на наш взгляд, отметить следующие.

1. Качество публикации в журнале, индексируемом в Web of Science Core Collection или в Scopus, определяется нахождением журнала в том или ином квартиле, от наиболее высокого квартиля (Q1) до самого низкого (Q4).

Поскольку уровень журналов различается между квартилями, следовательно, трудоемкость автора на написание статей в журналы разных квартилей, также различается. Если одинаково поощрять публикационную активность в журналах, индексируемых в международных базах данных научного цитирования, без учета привязки журнала к квартилю, то, очевидно, это снизит стимулы публиковать статьи в лучших журналах, и, как следствие, увеличится доля статей в журналах, находящихся в квартилях более низкого уровня. Поэтому при поощрении НПП за публикации в журналах, индексируемых в WoS CC или в Scopus, целесообразно дифференцировать журналы в зависимости от квартилей.

Однако научные журналы, индексируемые Web of Science Core Collection и Scopus, не следует дифференцировать с позиции территориальной принадлежности (изданные в г. Москве, г. Екатеринбурге и других регионах), как это имеет место быть в большинстве российских университетов, а в 2006–2010 гг. было в РАН, поскольку место издания — это фактор, который не играет роли при отборе журналов в международные базы данных научных публикаций.

2. В международных базах данных размещены разные типы научных публикаций: статьи в журналах, материалы конференций,

книжные издания, отчеты и др. Очевидно, трудоемкость автора на написание такого рода публикаций, отличается. Например, на написание статьи в журнал требуется существенно больше усилий по сравнению со статьей на конференцию. Так, статью, опубликованную в журнале, и материалы конференции, не следует приравнивать друг к другу, даже, если они размещены и индексируются в базе WoS CC или в Scopus. С этой точки зрения неверно приравнивать к одному уровню качества разные типы научных публикаций, представленных в международных базах данных, их следует дифференцировать при поощрении НПП за публикации в журналах, входящих в международные базы данных.

Учитывая, что в Web of Science Core Collection и Scopus присутствуют также научные публикации, не соответствующие академической этике, целесообразно следовать примеру ВШЭ, составившей списки недобросовестных журналов и издательств, и не поощряющей своих сотрудников к публикации в этих журналах.

Дифференцированный подход при поощрении НПП следует применять и в отношении опубликованных работ, индексируемых Web of Science Core Collection и Scopus, с точки зрения языка опубликованной работы, поскольку публикация на иностранном языке для основной части НПП более трудоемкий процесс, чем на русском языке.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-06-00532а.

Список литературы

1. Зулькарнай И.У., Ислакаева Г.Р. Российские вузы в глобальных рейтингах // Высшее образование в России. 2015. № 12. С. 13–21.

2. Методика расчета показателей мониторинга эффективности деятельности организаций высшего образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stat.miccedu.ru/info/monitoring15/%D0%90%D0%9A->

6_05%D0%B2%D0%BD%20%D0%BE%D1%82%2021.03.2016.pdf (дата обращения: 06.12.2016).

3. Russian Science Citation Index [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://wokinfo.com/products_tools/multidisciplinary/rsci (дата обращения: 29.11.2016).

4. Content Policy and Selection [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.elsevier>.

com/solutions/scopus/content/content-policy-and-selection (дата обращения: 06.12.2016).

5. Scimago Journal & Country Rank. Economics. Econometrics and Finance [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.scimagojr.com/journalrank.php?country=RU&area=2000>.

6. Scimago Journal & Country Rank. Business. Management and Accounting. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.scimagojr.com/journalrank.php?country=RU&area=1400> (дата обращения: 06.12.2016).

7. Web of Science Core Collection [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://apps.webofknowledge.com/WOS_GeneralSearch_input.do?product=WOS&search_mode=GeneralSearch&SID=T2csY7KsrPliDPA5EeW&preferencesSaved (дата обращения: 06.12.2016).

8. Eurasian Mining [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.scimagojr.com/journalsearch.php?q=21100286906&tip=sid&clean=0> (дата обращения: 29.11.2016).

9. Наукометрический минимум для ученого. Возможности и ограничения идентификационных баз [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://okna.hse.ru/news/160270181.html> (дата обращения: 06.12.2016).

10. Зулкарнай И.У. Предельная полезность и полезность единицы блага в условиях ограниченной рациональности индивидов // Известия Уфимского научного центра РАН. 2012. № 1. С. 51–57.

11. List of Standalone Journals [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://scholarlyoa.com/individual-journals> (дата обращения: 06.12.2016).

12. Bell's List [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://scholarlyoa.com/publishers> (дата обращения: 06.12.2016).

References

1. Zulkarnay I.U., Islakaeva. G.R. Russian higher educational institutions in global ratings // Vyisshee obrazovanie v Rossii. 2015. No. 12. P. 13–21.

2. Method of Calculation of Indicators of Monitoring of Efficiency of Activity of the Organizations of the Higher Education [Electronic Resource]. — URL: http://stat.miccedu.ru/info/monitoring15/%D0%90%D0%9A-6_05%D0%B2%D0%BD%20%D0%BE%D1%82%2021.03.2016.pdf.

3. Russian Science Citation Index [Electronic Resource]. URL: http://wokinfo.com/products_tools/multidisciplinary/rsci.

4. Content Policy and Selection [Electronic Resource]. URL: <https://www.elsevier.com/solutions/scopus/content/content-policy-and-selection>.

5. Scimago Journal & Country Rank. Economics. Econometrics and Finance [Electronic Resource]. URL: <http://www.scimagojr.com/journalrank.php?country=RU&area=2000>.

6. Scimago Journal & Country Rank. Business. Management and Accounting [Electronic Resource]. URL: <http://www.scimagojr.com/journalrank.php?country=RU&area=1400>.

7. Web of Science Core Collection [Electronic Resource]. URL: https://apps.webofknowledge.com/WOS_GeneralSearch_input.do?product=WOS&search_mode=GeneralSearch&SID=T2csY7KsrPliDPA5EeW&preferencesSaved.

8. Eurasian Mining [Electronic Resource]. URL: <http://www.scimagojr.com/journalsearch.php?q=21100286906&tip=sid&clean=0>.

9. Scientometric minimum for the scientist. Opportunities and restrictions of identification bases [Electronic Resource]. URL: <https://okna.hse.ru/news/160270181.html>.

10. Zulkarnay I.U. Marginal Utility and Usefulness of the Benefit Unit under Conditions of Bounded Rationality of Individuals // Izvestiya Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN. 2012. No. 1. P. 51–57.

11. List of Standalone Journals. [Electronic Resource]. URL: <https://scholarlyoa.com/individual-journals>.

12. Bell's List [Electronic Resource]. URL: <https://scholarlyoa.com/publishers>.

Зубкова Н. М.
Zubkova N. M.
инженер кафедры
«Технология и
конструирование одежды»
Института экономики
и сервиса, ФГБОУ ВО
«Уфимский государственный
нефтяной технический
университет», г. Уфа,
Российская Федерация

Карабельская И. В.
доцент кафедры
«Информатика и ИКТ»,
ФГБОУ ВО «Уфимский
государственный нефтяной
технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация

Гирфанова Л. Р.
Girfanova L. R.
кандидат технических наук,
доцент кафедры «Технология
и конструирование одежды»
Института экономики
и сервиса, ФГБОУ ВО
«Уфимский государственный
нефтяной технический
университет»,
г. Уфа, Российская Федерация

УДК [7.012:004.92]:502.1:677

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО МЫШЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИЗАЙНЕ

Статья посвящена актуальным вопросам формирования объемно-пространственного мышления обучающегося как будущего специалиста, обладающего, кроме профессиональных знаний и умений, навыками воплощения и трансляции оригинальных образов, воплощаемых в изделиях, а также влияющего на запросы и предпочтения потребителя. Такой подход необходим в условиях экологизации всего производства, результатом которой становится не просто повышение адресности промышленных товаров, но и улучшение экологической ситуации в связи с сокращением избыточного производства и неудовлетворенности населения изделиями массового производства. Немаловажной составляющей формирования объемно-пространственного мышления обучающегося является применение информационных технологий обучения, которые не просто позволяют установить связь между субъектами образования, а переводят сам процесс на новый уровень, позволяя обучающемуся при материальном воплощении идей использовать современное и перспективное оборудование. В результате анализа существующих направлений выявлено направление в дизайне, наиболее полно отвечающее комплексному требованию адресности, экологичности и экономичности. Таким направлением признан экологический дизайн, который охватывает четыре области жизнедеятельности человека: сознание, потребление, культура и самовыражение.

Ключевые слова: объемно-пространственное мышление, дизайн трикотажных изделий, экологический дизайн, экологичность производства.

FORMATION OF NEW THINKING IN THE MODERN ECOLOGICAL DESIGN

The article is devoted to topical issues of formation of volume and space thinking of the student as future expert possessing except professional knowledge and abilities, skills of the embodiment and broadcast of the original images embodied in products, and also influencing inquiries and

preferences of the consumer. Such approach is necessary in the conditions of greening of all production which result is not just an increase in targeting of the production goods, but also improvement of an ecological situation in connection with reduction of excess production and dissatisfaction of the population with bulk articles. Important component of formation of volume and space thinking of the student is use of informational technologies of tutoring which not just allow to establish connection between subjects of education, and transfer process to new level, allowing the student at the material embodiment of the ideas to use the modern and perspective inventory. As a result of the analysis of the existing directions it is revealed about the direction in design which is fully meeting the complex requirements of targeting, environmental friendliness and profitability. The ecological design which covers four areas of activity of the person is recognized as such direction: consciousness, consumption, culture and self-expression.

Key words: volume and space thinking, design of knitted products, ecological design, environmental friendliness of production.

На сегодняшний день государство нуждается в дизайнерах, имеющих новое креативное мышление, которое стало признаком гуманитарно-экологически ориентированного сознания, стимулом обновления профессии дизайнера. «Новый дизайн» основывается, прежде всего, на постулате свободы творческого самовыражения. «Новый дизайн» отказывается от «хорошей формы» именно как всеобщего эталона, но это вовсе не означает, что «хорошая» или «чистая форма» не может составлять основу творческой. Современный дизайнер не просто создает удобные и практичные изделия и образы, он способен участвовать в формировании вкусов и потребностей населения [1].

К настоящему времени сложилось четыре вектора приложения усилий современного экологически ориентированного дизайна (рисунок 1).

Концепция экологического производства, предлагаемая сторонниками «альтернативной экономики», заключающаяся в том, что любое производство должно базироваться на совершенной технологии, обеспечивающей минимальные потери сырья, и на мелкосерийном производстве, учитывающем конкретные потребности небольших групп

людей. Это приводит к колоссальной экономии ресурсов, поскольку производится только то, что действительно необходимо. Парадоксально, но многообразие стилей, дифференциация проектирования (в конечном счете, рассчитанного на малую группу или на отдельного человека) оказываются гораздо менее расточительными и более экологичными, чем единообразие массового серийного производства. Ориентация на выполнение индивидуального заказа является, таким образом, одним из путей борьбы с избыточным производством [2].

В свете развития «экологической» концепции в дизайне одежды, направленной на гармонизацию отношений человека с окружающим миром, предложена творческая идея разработки, заключающаяся в отражении гармонии мира природы в структуре и орнаменте трикотажного полотна, в использовании натуральных материалов. Новая фактура трикотажного полотна предназначена для использования в производстве изделий малыми партиями, а также для единичных заказов. Творческим источником послужили прекрасные образы фауны — легкость и изящество бабочки, кружево «зимней паутины». Для реализации творческой концепции про-

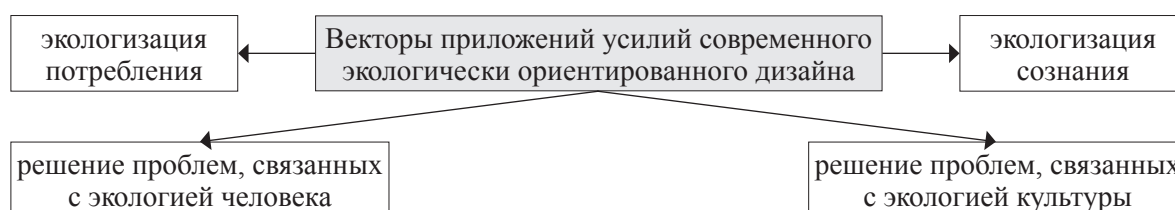

Рисунок 1. Векторы приложений усилий современного экологически ориентированного дизайна

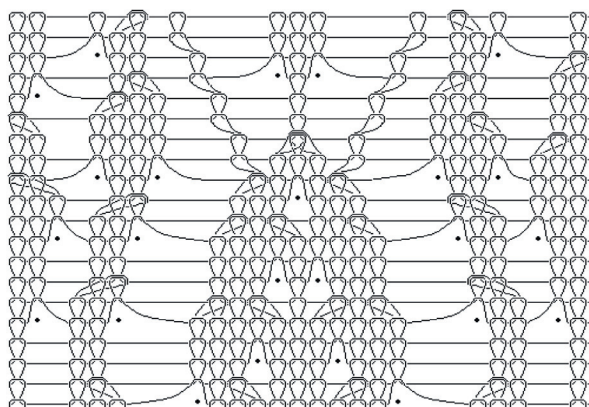

Рисунок 2. Вариант новых сочетаний элементов структуры трикотажа с ажурным эффектом

ведено предпроектное исследование, в ходе которого рассмотрены существующие трикотажные фактуры и структуры, а также способы их образования, выполнены зарисовки элементов живой природы с целью выявления закономерностей для дальнейшей стилизации будущего орнамента.

Творческая идея нашла отражение в авторской оригинальной фактуре трикотажного полотна, которая создается новым технологическим приемом — нанесением печатного рисунка бабочки на рельефную, неровную, разреженную структуру трикотажа (рисунок 2).

Для получения ажурного эффекта на трикотажном полотне выбираются следующие приемы: перенос петли на соседний столбик; перенос петли на соседний столбик с выключением из работы иглы; перенос петли через петельный столбик с выключением из работы иглы; перенос петли на выключенную иглу [3, 4] (рисунки 3, 4).

Основной композиционной идеей для достижения впечатления легкости и изяще-

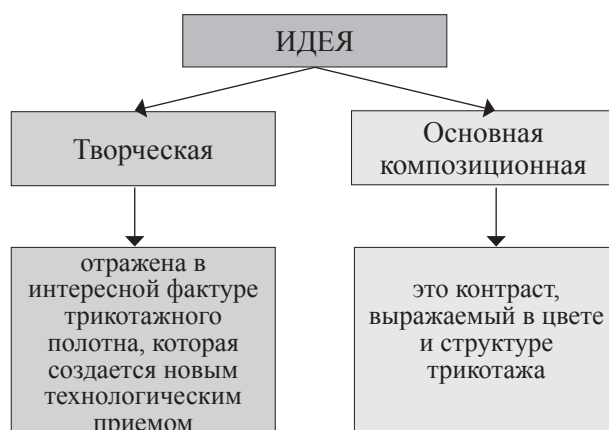

Рисунок 3. Схема творческой и основной композиционной идеи

ства бабочки послужил контраст, который выражается в цвете и в структуре трикотажа — в сочетании ровной, плотной и сильно разреженной структуры переплетения, то есть в сочетании одинаковых по размеру петель и различных по длине протяжек. Разработанные новые варианты сочетаний элементов трикотажных переплетений (петля, протяжка, ажурное отверстие) позволили передать основную идею работы. Для усиления эффекта использована тонкая хлопчатобумажная пряжа (Т = 55 текс) белого цвета.

На рисунке 4 показан фрагмент одного из возможных вариантов новых сочетаний элементов структуры трикотажа. Печатный рисунок «бабочка» наносится на трикотажное полотно вручную акриловыми красителями через трафарет. Эта техника проста вследствие отсутствия необходимости использования специального оборудования (печатных машин, прессов и т.д.), и поэтому применима на малых предприятиях.

Разработанные новые варианты сочетаний элементов ажурного орнаментального трико-

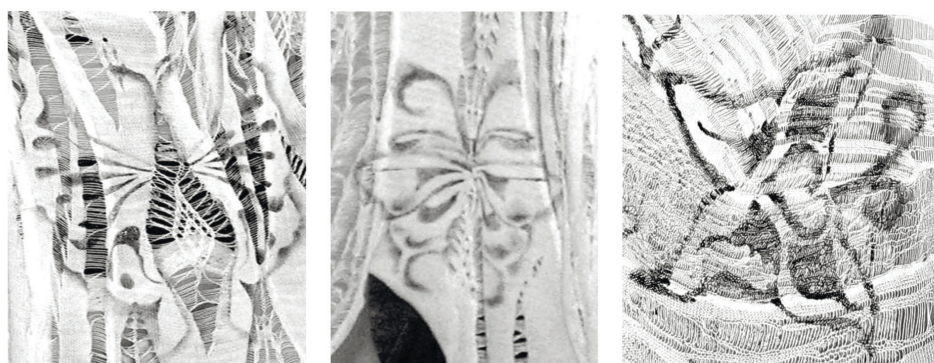

Рисунок 4. Печатный рисунок на трикотажном полотне с ажурным эффектом

тажного полотна и разработанной фактуры трикотажа с печатным рисунком предлагается использовать частично или полностью, как для эксклюзивных изделий, так и для изделий, выпускаемых малыми партиями.

Потребности научно-технического развития выдвигают требования к качеству подготовки дизайнеров с развитыми техническими способностями, обладающих глубокими знаниями, способных не только использовать современную технику, но и создавать технику будущего, а значит, имеющих навыки конструирования и моделирования. Овладение современными научными знаниями, успешная работа во многих видах деятельности (практической и теоретической) неразрывно связаны с образно-пространственным мышлением [5], с графическим изображением пространственных образов. Применение информационных технологий обучения (ИТО) позволяет решить задачу

формирования образного мышления в современном экологическом дизайне.

Вывод

Миссия ИТО для дизайна заключается в обработке и представлении идей, создаваемых интеллектом специалиста (будущего дизайнера), для чего этот образ необходимо спроектировать на экран дисплея с помощью компьютерной графики, используя пакеты CorelDraw, Fotoshop; затем подобрать нужную гамму цветов и оттенков, оценивая визуально построенный 3D-образ и сопоставляя с первоисточником образа, эталонами и аналогами в выбранной области творчества. В результате проделанной работы в рамках интегрированных занятий у обучающихся формируются пространственно-образное мышление, художественный вкус, информационно-графическая культура, которая развивает студента как творческую личность.

Список литературы

1. Рузайкина Г.П. Использование элементов этностиля при проектировании коллекции верхних трикотажных изделий // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 74. С. 116–123.
2. Композиция костюма: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Г.М. Гусейнов, В.В. Ермилова, Д.Ю. Ермилова и др. 2-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 432 с.
3. Кудрявин Л.А., Шалов И.И. Основы технологии трикотажного производства: учеб. пособие для вузов. М.: Легпромбытиздат, 1991. 496 с.: ил.
4. Нешатаев А.А., Гусейнов Г.М., Саватаева Г.Г. Художественное проектирование трикотажных полотен: учеб. для вузов. М.: Легпромбытиздат, 1987. 272 с.: ил.
5. Танцура Н.В. Современные технологии обучения в условиях введения ФГОС для решения проблемы формирования объемно-пространственных представлений будущих учителей // Таврический научный обозреватель. 2016. № 8-3 (13). С. 32–35.

References

1. Ruzaykina G.P. Use of Elements of Ethnostyle at Projection of a Collection of the Top Knitted Products // The Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities. 2016. No. 74. P. 116–123.
2. Suit Composition: Studies. Grant for Students of Higher Educational Institutions / G.M. Guseynov, V.V. Yermilova, D.Yu. Yermilova, etc. 2nd prod., erased. M.: Publishing center «Akademiya», 2004. 432 p.
3. Kudryavin L.A., Shalov I.I. Bases of Technology of Knitted Production: Studies. Grant for Higher Education Institutions. M.: Legprombytizdat, 1991. 496 p.
4. Neshatayev A.A., Guseynov G.M., Savatayeva G.G. Art Projection of Fabrics: Studies. for Higher Education Institutions. M.: Legprombytizdat, 1987. 272 p.
5. Tantsura N.V. The Modern Technologies of Tutoring in the Conditions of Introduction of FGOS for a Solution of the Problem of Formation of Volume and Space Representations of Future Teachers // Taurian Scientific Observer. 2016. No. 8-3 (13). P. 32–35.

Ольховик А. О.

Olkhovik A. O.

*аспирант экономического факультета,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

УДК 33:378:519.833

ТЕОРЕТИКО-ИГРОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ СФЕРЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена особенностям взаимодействия абитуриентов и вузов на современном этапе экономического развития общества. Основополагающими инструментами исследования являются теоретико-игровые модели и методы. В основу базовой модели исследования положена биматричная игра. Участники игры рассматриваются на предельно интегрированном уровне. В роли игрока I выступает абитуриентская база (совокупность абитуриентов определенного года поступления), в роли игрока II — совокупность вузов отдельного региона. В ходе работы, на основании особенностей формирования полезностей игроков, выделяются четыре основных состояния: «системная ловушка», «пространство для развития», «идеальное состояние» и «окно неопределенности». Научная новизна исследования определяется характером применяемых моделей и методов. Анализ полученных модельных ситуаций позволяет глубже понять особенности взаимодействия субъектов сферы высшего образования Российской Федерации на современном этапе, а также дать количественную оценку отдельным сторонам этого взаимодействия. Результаты исследования могут найти применение в деятельности органов государственного управления, занимающихся решением задач, связанных с совершенствованием структуры и сети государственных вузов и оптимизации системы высшего образования в целом. Также материалы работы будут интересны представителям высших учебных заведений и других образовательных и научных организаций.

Ключевые слова: теория игр, некооперативные игры, биматричные игры, равновесие по Нэшу, экономика образования, высшее образование, абитуриенты, студенты, вузы, взаимодействие.

GAME-THEORETIC MODELING OF INTERACTION OF MAIN ACTORS OF THE HIGHER EDUCATION SPHERE

The article is devoted to interaction between students and universities at the present stage of economic development. Basic research tools are game-theoretic models and methods. The basis of the model studies is put bimatrix game. The players are considered at a very integrated level. In the role of player I acts among applicants for the admission base (the set of students of a certain year of receipt), in the role of player II to the set of universities in a particular region. In the course of the operation based on the characteristics of the formation of mature players, there are four main states: «system trap», «space for development», «perfect condition» and a «window of uncertainty». Scientific novelty of research is determined by the nature of the applied models and methods. Analysis of the obtained model situations allows us to better understand the peculiarities of interaction of subjects of higher education of the Russian Federation at the present stage, and also to quantify certain aspects of this interaction. The research results can find application in activities of state bodies dealing with solution of problems relating to the improvement of the structure and the network of state universities and optimize the system of higher education in general. The materials work

will be of interest to representatives of higher education institutions and other educational and scientific organizations.

Key words: game theory, non-cooperative games, bimatrix games, Nash equilibrium, economics of education, higher education, university applicants, students, universities, interaction.

Повышение конкурентоспособности высшего образования относится к числу ключевых задач, встающих перед Россией на современном этапе. В последние годы в связи с реформированием системы образования в целом и реорганизацией части высших образовательных учреждений актуальность экономических исследований рассматриваемой области (см., например, [1, 2]) только возрастает.

Наличие лага, связанного со временем, необходимым для получения образования, несовпадение факторов формирования спроса и предложения на рынке высококвалифицированного труда и несбалансированность аксиологических блоков, определяющих профессиональный выбор (подробнее см. [3]), объективно приводят к усилению роли методов исследования, основанных на математическом аппарате теории игр, см. например, [4, 5]. Современная теория игр находит многочисленные применения в различных областях и сферах экономики, см., в частности [6, 7, 8].

Настоящее исследование направлено на выявление и описание закономерностей взаимодействия абитуриентов и высших образовательных учреждений на базе аппарата теории игр.

В основу базовой модели положена биматричная игра, участники которой рассматриваются на предельно интегрированном уровне. В роли игрока I выступает абитуриентская база (совокупность абитуриентов определенного года поступления), в роли игрока II — совокупность вузов отдельного региона (таблица 1).

В таблице 1 используются следующие обозначения:

- a_{ij} — полезность игрока I (абитуриентской базы) при выборе i стратегии в случае выбора игроком II стратегии j ;
- b_{ij} — полезность игрока II (вузов) при выборе j стратегии в случае выбора игроком I стратегии i .

Таблица 1. Общий вид теоретико-игровой модели взаимодействия абитуриентов и вузов

		вузы	
		Н	Л
абитуриенты	Н	b_{11} a_{11}	b_{12} a_{12}
	Л	b_{21} a_{21}	b_{22} a_{22}

Определенные типы абитуриентов, которые для абитуриентской базы в целом будут рассматриваться как стратегии, можно выделить в зависимости от личных способностей и склонностей. В частности, отдельные абитуриенты могут учиться интенсивно практически на любом направлении подготовки, другие же — только на каком-то одном или же вообще быть способны только к низкоинтенсивному труду. Вузы, в свою очередь, осуществляют подготовку по программам различного качества и сложности, следовательно, к ним также применим данный подход.

Соответственно, в простейшем варианте модели можно выделить 2 основные стратегии:

- «Н» — высокое качество (интенсивность) подготовки;
- «Л» — низкое качество (интенсивность) подготовки.

Ориентация на высокое качество (интенсивность) подготовки со стороны вузов предполагает наличие тщательно проработанных программ, включающих заинтересованных преподавателей, актуальные методические материалы и т.д. Со стороны абитуриентской базы ориентация на высокое качество предполагает деятельную заинтересованность в содержании подготовки, подкрепляемую соответствующим уровнем предварительных знаний. Ориентация на низкое качество (интенсивность) подготовки, в свою очередь, подразумевает формальный подход к процессу обучения как со стороны вузов, так и со стороны абитуриентов. Выделение кон-

кретных показателей, позволяющих выявлять фактические стратегии игроков, представляет собой отдельную научную задачу.

Выигрыш игроков выражается в условных единицах полезности. В качестве объективной базы для расчета полезностей в случае высших образовательных учреждений могут служить такие показатели, как доход (объем финансирования, в случае бюджетных учреждений), позиции вузов в рейтингах и т.д. В случае абитуриентской базы этой же цели могут служить, в частности, показатели, характеризующие социально-экономический эффект от трудоустройства выпускников, придерживавшихся конкретной стратегии (когда они были абитуриентами и студентами), в частности, доля выпускников, работающих по специальности, средний относительный уровень оплаты труда и т.д. В простейшем случае для определения конкретных значений «выигрыша» в каждой рассматриваемой ситуации могут быть использованы оценки ожидаемого эффекта от взаимодействия при применении выделенных стратегий со стороны абитуриентов и представителей вузов.

Особенности формирования полезностей игроков определяют 3 базовых сценария — возможные ситуации с равновесием в чистых стратегиях, описывающие состояние сферы высшего образования на конкретной территории в конкретный момент времени.

Первая ситуация представлена в таблице 2.

В данной игре равновесием по Нэшу в чистых стратегиях будет ситуация, характеризующаяся низкими требованиями к интенсивности обучения со стороны абитуриентской базы и низким уровнем предлагаемой подготовки со стороны вузов. Реализация подобного сценария возможна в случае, если

Таблица 2. «Системная ловушка»

		вузы	
		H	L
абитуриенты	H	2	3
	L	-1	1
		3	1

Источник: составлено автором

система закрытая, то есть поменять место учебы при несоответствии фактического уровня подготовки ожидаемому достаточно затруднительно. В системе поддерживается ажиотажный спрос на формальное высшее образование и отсутствуют «штрафы» за его низкое качество. Выигрыш вузов зависит от итогового качества подготовки и степени соответствия реальности и ожиданий, при этом на него влияет также и потенциальный уровень будущих студентов. В случаях когда «качество» абитуриента превышает «качество» места, вузы получают дополнительную полезность за счет экономии затрат. Аналогичным образом определяется выигрыш абитуриентской базы. В таких условиях у системы пропадает стимул к развитию, и она приходит к состоянию (L; L).

Вторая ситуация представлена в таблице 3.

В данном случае наблюдается сразу два равновесия по Нэшу в чистых стратегиях: совпадение высоких или низких требований к образованию как со стороны вузов, так и со стороны абитуриентской базы. «Штрафы» за низкое качество образования в рассматриваемой ситуации также отсутствуют, при этом ажиотажный спрос на образовательные услуги сохраняется. Система открытая, то есть смена места учебы, если ожидаемая интенсивность подготовки не соответствует фактической (предлагаемой), как и «отсев» студентов после поступления, вполне возможны, хотя и вызывают дополнительные затраты, чем объясняется отрицательная полезность вузов и абитуриентов в ситуациях (L; H) и (H; L) соответственно. Выигрыш вузов в случае, когда «качество» абитуриента превышает «качество» места, за счет экономии затрат оказывается выше, чем, когда и абитуриенты, и вузы настроены на низкую

Таблица 3. «Пространство для развития»

		вузы	
		H	L
абитуриенты	H	2	1,5
	L	-0,5	1
		1,5	1

Источник: составлено автором

интенсивность подготовки, но ниже, чем в ситуации (Н; Н). Полезность абитуриентской базы определяется аналогичным образом. В зависимости от реализуемой государственной политики и изменения прочих внешних условий система может склоняться как в сторону эффективного (Н; Н), так и в сторону неэффективного равновесия (L; L).

Третья ситуация представлена в таблице 4.

В данной игре равновесием по Нэшу в чистых стратегиях будет ситуация, характеризующаяся высокими требованиями к интенсивности обучения со стороны абитуриентской базы и столь же высоким уровнем предлагаемой подготовки со стороны вузов. Рассматриваемый сценарий предполагает, что в системе отсутствует ажиотажный спрос на образовательные услуги, либо введены «штрафы» за низкое качество образования (или оба условия выполняются одновременно). В результате ситуация (L; L) оказывается невыгодной для обоих игроков. Как и в предыдущем сценарии, система открытая, полезности абитуриентов и вузов, соответственно, определяются аналогичным образом. С точки зрения общества подобная ситуация является идеальной.

В реальной ситуации, однако, равновесие может быть не столь очевидно, что наглядно представлено в таблице 5.

В системе поддерживается ажиотажный спрос на формальное высшее образование, то есть обязательным атрибутом зрелости и/или условием трудоустройства является именно диплом. При этом «штрафы» за низкое качество образования присутствуют, но распространяются только на высшие учебные заведения, а не на студентов (абитуриентов). Механизмы стимулирования вузов к повышению интенсивности подготовки не раз-

виты. Система может быть как открытой, так и закрытой, что повлияет только на абсолютное значение полезности абитуриентов в ситуации (Н; L).

В данной игре равновесие по Нэшу в чистых стратегиях отсутствует.

Соответственно, т.к. всякая биматричная игра имеет хотя бы одно равновесие, необходимо рассмотреть ситуацию в смешанных стратегиях. В этом случае средние выигрыши игроков будут определяться следующим образом:

$$\begin{aligned} X(p, q) &= a_{11}pq + a_{12}p(1 - q) + a_{21}(1 - p)q + \\ &\quad + a_{22}(1 - p)(1 - q), \\ Y(p, q) &= b_{11}pq + b_{12}p(1 - q) + b_{21}(1 - p)q + \\ &\quad + b_{22}(1 - p)(1 - q), \end{aligned} \quad (1)$$

где a_i — полезность игрока I (абитуриентской базы) при выборе i стратегии;

b_i — полезность игрока II (вузов) при выборе i стратегии;

p — вероятность выбора игроком I стратегии «Н»;

q — вероятность выбора игроком II стратегии «Н»;

$$0 \leq p \leq 1, 0 \leq q \leq 1.$$

Равновесной по определению будет ситуация (p^*, q^*) , отклонение от которой никому из игроков невыгодно. Иными словами, отклонение одного из игроков от равновесия может привести только к уменьшению его выигрыша:

$$X(p, q^*) \leq X(p^*, q^*); \quad (2)$$

$$Y(p^*, q) \leq Y(p^*, q^*); \quad (3)$$

$$0 \leq p \leq 1, 0 \leq q \leq 1. \quad (4)$$

Если подставить в эти неравенства среднее значение выигрыша игрока I (абитуриентской базы) и упростить их, результат будет выглядеть следующим образом.

$$(a_{11} - a_{12} - a_{21} + a_{22})(1 - p)q + (a_{12} - a_{22})(1 - p) \leq 0; \quad (5)$$

Таблица 4. «Идеальное состояние»

		вузы	
		Н	L
абитуриенты	Н	2	1,5
	L	-0,5	-1

Источник: составлено автором

Таблица 5. «Окно неопределенности»

		вузы	
		Н	L
абитуриенты	Н	1	2
	L	2	-1

Источник: составлено автором

$$(a_{11} - a_{12} - a_{21} + a_{22})pq + (a_{12} - a_{22})p \geq 0. \quad (6)$$

Так как в рассматриваемом случае равновесие по Нэшу в чистых стратегиях заведомо отсутствует, ограничение $0 \leq p \leq 1$ может быть заменено на строгое неравенство $0 < p < 1$. Тогда, разделив первое неравенство на $1-p$, а второе на p , мы получим условие приемлемости ситуации в смешанных стратегиях для абитуриентской базы.

$$q = \frac{(a_{22} - a_{12})}{(a_{11} - a_{12} - a_{21} + a_{22})}. \quad (7)$$

В результате аналогичных рассуждений для игрока II (вузов) формулируется следующее условие приемлемости ситуации в смешанных стратегиях:

$$p = \frac{(b_{22} - b_{21})}{(b_{11} - b_{12} - b_{21} + b_{22})}. \quad (8)$$

Подставив соответствующие значения в данные уравнения, получаем

$$q = \frac{(1+1)}{(2+1-1+1)} = \frac{2}{3}; \quad (9)$$

$$p = \frac{(-1-1)}{(1-2-1-1)} = \frac{2}{3}. \quad (10)$$

Соответственно, равновесием по Нэшу в смешанных стратегиях будет ситуация (2/3; 2/3), когда и абитуриентская база, и вузы в 2/3

случаев ориентированы на высокое качество (интенсивность) подготовки, а в 1/3 — на низкое. Тогда выигрыш игрока I, как и выигрыш игрока II, составит 1 условную единицу.

Вывод

Анализ полученных модельных ситуаций позволяет глубже понять особенности взаимодействия субъектов сферы образования современной России, а также дать количественную оценку отдельным сторонам этого взаимодействия. Последующее развитие данного исследования предполагает усложнение «базовой» модели за счет более точной и детализированной дифференциации системы стратегий участников.

Результаты исследования могут быть использованы в деятельности органов государственного управления, занимающихся решением задач, связанных с совершенствованием структуры и сети государственных вузов и оптимизацией системы высшего образования в целом. Материалы работы также будут интересны представителям высших учебных заведений.

Список литературы

1. Аветисян И.А. Проблемы финансирования высшего образования в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 1 (25). С. 108–122.
2. Адухова А.Х. Концептуальная роль высшего образования в социально-экономическом развитии: теоретический аспект // Фундаментальные исследования. 2015. № 7-4. С. 802–807.
3. Ольховик А.О. Анализ профессиональной мотивации студентов и выпускников учреждений высшего образования (на примере Вологодской области) // Вестник УГУЭС. Наука, образование, экономика. Серия экономика. 2015. № 4 (14). С. 94–100.
4. Мэтьюз Р., Карпухина Е. Стратегические альянсы в высшем образовании: теория игр и сложности воплощения // Экономическая политика. 2007. № 4. С. 102–125.
5. Zhu Q. Nash Meets Van Valkenburg: A Game-Theoretic Approach to Effective Learning and Teaching in Engineering // Frontiers in Education Conference (FIE). IEEE, 2011.
6. Конюховский П.В., Холодкова В.В. Применение методов теории игр в анализе экономико-политических взаимодействий на межгосударственном уровне // Финансы и бизнес. 2015. № 4. С. 40–57.
7. Конюховский П.В. Применение стохастических кооперативных игр при обосновании инвестиционных проектов // Вестник С. Петерб. ун-та. Сер. 5 «Экономика». 2012. Вып. 4 (декабрь). С. 134–143.
8. Konyukhovskiy P.V., Malova A.S. Stochastic Cooperative Games Application to the Analysis of Economic Agent's Interaction // Contributions to Game Theory and Management. 2015. Vol. 8. P. 137–148.

References

1. Avetisyan I.A. The Problems of Financing of Higher Education in Modern Russia // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2013. № 1 (25). P. 108–122.
2. Adukhova A.K. Conceptual Role of Higher Education in the Socio-Economic Development: Theoretical Aspects // Fundamental Research. 2015. № 7-4. P. 802–807.
3. Olkhovik A.O. The Analysis of Professional Motivation of Students and Graduates of Higher Educational Institutions (in Case of Vologda Region) // Bulletin USUES. Science, Education, Economy. Series Economy. 2015. № 4 (14). P. 94–100.
4. Matthews R., Karpukhina E. Strategic Alliances in Higher Education: Game Theory and the Complexity of Realization // Economic Policy. 2007. № 4. P. 102–125.
5. Zhu Q. Nash Meets Van Valkenburg: A Game-Theoretic Approach to Effective Learning and Teaching in Engineering // Frontiers in Education Conference (FIE). IEEE, 2011.
6. Konyukhovskiy P.V. Kholodkova V.V. Application of Game Theory in the Analysis of Economic and Political Interaction at the International Level // Finance and Business. 2015. № 4. P. 40–57.
7. Konyukhovskiy P.V. Application of Stochastic Cooperative Games in Investment Projects Evaluation // Vestnik of St. Petersburg University. Part 5 «Economics». 2012. Issue 4 (December). P. 134–143.
8. Konyukhovskiy P.V., Malova A.S. Stochastic Cooperative Games Application to the Analysis of Economic Agent's Interaction // Contributions to Game Theory and Management. 2015. Vol. 8. P. 137–148.

Галлямов Р. Р.
Gallyamov R. R.

*доктор социологических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института социально-экономических
исследований Уфимского научного центра РАН,
г. Уфа, Российская Федерация*

УДК 311.4

УРАЛО-ПОВОЛЖСКИЙ МАКРОРЕГИОН РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ ИСЛАМСКОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Излагаются результаты исследования состояния и перспектив возрождения исламской религиозности в Урало-Поволжском макрорегионе России. Основываясь на анализе статистических данных и на результатах репрезентативных социологических опросов, в том числе проведенных под непосредственным его руководством, автор подробно рассматривает и оценивает потенциал возрождения традиционной для данной территории евразийского континента конфессии — мусульманской уммы. В ходе исследования автор приходит к следующим основным выводам. Татары и башкиры, представляя собой одну из самых крупных этнодемографических групп данного региона, продолжают оставаться важнейшими источниками мусульманской конфессиональной идентичности. Новейшие социологические опросы населения фиксируют постоянный, значительный рост «возврата» татар и башкир к своим «исламским корням», растет число зарегистрированных общин, увеличивается роль отечественного исламского образования, при этом реальные масштабы процесса реисламизации татар и башкир региона значительно меньше, чем это фиксируется данными социологических опросов. Факторами, обуславливающими подобное положение, выступают: высокий уровень урбанизированности региона, отсутствие в городах отлаженной традиции организации религиозных общин (махалля); исчерпание источников для формирования социальной группы профессиональных имамов, раскол общин под влиянием непрерывно соперничающих между собой за ресурсы муфтиятов (региональных объединений), распространение среди некоторых имамов и отдельных групп верующих идей религиозного экстремизма. Несмотря на это «исламский ренессанс» в Урало-Поволжском макрорегионе пока обладает большими ресурсами, мусульманская идентичность продолжает, как и в эпоху своего расцвета в начале XX века, играть положительную роль, она остается одним из решающих факторов сохранения и развития этнонациональной идентичности татар и башкир, т.е. основных исламских народов Урало-Поволжского макрорегиона.

Ключевые слова: Урало-Поволжский макрорегион России, татары, башкиры, потенциал возрождения исламской религиозности.

URAL-VOLGA MACROREGION OF RUSSIA: CONDITION AND PROSPECTS OF THE REVIVAL OF ISLAMIC RELIGIOSITY

A study of the status and prospects of the revival of Islamic religiosity in the Ural-Volga region of Russia. Based on the analysis of statistical data and the results of a representative sociological surveys, including those conducted under his direct leadership, the author examines and evaluates the potential revival of the traditional territory of the Eurasian continent denomination — the Muslim Ummah. In the study the author comes to the following main conclusions. The Tatars and Bashkirs, representing one of the largest ethnic and demographic groups in the region continue to be an important source of Muslim religious identity. The latest sociological surveys have noted a steady

and significant increase «return» of Tatars and Bashkirs to its «Islamic roots», a growing number of registered communities, increasing the role of domestic Islamic education. Thus, the real extent of the process of reislamization Tatars and Bashkirs of the region is much less than that fixed by the data of sociological polls. Factors causing this situation are: the high level of urbanization of the region, the absence of cities-established tradition of organizing religious communities (mahalla); the exhaustion of sources for the formation of a social group of professional imams, split communities under the influence of continuously competing for the resources of the mufti (the regional associations), spread among some imams and believers separate groups of ideas of religious extremism. Despite this, the «Islamic Renaissance» in the Ural-Volga macroregion has yet more resources, Muslim identity continues, as in their heyday in the early twentieth century, to play a positive role, it remains one of the decisive factors in the preservation and development of ethnic and national identity of Tatars and Bashkirs, i.e. the major Islamic peoples of the Ural-Volga macroregion.

Key words: Ural-Volga macroregion of Russia, the Tatars, the Bashkirs, the potential revival of Islamic religiosity.

Урало-Поволжский макрорегион, который включает в себя несколько «национальных» российских республик (Башкортостан, Татарстан, Марий Эл, Удмуртия, Чувашия, Мордовия) и прилегающих к ним областей и краев (Пермский край, Ульяновская, Оренбургская, Нижегородская, Самарская, Челябинская и Свердловская области) занимает особое место в системе этнических и конфессиональных отношений не только в рамках Российской Федерации, но и в масштабах всего Евразийского континента. Важнейшим фактором мусульманского ренессанса в Урало-Поволжье, несомненно, является количество населения, выступающего реальным или потенциальным носителем исламской религиозности. Большое значение имеют концентрация мусульман на определенной территории и условия их чересполосного проживания с представителями других конфессий. Не менее важны и геополитический контекст развития центров традиционной российской исламской культуры, близость к границе с другими «исламизированными» государствами и к очагам межэтнической и иной социальной напряженности. Наконец, значительное влияние на интенсивность исламского возрождения в этом территориальном ареале оказывают уровень социально-экономического развития входящих в него регионов, преимущественная сфера трудовой занятости проживающего здесь населения, формы его расселения и социоприродной адаптации.

Расчеты, основанные на различных методиках, в том числе на результатах этностатистического анализа численности народов позволяют оценить количество мусульман, проживающих в России в целом, на уровне 14,5–19 млн человек [1, С. 7–8]. Если исходить из результатов последней Всесоюзной переписи населения 1989 г., то даже с учетом позднейших масштабных миграций, постсоветских войн и конфликтов эта цифра будет составлять 12–13 млн человек [2]. Всероссийские переписи населения 2002 г. и 2010 г. также зафиксировали количество людей, имеющих в целом по стране, так сказать, «мусульманское происхождение», на уровне 14,5 млн. Между тем, некоторые официальные исламские организации оспаривают эти данные и заявляют, что в России проживает не менее 20 млн приверженцев ислама, при этом они ссылаются на выступление Президента РФ В.В. Путина на саммите Организации «Исламская конференция». Например, еще в ноябре 2004 г. с заявлением по этому вопросу выступил председатель совета муфтиев РФ, председатель Духовного управления мусульман европейской части России, муфтий, шейх Равиль Гайнутдин, заявивший, что мусульман в России не менее 20 млн человек [3].

Если исходить из анализа данных этностатистики, то в Урало-Поволжском ареале российского расселения «потенциальные и реальные» мусульмане составляют свыше 4,9 млн человек [4], в том числе в Татарстане свыше 2 млн человек [5, С. 43] и в Башкортостане —

2 млн 182 тыс. человек [6]. В совокупности мусульманское население составляет в Башкортостане около 52 %, а в Татарстане — чуть более 53 % населения. Кроме того, довольно большие группы исламизированных башкир и татар проживают в граничащих с республиками (перечисленных в начале статьи) областях. Таким образом, в Волго-Уральском макрорегионе сосредоточено свыше 38 % российских мусульман (с учетом областей и краев), а в Башкортостане и Татарстане суммарно — около 17,5 % представителей исламизированного населения страны.

Бесспорно, нельзя оценивать потенциал процесса реисламизации, исходя только из абсолютных показателей численности населения. На этот процесс существенное влияние оказывает, например, комплексное воздействие следующих факторов.

Во-первых, аборигенные мусульмане макрорегиона (башкиры и татары), а также интенсивно переселяющиеся сюда в последнее время представители исламских народов Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа, везде (как в городской, так и в сельской местности) расселены чрезвычайно чересполосно с немусульманами, что в определенной степени препятствует их «исламской интеграции».

Во-вторых, в макрорегионе достигнут высокий уровень урбанизации (свыше 65 % населения проживает в городах) и вовлечения населения в индустриальное производство.

В-третьих, как следствие — это слабость того социального слоя, из которого сегодня рекрутируется мусульманское духовенство. Развитое индустриально-аграрное производство, широкие возможности для получения светского образования и карьеры буквально «вычерпывают» практически всю (особенно талантливую) молодежь, не оставляя социальной базы для полноценного развития социальной группы исламского духовенства. Как показали, например, проведенные автором в 2004 г. (38 стандартизированных интервью) и в 2014 г. (13 углубленных интервью) интервью мусульманской элиты Башкортостана, подавляющее большинство нынешних молодых имамов обладает

довольно средними интеллектуальными способностями; весьма скромно закончив в свое время среднюю школу, имеет невысокий общеобразовательный уровень и не может похвастаться широкой эрудицией в светских вопросах. Многие из них завершили свое светское образование в профессионально-технических училищах или даже в неполной общеобразовательной школе. Это наблюдение справедливо и по отношению к некоторым из тех, кто затем получил духовное образование в ведущих исламских учебных заведениях дальнего зарубежья: Египта, Сирии, Иордании, Саудовской Аравии.

В-четвертых, в макрорегионе сформировался за советскую эпоху высокий уровень межконфессиональной и межэтнической маргинальности — смешанные браки составляют от 5 % среди старшего поколения до 25 % у молодых. Например, в связи с тем, что Башкирия является одним из самых полиэтничных регионов России и Урало-Поволжья, здесь естественным является высокий уровень межэтнических браков, особенно велика их доля в городах. Так, по данным Всероссийской микропереписи населения 1994 г. (т.е. более двадцати лет назад) в Башкортостане каждая пятая брачная пара объединяла представителей разных национальностей. В городской среде этот показатель был выше — 24 %, в сельской местности меньше — 15,2 %. Наиболее наглядно показывает уровень распространенности этнически смешанных семей статистические сведения о численности родившихся по национальности матери. Так, у 33 % родившихся в 1994 г. в республике детей родители принадлежали к разным этническим группам [7, С. 74–82]. Следует отметить, что зафиксированная таким образом двадцать лет назад тенденция не только не ослабла, но и заметно усилилась.

Не вызывает сомнений, что только статистические показатели не могут стать основой для адекватного представления о роли исламского фактора в самоидентификации татар и башкир Урало-Поволжского макрорегиона России. Для этого необходимо обратиться к результатам репрезентативных социологиче-

ских опросов населения, которое за многие десятилетия советского «воинствующего атеизма» в своей массе утратило религиозность в традиционном ее понимании. Ведь даже те, кто причисляет себя к мусульманам, как показывают, в частности, результаты проведенных автором интервью, в лучшем случае ограничиваются исполнением некоторых обрядов, имеющих бытовое значение. Абсолютное же большинство местных приверженцев ислама придерживается его, так называемой, «народной» версии. В то же время, социологические данные, например, по Башкортостану показывают, что несмотря на советское атеистическое наследие в начале 1990-х годов уровень религиозности населения был, по самооценке респондентов, весьма высоким, и в течение следующих лет имел устойчивую тенденцию к росту. Так, если в 1993 г. около 53 % опрошенных в Башкирии респондентов причисляли себя к верующим (12,6 % участников опроса определили себя верующими и соблюдающими обряды; 33,6 % — верующими, но обрядов не соблюдающими; 6,8 % — колеблющимися; 10,2 % — теми, кому все равно; 33 % — неверующими, но уважающими чувства тех, кто верит; 0,5 % заявили, что с религией надо бороться) [8, С. 118], то в 1995 г. уже свыше 71,3 % опрошенных в разной степени декларировали свою мусульманскую религиозность (11,1 % всех респондентов объявили себя верующими и соблюдающими обряды; 34 % — верующими, но не соблюдающими обрядов; 26,2 % — колеблющимися; 7,2 % — теми, кому все равно; 19,3 % — неверующими, но уважающими чувства тех, кто верит; а 0,5 % посчитали, что с религией надо бороться) [9, С. 195]. При этом рост числа верующих происходил за счет «колеблющихся», к которым, в свою очередь, перешли те, кто ранее трактовал себя как «неверующий, но уважающий чувства тех, кто верит», так и те из респондентов, которые заявляли, что им «все равно». По данным опросов 1993 и 1995 гг. количество безоговорочно верующих (с разным уровнем соблюдения обрядов) стабилизировалось на уровне 55–60 % от числа опрошенных.

Однако уже по результатам репрезентативного опроса жителей Башкортостана в 2011 г. 31,5 % декларировавших свою исламскую религиозность (в том числе 32 % башкир и 29,5 % татар) посчитали себя верующими и старающимися соблюдать религиозные обычаи и обряды, а 58,8 % опрошенных потенциальных мусульман (в том числе 58 % башкир и 61 % татар) отнесли себя к верующим, но не соблюдающим обычаи и обряды. Таким образом, число верующих в Башкортостане, по результатам опроса, проведенного в 2011 году, составило 90,3 % от тех, кого можно было причислить к мусульманской традиции [10, С. 76]. Такие маловероятные результаты дают основание усомниться в репрезентативности итогов последнего опроса. Тем более, что, например, само мусульманское духовенство Башкортостана весьма неоднозначно оценивает религиозность жителей своего региона. Причем подобная оценка сохраняется на протяжении всего последнего десятилетия.

Например, по итогам проведенных автором в 2004 г. интервью мусульманской элиты многие из опрошенных имамов отметили в основном «инерционный» (после всплеска начала 1990-х годов) характер «мусульманскости» широких слоев населения, большие «сельско-городские» и региональные различия, а также отставание, в этом смысле, исламской конфессии от православия [9, С. 210]. Во многом к результатам, аналогичным с итогами предшествующих интервью, мы пришли в ходе специально организованного углубленного интервью экспертов, представляющих мусульманскую интеллигенцию и респондентов из числа чиновников, которые были проведены в июне — июле 2014 г. Большинство опрошенных отмечают: во-первых, некоторый «всплеск» интереса к религиозности в начале 1990-х годов, имевший в значительной степени характер «модного увлечения», а затем стремительное падение этого интереса; во-вторых, рост «количественных» показателей религиозности наряду с отсутствием ее «качественного» роста; в-третьих, молодое поколение респондентов из числа имамов вообще отмечает, что

никакого увеличения исламской религиозности не происходит, скорее, наблюдается даже ухудшение в этом смысле. Таким образом, непосредственное общение с представителями «реальных» и «потенциальных» мусульман Башкортостана показывает, что фактическое влияние ислама на жизнь современных жителей региона значительно меньше, чем это демонстрируют результаты самооценки респондентов некоторых социологических исследований.

Однако нельзя отрицать и заметных достижений в институционализации исламской конфессии, которые были достигнуты в республиках Урало-Поволжского макрорегиона в постсоветский период. Наиболее ярко это проявилось в росте количества зарегистрированных приходов; в строительстве многочисленных, иногда довольно оригинальных в архитектурном исполнении зданий мечетей; в развитии на территории республик религиозного образования. Так, если в 1990 г. в Башкортостане насчитывалось 30 мусульманских общин, то в 1998 г. их было зарегистрировано уже 419 [11, С. 58], а к 2004 г. их количество возросло почти до 800 [9, С. 203]. Наконец, к началу 2012 г. в Башкортостане было зафиксировано наличие уже почти 1000 мусульманских общин [12]. Наши расчеты, основанные на данных новейшей ведомственной статистики, показывают, что к 2014 г. количество мусульманских общин в Башкортостане выросло до 1168, в том числе: находящихся под юрисдикцией Духовного управления мусульман Республики Башкортостан — 630 (401 — зарегистрировано, 229 — без регистрации); входящих в состав Центрального Духовного управления мусульман России — 538 (389 — зарегистрировано, 149 — без регистрации) [13, С. 33–36]. По-видимому, последняя цифра так же, как и в соседнем Татарстане (около 1000 мечетей (общин) на 2001 г.) [14, С. 136], отражает своеобразный «порог насыщения» количественными показателями зарегистрированных общин, исходя из близкого к исчерпанию социального потенциала (имеющегося исламизированного населения) развития исламской уммы в регионе. Если исходить из

того, что «потенциальных» мусульман в обеих республиках (максимально возможное значение) может быть около 3,5 миллионов, то на каждую зарегистрированную общину (меньше половины из них имеют свои мечети), приходится теоретически около 1750 возможных прихожан, т.е. пока еще остается потенциал для создания новых мусульманских общин и строительства мечетей. Вместе с тем дальнейший рост количества мусульманских общин в Татарстане, в Башкортостане и в соседних, заселенных представителями татарского и башкирского народов областях Урало-Поволжского макрорегиона вполне возможен в связи с тем, что в дальнейшем вероятен процесс развития мусульманских махалля (религиозных общин) в городской местности. На наш взгляд, в сельских населенных пунктах потенциал роста практически исчерпал себя. Тем более, что материалы массовых опросов также фиксируют значительно больший рост исламской религиозности именно современных городских татар и башкир по сравнению с аналогичными показателями сельских «потенциальных мусульман». Например, по итогам опроса 2011 г., проведенного в рамках реализации проекта под руководством Л.М. Дробижевой, 44,6% респондентов из числа татар и башкир ответили, что не испытывают никаких сомнений в существовании бога. При этом такая убежденность практически не зависела от уровня образования респондентов. Но истинно верующих, по результатам опроса, оказалось больше: среди пенсионеров (что вполне объяснимо), среди женщин (49,3%) по сравнению с мужчинами (38,8%), среди горожан по сравнению с сельскими жителями (Уфа — 46,9%, другие города — 47,9%, село — 41,2%) [10, С. 77].

Выводы

Подводя самые общие итоги представленного в настоящем анализе исследования, автор пришел к следующим предварительным выводам.

Во-первых, татары и башкиры, являясь одной из самых крупных этнодемографических групп всего Волго-Уральского региона,

продолжают оставаться важнейшими по значимости источниками мусульманской профессиональной идентичности. Этому способствуют следующие факторы: богатое историко-культурное и религиозно-образовательное прошлое; компактное (в виде особого анклава) расселение; более низкий по сравнению с другими этническими группами (русскими, украинцами и др.) уровень урбанизированности; наличие мощного, представленного многочисленными организациями, самостоятельного этноориентированного общественного движения.

Во-вторых, массовые социологические опросы населения фиксируют в течение всего постсоветского периода постоянный и довольно значительный рост «возврата» татар и башкир к своим «исламским корням»: растет количество декларирующих свое мусульманское вероисповедание; особенно сильно увеличилось исполнение ими религиозных предписаний и обрядов; многократно возросло число зарегистрированных общин, которых стало несколько тысяч; интенсивно реставрируются старые и возводятся новые мечети, количество которых превысило две и приближается к трем тысячам; стабильно растет роль развивающегося исламского образования, религиозные учебные заведения готовят имамов и специалистов-религиоведов совместно со светскими вузами.

В-третьих, реальные масштабы процесса реисламизации татар и башкир региона, как наглядно демонстрируют результаты углубленных интервью с мусульманской и национальной элитой, а также итоги представленного наблюдения, на порядок меньше, чем это фиксируется данными социологических опросов: небольшой процент татар и башкир исполняют хотя бы отдельные мусульманские обряды; мечети (особенно в сельской местности) стоят полупустыми даже в пятничную молитву; катастрофически не хватает квалифицированных священнослужителей, уровень образования и общих культурных знаний которых не соответствует современным требованиям. Факторами, обуславливающими подобное положение, выступают: высокий уровень урбанизированности

и межнациональных браков; отсутствие в городах отлаженной традиции организации городских махалля; исчерпание источника для формирования социальной группы высокопрофессиональных имамов в условиях развитого индустриально-городского производства; внутриконфессиональные раздоры, в том числе раскол общин, под влиянием непрерывно соперничающих между собой за ресурсы муфтиятов (их в России насчитывается около 40) и постоянные публичные распри их руководителей; распространение среди некоторых имамов и отдельных групп верующих идей религиозного экстремизма.

В-четвертых, несмотря на губительное воздействие вышеперечисленных негативных тенденций «исламский ренессанс» в Урало-Поволжском макрорегионе обладает пока еще большими ресурсами, основанными: на имеющемся потенциале организации городских мусульманских общин; на расширяющихся (с помощью государства) и аккумулированных за предыдущие годы инерционных возможностях религиозного образования; на хорошо развитых в регионе традициях межэтнической и межконфессиональной толерантности.

В-пятых, мусульманская идентичность продолжает, как и в эпоху своего расцвета в начале XX века, играть положительную роль и остается одним из решающих факторов сохранения и развития национальной идентичности татар и башкир, т.е. основных исламских народов Урало-Поволжского макрорегиона. Этому способствуют как сохраняющие свое воздействие глубоко укоренившиеся стереотипы общественного сознания; так и активное взаимодействие имамов с руководителями этноориентированных общественных организаций. Последние постоянно проводят, совместно с имамами, самые разнообразные религиозные, а часто и полусветские мероприятия, приглашают представителей духовенства для освящения и участия в дискуссиях на свои различные собрания и конференции, ангажируя тем самым религиозный элемент массового общественного сознания.

Список источников

1. Малашенко А. Исламское возрождение в современной России. М., 1998. 286 с.
2. Национальный состав населения РСФСР: по данным Всероссийской переписи населения 1989 г. М., 1990. 78 с.
3. Ислам Минбэре (Трибуна ислама). 2004. № 11.
4. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М., 1992. 352 с.
5. Мусина Р.Н. Религиозное возрождение у татар Татарстана: идентичность, религиозные практики, этноконфессиональные ценности и установки // Татары и ислам в регионах Российской Федерации: религиозное возрождение и этничность. Казань, 2014. С. 43–83.
6. Национальный состав населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический бюллетень. Уфа, 2012. 69 с.
7. Галлямов Р.Р. Многонациональный город: этносоциологические очерки. Уфа, 1996. 200 с.
8. Сафин Ф.Г. Принципы этнополитического развития Башкортостана. М., 1997. 376 с.
9. Галлямов Р.Р. Элита Башкортостана: политическое и конфессиональное измерение. Казань, 2006. 246 с.
10. Ямаева Л.А. Этничность и религиозное возрождение в Башкортостане: возможности и риски для социальной интеграции (исламский путь) // Социологический ответ на «национальный вопрос»: пример Республики Башкортостан. М., Уфа, 2012. С. 70–82.
11. Юнусова А.Б. Ислам в структуре межконфессиональных отношений в Башкирии // Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе России. М., 1998. С. 52–62.
12. Рустем Хамитов дал интервью газете «Ведомости»: «Чужие деньги я считать не хочу» // Ведомости. 2011. 9 февраля.
13. Религиозные объединения Республики Башкортостан: справочник. Уфа, 2014. 168 с.
14. Мухаметшин Р.М. Татары и ислам в XX веке. Казань, 2003. 365 с.

References

1. Malashenko A. Islamic Revival in Modern Russia. M., 1998. 286 p.
2. National Composition of Population of the Russian Federation: according to the Census of Population 1989. 1990. 78 p.
3. Islam Minbari ('Tribune of Islam). 2004. No. 11.
4. Kuzeyev R. G. Peoples of the Middle Volga and Southern Urals: the Ethnogenic Perspective on the Story. M., 1992. 352 p.
5. Musina R.N. Religious Revival among the Tatars of Tatarstan: Identity, Religious Practices, Ethnic Values and Attitudes // Tatars and Islam in the Regions of the Russian Federation: Religious Revival and Ethnicity. Kazan, 2014. P. 43–83.
6. National Composition of Population of the Republic of Bashkortostan according to the Census of Population 2010: Statistical Bulletin. Ufa, 2012. 69 p.
7. Gallyamov R. R. Multicultural City: Ethno-Sociological Essays. Ufa, 1996. 200 p.
8. Safin F.G. Principles of Ethno-Political Development of the Republic of Bashkortostan. M., 1997. 376 p.
9. Gallyamov R.R. Elite of Bashkortostan Republic: Political and Religious Dimensions. Kazan, 2006. 246 p.
10. Yamaeva A.L. Ethnicity and Religious Revival in Bashkortostan: Opportunities and Risks for Social Inclusion (Islamic Way) // Sociological Response to the «National Question»: the Example of the Republic of Bashkortostan. M., Ufa, 2012. P. 70–82.
11. Yunusova A.B. Islam in the Structure of Inter-Confessional Relations in Bashkortostan // Ethnicity and Confessional Tradition in the Volga-Ural Region of Russia. Moscow, 1998. P. 52–62.
12. Rustem Khamitov Gave an Interview to the Newspaper «Vedomosti»: «Other People's Money I do not Want to Count» // Vedomosti. 2011. February 9.
13. The Religious Association of the Republic of Bashkortostan: Reference. Ufa, 2014. 168 p.
14. Mukhametshin R.M. Tatars and Islam in the Twentieth Century. Kazan, 2003. 365 p.

Гайсина Л. М.

Gaisina L. M.

кандидат социологических наук, доцент кафедры «Политология, социология и связи с общественностью», ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

УДК 331.108.2:622.276

КОНЦЕПЦИЯ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В НЕФТЕГАЗОВОЙ СФЕРЕ: ЕДИНСТВО СОЦИАЛЬНОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ И СТАБИЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

В рамках синергетического подхода, где предприятие представлено сложной динамичной социальной системой, учитываются внутренние социальные условия, что даёт возможность реализовать модели социально-ориентированного управления и заявленные критерии эффективности управленческих решений. Выявленные социально-экономические кризисы предприятий рассматриваются как отправные точки бифуркации, определяющие дальнейшее развитие сложных социальных структур, методы синергетики позволяют выработать максимально адаптированную модель социально-ориентированного управления для предприятий нефтегазовой отрасли.

Синергетический подход позволяет учитывать социальную среду предприятия, но на данный момент существует проблема реализации синергетических принципов в отрасли ввиду отсутствия методологического и методического обеспечения. Много пробелов встречается и в апробации методов синергетики в управлении, в совмещении синергетического и социологического понимания социальных процессов системы управления.

Точность и прогностическая эффективность любого социологического исследования во многом определяется адекватностью выбранной методики и предлагаемого ей инструментария, которые, в свою очередь, будут определяться в зависимости от свойств первичной модели исследуемых социальных процессов. В этой связи, прежде чем перейти к описанию и обоснованию выбранной методики исследования, необходимо определиться, что же представляет собой модель системы управления с позиций социально-ориентированного синергетического подхода.

Ключевые слова: синергетическое управление, социально-ориентированный синергетический подход, социальная самоорганизация, социальные изменения.

THE SYNERGY MANAGEMENT CONCEPT IN THE OIL AND GAS INDUSTRY: UNITY OF SOCIAL SELF-ORGANIZATION AND STABILIZATION IN THE CONDITIONS OF SOCIAL CHANGES

As a part of synergy approach in which the company is presented as difficult dynamic social system internal social conditions are taken into consideration. That gives the chance to implement models of socially oriented management and the declared criteria of management decisions efficiency. The revealed social and economic crises of the companies are considered as the starting points of bifurcation that determines further development of complex social structures, synergy methods allow to develop the most adapted model of socially oriented management for the companies of an oil and gas industry.

Synergy approach allows to consider a social environment of the company, but nowadays there is a problem of the synergy principles realization in an industry because of lack of methodological and methodical maintenance. Also there are many gaps in approbation of synergetic methods in management, in addition to synergy and sociological understanding of management system social processes.

Accuracy and prognostic efficiency of any social research are determined by adequateness of the chosen technique and the tools that it offers. In their turn, they will be depended on properties of primary model of the researched social processes. In this regard, it is necessary to determine the structure of management system model from the perspective of socially oriented synergy approach before proceeding to the description and substantiation of the chosen research technique.

Key words: synergy management, socially oriented synergy approach, social self-organization, social changes

При исследовании важно остановиться на особенностях видения организации сквозь призму синергетического подхода, а также на неизбежных изменениях классической парадигмы управления, связанных с эволюционированием принципов системного подхода в принципы синергетики.

Следует отметить, что в социологию управления синергетический подход вошел относительно недавно, в конце 90-х гг.— начале 2000-х гг., когда вышли в свет работы В.П. Бранского, В.В. Васильковой, С.П. Капицы и др. [1–3]. Постепенно к 2005–2010 гг. сформировались основные представления об организации как об открытой диссипативной (неравновесной) системе и принципах управления такой организацией.

В рамках описания методологического подхода к исследованию показано, что среди сторонников синергетического подхода в социологии нет существенных расхождений. Это обусловлено тем, что синергетика как наука об открытых неравновесных системах возникла относительно недавно, в 70-х гг. XX в., в рамках естественных наук: физики и математики. Позже ее постулаты были «переведены» на язык других наук, в том числе и социологии управления, не претерпев принципиальных изменений. Обобщим имеющиеся представления о структуре, целях, задачах и функциях современной организации в рамках синергетического подхода и затем обозначим те методологические особенности и ограничения, которые данный подход накладывает на исследование структур управления организациями.

Синергетический подход в качестве методологического направления исследования систем управления предприятиями нефтегазового комплекса выбран не случайно. Социально-экономическая нестабильность, связанная с украинским кризисом, а также с существенным падением цен на нефть, коснулась, прежде всего, наиболее значимого сектора отечественной экономики. Как показывает статистика, нефтегазовая отрасль является на сегодняшний день основной бюджетобразующей отраслью РФ. По данным 2014 г. ее доля в бюджете составила 48%, или 6 813 млрд руб. [4]. От устойчивости предприятий данной отрасли, от их способности противостоять социальным кризисам и катастрофам во многом зависит благополучие страны и эффективность реализации социальных программ [5, 6]. Анализ множества подходов к изучению аспектов реализации социально-ориентированного управления предприятием показывает, что только синергетика, базируясь на основных принципах системного анализа, наиболее близко подходит к теории социальных кризисов, рассматривая их не как конечный этап и безусловный спад производства, но, прежде всего, как точку бифуркации, дающую при грамотном управленческом подходе новое направление в развитии организации. Актуальность синергетического подхода к изучению социологии систем управления организациями хорошо подчеркнул отечественный социолог, историк А. Некласса: «Нестабильность, изменчивость социального kaleidoscope парадоксальным образом ста-

новится чуть ли не наиболее устойчивой характеристикой современности. Происходит интенсивная трансформация общественных институтов, изменение всей социальной, культурной среды обитания человека ...» [7, С. 119], что требует новых, нелинейных подходов к осмыслению социальных процессов. Синергетика, как наука о самоорганизации сложных открытых нелинейных систем, опирается на понятие «системы», заимствованное ей из системного анализа, при этом под системой классически понимается «множество элементов и процессов, находящихся в отношениях и связях друг с другом и образующих определенную целостность, единство, обладающее свойствами, отличными от совокупности свойств его компонентов» [8, С. 428].

В простых системах, отличающихся ограниченным количеством взаимосвязей, поведение отдельных компонентов предсказуемо и слабо зависит от воздействия окружающей среды. Однако такие системы встречаются крайне редко. В отличие от простых сложные системы состоят из большого количества элементов, между которыми наблюдаются многоуровневые взаимодействия, существенно затрудняющие исследование причинно-следственных связей. Накапливаясь, такие взаимодействия делают поведение сложных систем в каждый конкретный момент времени слабо прогнозируемым с позиции теории систем. Такие системы изучает синергетика.

В литературе определяются следующие методологические особенности исследования сложных социально-экономических систем в рамках синергетического подхода [9, С. 122; 197]:

— *способность к самоорганизации и саморазвитию*. Сложные социально-экономические системы проходят определенные этапы развития, переходя на следующий уровень не только и не столько благодаря внешним воздействиям, сколько благодаря процессам самоорганизации и саморазвития, позволяющим в определенные моменты (кризисы или точки бифуркации) даже при малых внешних воздействиях переходить на новый уровень;

— *открытость для внешних воздействий*. Для саморазвития требуется непрерывный

обмен информацией, энергией, ресурсами с внешней средой. В этом плане любая социально-экономическая система соответствует определению нелинейных сложных систем. На любом предприятии независимо от отрасли происходит постоянная циркуляция информационных, финансовых потоков, обмен с внешней средой ресурсами и людьми. Это порождает в конечном итоге целый ряд нелинейных эффектов, которые пока не описаны в экономической теории;

— *неравновесность, неустойчивость социальных и экономических процессов*. Этот тезис существенно меняет классические представления об эффективности организации. Согласно синергетическому подходу эффективность выражается не в приближении функционирования организации к некоей идеальной точке равновесия (спрос — предложение — производительность — себестоимость — цена), а в способности противостоять внешним изменениям при небольших колебаниях социально-экономических параметров и в готовности к переменам в условиях выраженной нестабильности внешней среды. Этот тезис хорошо иллюстрирует высказывание Н.Н. Моисеева: «устойчивость, доведенная до своего предела, прекращает любое развитие. Она противоречит принципу изменчивости» [10, С. 42];

— *направленность (необратимость) эволюционного процесса в организации*. При преодолении кризисов (говоря языком синергетики, при «прохождении» так называемых точек бифуркации) организация выбирает определенный путь последующего развития, что «закрывает» выбор других, альтернативных путей до достижения следующих точек бифуркации [11, С. 11];

— *нелинейность социально-экономических изменений организации*, которая означает, что происходящие в организации изменения не пропорциональны внешним изменениям. Так, в периоды относительной устойчивости организация может противостоять довольно значительным внешним переменам. В то же время в истории развития каждой организации можно выделить такие моменты, когда при внешне небольшом воздействии органи-

зация переходит на новый уровень, становясь иной, прежде всего, качественно. К сожалению, ни социология, ни экономическая теория данные переходы описать не могут, их описывают только с помощью законов синергетики;

— *переменчивость целей организации*. Нелинейность развития допускает много возможных путей развития организации, что позволяет утверждать, что будущее — это вероятностный процесс. В то же время, поскольку организация склонна противостоять изменениям, ее будущее уже не может быть любым, оно возможно в рамках определенного (конкретного) диапазона событий. Синергетика позволяет расширить взгляд на организацию и проанализировать этот «диапазон вероятностей», выбрав наиболее приемлемый путь развития.

Для уяснения особенностей функционирования сложных нелинейных систем существенное значение имеет описание жизненного цикла организации с позиций синергетики. Вместо классической схемы «зарождение — становление — рост — зрелость — спад — ликвидация (поглощение, распад)» синергетика предполагает циклический процесс развития, характеризующийся короткими, средними и длительными циклами развития, которых в жизни организации может быть сколько угодно много, то есть синергетика нацеливает на длительное существование экономических формаций. Выделяют 6 возможных состояний сложных нелинейных экономических систем (6 типов социодинамики организации [12, С. 95]):

1) *самозарождение* — возникновение новой организации и связанные с этим процессы (становление корпоративной культуры, конкретизация целей, задач, определение миссии организации, формирование рабочей команды);

2) *расцвет* — быстрое наращивание производственных мощностей, расширение рынков сбыта, рост прибыли (преобладают короткие и средние циклы);

3) *стабильное функционирование* — сохранение тенденции устойчивого роста умеренными темпами (преобладают корот-

кие циклы с изменениями в небольшом диапазоне, однако сохраняющие положительную направленность);

4) *застой* — стабилизация экономической системы в одной точке (преимущественно короткие циклы, однако направленность динамики в равной степени как положительная, так и отрицательная);

5) *упадок, кризис* — снижение прибыли, производственных мощностей, рынков сбыта (преобладают средние и короткие циклы с отрицательной динамикой). В синергетике кризис воспринимается не как итог функционирования организации, а как точка бифуркации, начиная с которой возможны несколько вариантов дальнейшего развития:

а) качественный и количественный скачкообразный рост организации (переход социальных процессов на новый уровень);

б) преодоление кризиса и стабилизация состояния (возврат к стадии стабильного функционирования);

в) ликвидация (прекращение деятельности, распад на более мелкие предприятия, поглощение более крупными компаниями, банкротство и т.д.).

б) *возрождение* — качественный и количественный скачкообразный рост организации (переход социальных процессов на новый уровень).

Динамика социальных отношений трудового коллектива в рамках синергетического подхода представлена эволюцией, процессами самоорганизации и саморегулирования (рисунок 1). В рамках такого представления организационного развития целесообразно воздействовать не на трудовой коллектив, используя организационную структуру, а на кризисные точки бифуркации как основу социального развития и решения производственных задач. Непосредственное управление производится в масштабах всей организации и касается компонентов организационной структуры: коммуникативного пространства, социальной деятельности сотрудников, системы социальных отношений.

Знание синергетических закономерностей жизненного цикла организации существенно меняет представления о целях и функциях

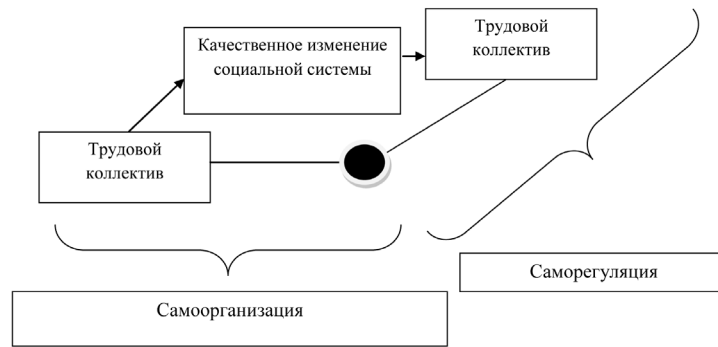

Рисунок 1. Динамика трудового коллектива как социальной системы в организационной среде

как самих экономических систем, так и системы управления. В классической теории роль управления определяет дальнейшую судьбу организации, причем между эффективностью управления и приложенными усилиями предполагается линейная зависимость [13], что далеко не всегда подтверждается практикой [14].

Синергетический подход существенно меняет парадигму управления, что требует и поиска новых, социально-ориентированных методов исследования эффективности управления, прежде всего, в таких сложных социально-экономических системах, как предприятия нефтегазовой отрасли, где важную роль в развитии занимают процессы самоорганизации. В таких структурах формирование корпоративной культуры, этики, психологии, навыков командной работы происходит не столько под влиянием извне (в том числе со стороны системы управления), сколько в процессе взаимодействия и саморазвития составляющих элементов организации (отделов, функциональных подразделений, рабочих бригад). Отсюда вытекает тезис — *система управления не должна жестко навязывать организации возможные пути развития. Задача системы управления согласно синергетическому подходу — способствовать позитивным тенденциям саморазвития организации и препятствовать распространению деструктивных корпоративных ценностей.*

Неравновесность сложных систем предполагает, что в каждой точке существования организации обязательно имеются несколько альтернативных путей эволюции, что предполагает отсутствие предопределенности и некоторую свободу выбора. Отсюда, новая

задача социально-ориентированного управления заключается не в поиске и навязывании новых путей, а в постоянном мониторинге возникающих в процессе деятельности альтернативных возможностей, выборе оптимальных вариантов и соответствующей корректировке путей развития организации.

В периоды устойчивого развития саморазвивающаяся организация слабо подвержена влиянию извне. Управляющие воздействия, в основном, несут координирующую функцию. В то же время в периоды неустойчивости даже малые направленные воздействия могут существенно изменить направление развития всей системы, поэтому с позиций синергетики в социально-ориентированном управлении упор делается на малые резонансные воздействия в правильно выбранный момент. Если ранее система управления организацией рассматривалась как системообразующий фактор, в задачи которого входило формирование корпоративной культуры и идеологии организации, то синергетический подход предполагает построение такой системы управления, которая была бы максимально согласована с внутренними тенденциями развития социальной структуры организации.

Нефтегазовая отрасль представлена крупными промышленными предприятиями, которые выполняют не только экономические, но и социальные функции, включаясь в систему всех общественных отношений. Предприятия нефтегазового комплекса представляют сложную социальную систему, определяя не только воспроизводство и реализацию промышленной продукции; переработку и продажу продукции, восполняя необходимые материальные активы, но и

образование и функционирование крупных социальных общностей и социальных групп. Именно сложность такого объекта управления, как предприятие нефтегазового комплекса с его многочисленными структурами, предопределяет принципы синергетики в управлении в качестве основных.

Анализ структуры современных предприятий нефтегазового комплекса показал, что несмотря на глобальные преобразования мировых рынков, трансформацию российского общества, в том числе и экономической подсистемы, организационная структура предприятий в течение 20 лет не претерпевает изменений. Существующие организационные структуры не соответствуют экономическим и социальным реалиям. Синергетический подход в управлении промышленными предприятиями способен стимулировать необходимые организационные изменения, использование принципов синергетики позволяют создать социальные условия в организации, когда система управления естественным образом адаптируется к реальности. Промышленность России испытывает колоссальную экономическую нагрузку, но и социальные ресурсы, и работники, и трудовые коллективы, и даже сами руководители также работают в сложных условиях социальной напряженности и в тяжелых трудовых условиях. Потенциал повышения эффективности работы предприятий высок, что определяется большим количеством специалистов, наличием опытных руководителей, которые представлены разными возрастными и гендерными группами. Социальный потенциал нефтегазовой отрасли в России высокий, необходимо разработать способы его реализации. Представляется, что операционный синергизм будет способствовать многократному увеличению результативности работы промышленной сферы. Можно рассмотреть развитие научной и социальной сферы с точки зрения синергетического эффекта, что было сделано не раз, определив достижения прогресса качественным скачком.

Преимущества синергетического подхода в социально-ориентированном управлении

нефтегазовыми комплексами можно определить несколькими аспектами:

— формирование удобных социальных условий для сотрудников, высокого уровня и качества жизни;

— повышение уровня адаптивности предприятия к изменениям и стрессоустойчивости сотрудников;

— оптимальные социальные связи с внешней средой, обеспечивающие реализацию интеллектуального и творческого потенциала групп, команд;

— инновационный характер труда, что в условиях промышленности, учитывая монотонность работы, немаловажно;

— устойчивость организации, формирование стабильной системы социальной защиты сотрудников.

Синергетический подход к управлению состоит в представлении хаотической, нелинейной открытой системы, неустойчивой в малых деталях, глобально устойчивой к внешним воздействиям и кризисам системы социальных связей и отношений. Он предполагает отношение к организации как к живому организму, в котором постоянно протекают обменные процессы, обеспечивающие неустойчивость, диссипативность, хаотичность на микроуровне, но в то же время эффективно поддерживающие гомеостаз (постоянство параметров) на макроуровне. В таком случае конечной целью социально-ориентированного управления организацией становится развитие навыков самоорганизации и самообучения, то есть, в конечном счете, формирование готовности к изменениям среды. Конечно, синергетический подход нельзя считать панацеей. Однако он оптимален в условиях крайне неустойчивой внешней среды социальных систем, как это наблюдается в России. В таком состоянии любые воздействия без учета принципов синергетики могут привести к обратному результату. Напротив, даже малое, но резонансно направленное воздействие может стать причиной неконтролируемых изменений. Яркий исторический пример тому — революционные события начала XX в., пусковым моментом которых стало относи-

тельно маломасштабное событие — вооруженный разгон мирной демонстрации 9 января 1905 г. Это событие послужило толчком для лавинообразных политических изменений. Ни одно из направленных усилий действовавшего правительства уже не могло переломить и стабилизировать ситуацию.

Исходя из логики исследования, новыми задачами систем управления предприятиями в условиях социальной нестабильности, для которой характерно поведение социально-экономических систем как открытых нелинейных неравновесных саморазвивающихся образований с меняющейся чувствительностью к воздействиям внешней среды, можно считать [15]:

— переход от жесткой организационной структуры к гибким структурам, нацеленным на решение текущих задач и перманентно готовым к изменениям;

— переход от директивных стилей управления к консультативным, от централизованных структур к полуавтономным самообучающимся функциональным образованиям;

— направленность не на поддержание начальной жесткой структуры организации, а на формирование готовности быстро реагировать на перемены, предпочтение изменчивости, если это соотносится с принципом эффективности;

— переход от повышения квалификации отдельных сотрудников к обучающейся и саморазвивающейся организации как к единому целому;

— изменение целей организации вместо максимальной прибыли достижение социально обоснованных результатов; от решения конкретных задач — к эволюционному развитию системы, от экономической выгоды — к коэволюции с учетом потребностей социальной и экологической среды.

Исходя из выделенных задач, к основным принципам управления организациями как социально-экономическими системами следует отнести:

1) управляющие воздействия должны учитывать направление самостоятельного развития организации, ведущий тренд, и, по возможности, должны быть с ним однона-

правленными. В противном случае они будут вносить дисбаланс, еще больше нарушая равновесие в системе. Как справедливо отмечено в книге «Синергетика и методы науки», «управляющие воздействия могут вносить куда более существенный элемент дезорганизации (энтропии), вызывая кризисные явления экологического, военного, нравственного плана» [16, С. 410];

2) управляющие воздействия должны быть направлены на взаимосвязанные компоненты системы таким образом, чтобы способствовать ее переходу от текущего состояния к желаемому;

3) управляющие воздействия должны отвечать принципу системности, поскольку независимо от субъекта управления в открытой синергетической системе решения, принимаемые в одной области, неизбежно влекут изменения в других областях;

4) эффект управляющего воздействия в синергетической (открытой нелинейной) системе зависит от фазы социодинамики: в точках, близких к равновесию (стабильное функционирование), эффективность управления прямо пропорциональна силе воздействия. В точках, близких к бифуркациям (сильно неравновесные состояния), эффект от воздействия непредсказуем (нарушается линейная зависимость). Как определяют этот принцип одни из основателей синергетики, И. Пригожин и И. Стенгерс, «замечательная особенность рассматриваемых нами процессов заключается в том, что при переходе от равновесных условий к сильно неравновесным мы переходим от повторяющегося и общего к уникальному, особенному» [17, С. 130];

5) управляющие воздействия в сильно неравновесных системах в периоды кризиса (в точках бифуркации) имеют эффект резонанса: слабые, но резонирующие с ведущим аттрактором саморазвития организации, управляющие воздействия могут иметь эффект, в несколько раз превышающий силу воздействия; в то время как сильные, но противонаправленные воздействия могут вообще не иметь эффекта либо привести к противоположным от ожидаемых результатам.

На первое место в синергетическом подходе выходят не ресурсы, а люди как агенты сложной диссипативной системы. Именно люди определяют организацию как единую систему. Сотрудники, взаимодействуя друг с другом и с внешней средой, устанавливают способность системы к эволюции, а также ее устойчивость к внешним изменениям. Предлагается утверждение, что трудовые коллективы являются источником творчества и инноваций, способных поднять систему на новый уровень. Социальная структура организации определяет миссию, идеологию, основную парадигму, культуру.

Основной принцип синергетического подхода, который предлагается рассмотреть, касается управляющих воздействий— культура организации не может быть навязана извне ведущим лидером или консультантами по управлению. Она рождается в процессе ежедневного общения и взаимодействия. Когда возникает необходимость изменить организацию, миссия, культура организации должна быть изменена на уровне ежедневных ценностей и смыслов ее сотрудников. Поэтому такой подход к управлению предлагается называть *социально-ориентированным синергетическим подходом* к управлению организацией (рисунок 2).

Для предприятий нефтегазовой отрасли характерны определенные распространенные организационные структуры и модели

управления. В рамках синергетики предполагается не резкое революционное изменение таких структур, а эволюционная подстройка под потребности предприятия при сохранении общих принципов социально-ориентированного подхода и синергетического управления. Система управления в таком случае, сохраняя собственную целостность, обеспечивает целостность предприятия путем воздействия не на трудовой коллектив, а на основе его эволюционного развития, отслеживая точки бифуркации и координируя динамику рабочих групп.

Важно отметить, что в рамках синергетического подхода трансформируются многие привычные функции системы управления, компоненты системы управления сосредотачиваются вокруг созданных систем управления коммуникативным пространством предприятия, организационной социальной средой, системой управления мотивацией и социальной деятельностью сотрудников.

Принципы управления в рамках синергетического подхода существенно трансформируют роль лидера в организации. Согласно синергетическому подходу ни один элемент системы, ни один лидер не способны управлять всей глубиной взаимодействий в системе. Как отмечает И. Пригожин, «то, что реально, никогда не бывает вполне контролируемым» [18, С. 136]. В силу этого новая роль лидера организации заключается в создании

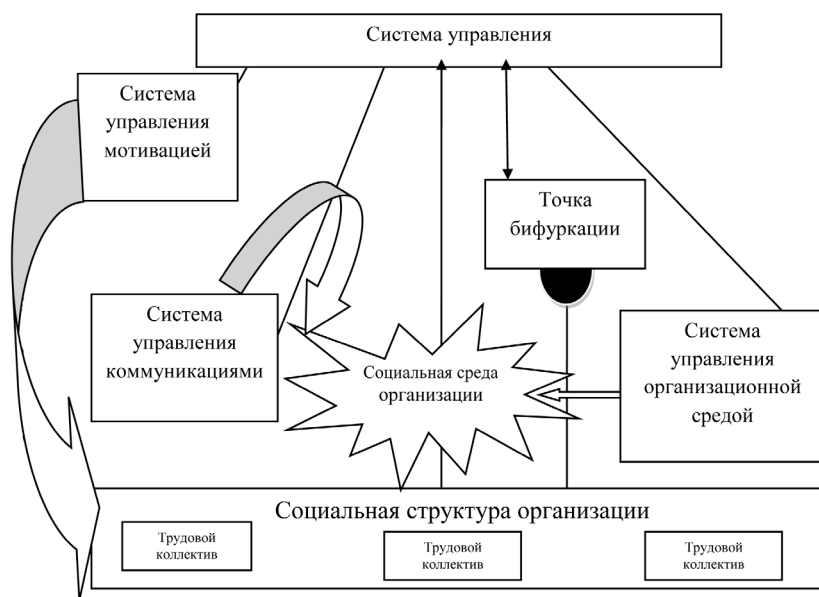

Рисунок 2. Социально-ориентированное управление в рамках синергетического подхода

и поддержании соответствующих условий, обеспечивающих адаптивность системы к внешним воздействиям, способность системы к самообучению и саморазвитию, то есть в конечном итоге способность к эволюции, а не в обеспечении тотального контроля за работниками. Отсюда, в задачи лидера входят поддержание системы как единого целого, формирование из отдельных личностей слаженной эффективно функционирующей команды, развитие позитивных самоподдерживающихся тенденций и традиций, ослабление отрицательных тенденций, связь с внешней средой, создание креативной рабочей атмосферы, поощрение творчества, инноваций, экспериментов, формирование системы простых, понятных, доступных каждому правил взаимодействия между сотрудниками, своевременное распространение служебной и оперативной справочно-аналитической информации, развитие доверия между сотрудниками и т.д.

Все организационные отделы приобретают новые свойства, координируя те или иные социальные аспекты развития предприятия (система социальных отношений, коммуникативное пространство, мотивационный компонент трудовой деятельности).

Таким образом, социально-ориентированное управление на предприятиях нефтегазо-

вого комплекса можно реализовать, используя принципы синергетики, в таком случае управление реализуется в рамках социальной организационной среды с минимальными изменениями действующей структуры управления. Убедительное доказательство необходимости применения синергетического подхода требует своей апробации в рамках определенной организационной среды конкретных предприятий, фундаментального методического объяснения, когда система управления предприятия может быть представлена как модель синергетического управления в рамках социально-ориентированной концепции. Сложности применения синергетического подхода должны быть устранены, представлены четкие критерии анализа систем управления с целью изучения синергетических эффектов, методического обеспечения моделирования синергетического управления на предприятии. Комплексная апробация модели синергетического подхода к управлению позволяет разработать методическое обеспечение реализации социально-ориентированного управления для предприятий нефтегазовой отрасли, тем самым решив многие социальные проблемы управления промышленной отраслью российского общества.

Список литературы

1. Бранский В.П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // *Общественные науки и современность*. 1999. № 6. С. 117–127.

2. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной самоорганизации). СПб.: Лань, 1999. 480 с.

3. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: УРСС, 2003.

4. Промышленность России — 2014 // *Официальный Интернет-портал Росстата*. <http://www.gks.ru>.

5. Бахтизин Р.Н., Павлов С.В., Павлов А.С. Научно-образовательный гео-портал как интегрирующая среда для объеди-

нения научной пространственной информации о территории Республики Башкортостан // *Вестник Академии наук Республики Башкортостан*. 2011. Т. 16. № 4. С. 36–42.

6. Шаммазов А.М., Бахтизин Р.Н., Мастобаев Б.Н., Мовсумзаде Э.М., Владимирова А.И., Карнаухов Н.Н., Цхадая Н.Д., Лapidус А.Л. История нефтегазового дела России. М.: Химия, 2001. 316 с.

7. Некрасов, В.И. Синергетическое управление: теории, исследования, развитие. Ижевск, 2003. 60 с.

8. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. 1088 с.

9. Пугачева Е.Г., Соловьев К.Н. Высшая школа: некоторые проблемы самоорганизации // *Социс*. 1999. № 11. С. 99–101.

10. Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М., 1987. 474 с.

11. Малинецкий Г.Г., Потапов А.Б. Современные проблемы нелинейной динамики. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 360 с.

12. Милованов В.П. Неравновесные социально-экономические системы: синергетика и самоорганизация. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 264 с.

13. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М.: Дело, 2002.

14. Титов Р.А. Социологическое исследование перехода от репрессивных к органическим методам управления персоналом: дисс. ... канд. соц. наук. Н.Новгород, 2006. 191 с.

15. Merry U. Coping with Uncertainty: Insights from the New Sciences of Chaos, Self-Organization and Complexity // <http://pw2.netcom.com/~nmerry/coping.htm>.

16. Синергетика и методы науки / Под ред. М.А. Басина. СПб.: Наука, 1998. 439 с.

17. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ. / Общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича, Ю.В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986.

18. Потемкин В.К., Симанов А.Л. Пространство в структуре мира. Новосибирск: СО РАН, 1990. 116 с.

References

1. Bransky V.P. Social Synergetic as Postmodern Philosophy of History//Social Sciences and Modernity. 1999. No. 6. P. 117–127.

2. Vasilkova V.V. Order and Chaos in Development of Social Systems: (Synergetics and Theory of Social Self-Organization). SPb.: Lan, 1999. 480 p.

3. Kapitsa S.P., Kurdyumov S.P., Malinetsky G.G. Synergetic and Forecasts of the Future. M.: URSS, 2003.

4. The Industry of Russia — 2014 // Official Internet Portal of Rosstat. <http://www.gks.ru>.

5. Bakhtizin R.N., Pavlov S.V., Pavlov A.S. Scientific and Educational GeoPortal as an Integration Environment to Accumulate Scientific Spatial Information about Territories

in the Republic of Bashkortostan // Herald of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan. 2011. T. 16, No. 4. P. 36–42.

6. Shammazov A.M., Bakhtizin R.N., Mastobaev B.N., Movsumzade E.M., Vladimirov A.I., Karnaukhov N.N., Tskhadaya N.D., Lapidus A.L. History of Oil And Gas Business in Russia. M.: Khimiya, 2001. 316 p.

7. Nekrasov V.I. Synergy Management: Theories, Researches, Development. Izhevsk, 2003. 60 p.

8. Big Encyclopedic Dictionary. 2nd vol. revised and enlarged edition. M.: Big Russian Encyclopedia, 1998. 1088 p.

9. Pugacheva E.G., Solovyenko K.N. The Higher School: Some Problems of Self-Organization // Sotsis. 1999. No. 11. P. 99-101.

10. Moiseyev N.N. Development Algorithms. M., 1987. 474 p.

11. Malinetsky G.G., Potapov A. B. Modern Problems of Nonlinear Dynamics. 2nd prod. M.: Editorial URSS, 2002. 360 p.

12. Milovanov V.P. Unequal Social and Economic Systems: Synergetic and Self-Organization. M.: Editorial URSS, 2001. 264 p.

13. Meskon M., Albert M., Hedouri T. Management Bases. M.: Case, 2002.

14. Titov R.A. Social Research of Transition from Repressive to Organic Personnel Management Methods: Thesis ... PhD Soc. N.Novgorod, 2006. 191 p.

15. Merry U. Coping with Uncertainty: Insights from the New Sciences of Chaos, Self-Organization and Complexity//<http://pw2.netcom.com/~nmerry/coping.htm>.

16. Synergetics and Methods of Science / Under the editorship of M.A. Basin. SPb.: Nauka, 1998. 439 p.

17. An Order from Chaos: New Dialogue of the Person with the Nature: Translated from English / General Edition of V.I. Arshinov, Yu.L. Klimontovich, Yu.V. Sachkov. M.: Progress, 1986.

18. Potemkin V.K., Simanov A.L. Space in Structure of the World. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 1990. 116 p.

Михайлов В. С.

Mikhailov V. S.

аспирант кафедры «Экономика и менеджмент» Института экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

УДК 332.8

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ КАК СТИМУЛЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ

В данной статье процессы экономического развития социальных меньшинств исследуются с точки зрения неoinституционализма. Исторические процессы в целом изучаются с помощью клиометрического анализа (исследование истории с применением количественных методов статистического анализа). Данная статья является шагом на пути построения агент-ориентированной модели.

Неоинституционализм в данном случае предполагает использование категории институтов с элементами неоклассической экономической теории, предполагающей рациональное поведение экономических агентов, максимизацию выгоды или минимизацию затрат. В неoinституционализме наибольшее внимание уделяется минимизации транзакционных издержек. Трансакцией считается акт обмена в экономике, например сделка купли-продажи в рыночной экономике, плановая поставка продукции в командной экономике, перемещение ресурсов внутри организации. Транзакционные издержки связаны с осуществлением трансакций, в том числе с юридической защитой правомочий, координацией экономических субъектов, что отличает их от трансформационных издержек, возникающих в процессе производства. В современной России уровень развития предпринимательства ниже, чем во многих развитых странах. Поэтому необходимо исследовать закономерности функционирования различных экономических агентов в разных ситуациях, в том числе в условиях социальных меньшинств. Знание этих закономерностей поможет организовать эффективную поддержку предпринимательства, поэтому данная тема имеет большую теоретическую и практическую актуальность.

Ключевые слова: институты, агенты, индивиды, меньшинства, социум, трансакции, издержки, экономика, ресурсы, нормы.

INSTITUTIONAL LIMITATIONS AS INCENTIVES OF SOCIAL MINORITIES

In this article, the processes of economic development of minority groups are studied from the point of view of neo-institutionalism. Historical processes in general are studied using cliometric analysis (study of the history of using quantitative methods of statistical analysis). This article is a step of constructing agent based model.

Neoinstitutionalism in this case involves the use of the category of institutions with elements of neo-classical economic theory, which assumes rational behavior of economic agents, maximizing benefits and minimizing costs. In neoinstitutionalism most attention is paid to minimizing transaction costs. The transaction is considered to be an act of sharing in the economy, such as the purchase and sale in the market economy, the planned supply of products in the command economy, the movement of resources within the organization. Transaction costs related to the implementation of the transactions, including legal protection of the powers, the coordination of economic entities, which distinguishes them from transformation costs arising in the production

process. In modern Russia, the level of development of business is lower than in many developed countries. It is therefore necessary to investigate the laws governing the functioning of various economic agents in a variety of situations, including in terms of social minorities. Knowledge of these laws will help to organize the effective support of business, so this topic is of great theoretical and practical relevance.

Key words: institutions, agents, individuals, minorities, society, transaction, cost, economy, resources, standards.

Данная статья посвящена исследованию вопроса, как институты формируют определенное экономическое поведение [1] на примере формирования предпринимательской культуры в этнокультурных меньшинствах [2]. Это важно с точки зрения развития теории институциональных реформ [3], направленных на формирование в России инновационно-ориентированной предпринимательской культуры [4].

Предназначение институтов, согласно неoinституционализму, заключается в том, что они дают возможность сократить транзакционные издержки. В то же время сами неформальные институты понимаются как определенные рамки, структурирующие деятельность индивидов, своего рода неформальные правила и нормы [5].

Неоклассическая модель экономики, предполагающая совершенную конкуренцию, эффективное использование ресурсов, может функционировать только в условиях относительно невысоких транзакционных издержек [6].

Здесь уместно напомнить эволюционную схему А. Алчяна, сущность которой состоит в том, что в процессе отбора выживают эффективные предприятия, максимизирующие прибыль. При условии сохранения высоких транзакционных издержек, а также отсутствия достаточно эффективных институтов имеет место низкоэффективная экономика, которая была характерна для многих стран в различные периоды истории. Институты же дают возможность упорядочивать обмен, например, обеспечить контроль за соблюдением контрактов. Это позволяет снизить издержки на осуществление обмена, транзакционные издержки и способствует экономической эффективности, повышению уровня жизни. Так, институт государственно

регулируемого рынка как совокупность упорядоченных с помощью законов экономических отношений, основывающихся на регулярных операциях по обмену различными товарами, работами и услугами между производителями товаров, работ, услуг и потребителями, снижает транзакционные издержки по сравнению с той ситуацией, когда обмен осуществляется беспорядочно (например на стихийном рынке), только посредством личных контактов [7].

Институт фирмы уменьшает издержки по сравнению с предполагаемым примером, когда экономические агенты, находящиеся в одной организации, взаимодействовали бы посредством рыночного обмена. Также, вместе с транзакционными, институты способны снижать и трансформационные издержки, повышать эффективность производства. Развитие системы имущественных прав, развитие патентной и юридической системы способствует рациональной оценке затрат и результатов, что повышает эффективность производства.

Помимо снижения транзакционных, а также трансформационных издержек, институты выполняют в социуме и ещё одну немаловажную функцию: они формируют стимулы к получению фундаментального и прикладного знания. Институты патентного права, а также коммерческой тайны, институциональная структура современного общества в целом способствуют привлечению инвестиций в развитие научного знания. Такие институты не только повышают эффективность с точки зрения рациональности распределения ресурсов, а создают так называемую адаптивную эффективность, этот термин был введён П. Пеликаном [8]. Адаптивная эффективность рассматривается в данном случае как эффективность в смысле воспри-

имчивости предприятий и общества в целом к изменениям, приобретению новых знаний, раскрытию творческих способностей, а также к решению возникающих проблем, замедляющих развитие. Институты способны формировать адаптивную эффективность, например, посредством регулирования правил вхождения на рынок, структур управления и обеспечения высокой степени организационной гибкости организаций. В то же время, как это ни странно на первый взгляд, институты могут заметно повышать издержки.

К таким неэффективным институтам относятся, например, правила, которые мешают вхождению новых конкурентов на определенный рынок, требуют многочисленных бесполезных проверок и тем самым повышают транзакционные издержки и снижают адаптивную эффективность. Такие неэффективные институты возникают вследствие борьбы между конкурирующими политическими или социальными силами.

Истории известны случаи, когда эффективные неформальные институты, присущие социальному меньшинству, способны принести этому меньшинству большую пользу, даже если в государстве функционируют неэффективные формальные институты.

Например, в обществе старообрядцев в дореволюционной России предпринимательство стремительно развивалось не только без поддержки правительства, но и в условиях угнетения.

От старообрядцев требовали перехода в новую веру, их заставляли платить большие

налоги, за невыплату которых полагалась отправка на каторгу, им запрещали строить церкви, отмечать религиозные праздники, налагали иные ограничения [9].

В итоге, предприниматели-старообрядцы вынуждены были, с одной стороны, налаживать тесные контакты с другими предпринимателями старообрядцами, с другой — избегать контактов с иноверцами. Иными словами, предприниматели-старообрядцы замыкались в рамках тесного социального меньшинства, с плотными связями между людьми, которые нуждались в помощи единоверцев, отличались сплоченностью и взаимовыручкой, которой их научила борьба за существование.

Такие условия формировали определенный менталитет, который, можно предположить, характеризовался более высоким уровнем рациональности в терминах экономической теории ограниченной рациональности [10, 11].

В обществе старообрядцев в условиях замкнутого социального меньшинства предпринимательство ускоренно развивалось по причине того, что старообрядцы вынуждены были иметь дополнительные средства для дачи взяток чиновникам, для защиты от гонений со стороны царского правительства, господствующей церкви и общества.

В таких условиях предприниматель-старообрядец буквально втягивался в общину старообрядцев, а предпринимателей-иноверцев община отторгала (рисунок 1).

Если провести аналогию между экономической и химией, то можно заметить, что чело-

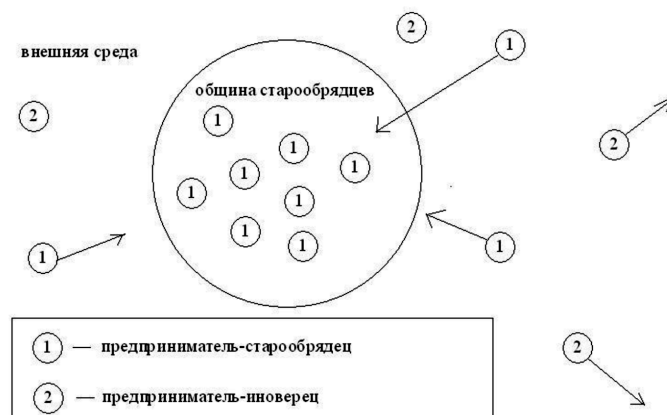

Рисунок 1. Экономические агенты в социальных меньшинствах

век, который страдает от притеснений правительства, господствующей идеологии и общества, стремится туда, где его понимают, ему сочувствуют и готовы помочь. Поэтому он сближается с единомышленниками.

Это явление можно сравнить с валентностью химических элементов. Валентностью называют способность атомов химических элементов образовывать определенное число химических связей с атомами других элементов.

Примерно также в условиях гонений человек вынужден по максимуму использовать свою валентность, способность создания социальных связей с единомышленниками или единоверцами, плотно и активно взаимодействовать, обмениваться информацией с единоверцами.

При этом количество контактов между экономическими агентами возрастает, расстояние между ними сокращается, социальное меньшинство уплотняется. Вещество, уплотняясь, переходит из газообразного агрегатного состояния в жидкое, а затем, из него, в твердое. Так и социальное меньшинство, уплотняясь, становится тверже (рисунок 2).

Второй важной особенностью социальных меньшинств было отсутствие попыток создания внешнего эффекта значимости. Этот эффект обычно выражался в строительстве роскошных культовых сооружений, грандиозных церемониях, праздниках, на которые тратились большие деньги. Для того чтобы доказать отсутствие подобного явления у

социальных меньшинств, следует рассмотреть историю развития еврейских общин в западноевропейских странах. Евреи в западноевропейских странах зачастую не могли строить синагоги по причине существующих запретов, по этой причине они направляли средства не на строительство храмов, а на развитие предпринимательства, как правило, на предоставление банковских услуг [12].

Похожие явления существовали и в обществе старообрядцев: им запрещалось украшать свои церкви, и они направляли средства не на это, а, как правило, на получение образования, на развитие промышленности, чаще всего текстильной, кожевенной, пищевой [13].

Существуют и противоположные примеры. Многие малочисленные народы и племена, например племена американских индейцев, не меняют своего образа жизни, даже когда находятся на грани вымирания, в условиях голода, при отсутствии удобных для охоты и собирательства земель [14]. Так, индейцы в США, оказавшись в резервациях, на меньшей территории, не изменили своего образа жизни, старой иерархии, не меняли своих средств производства материальных благ, и многие полезные прежде традиции оказались препятствием для развития [15]. Вместо этого, они отказывались от деторождения, снижая свою численность соразмерно ограниченной территории, продолжая заниматься собирательством, они нередко конфликтовали между собой за ограниченные и малоценные ресурсы, истребляя друг друга [16].

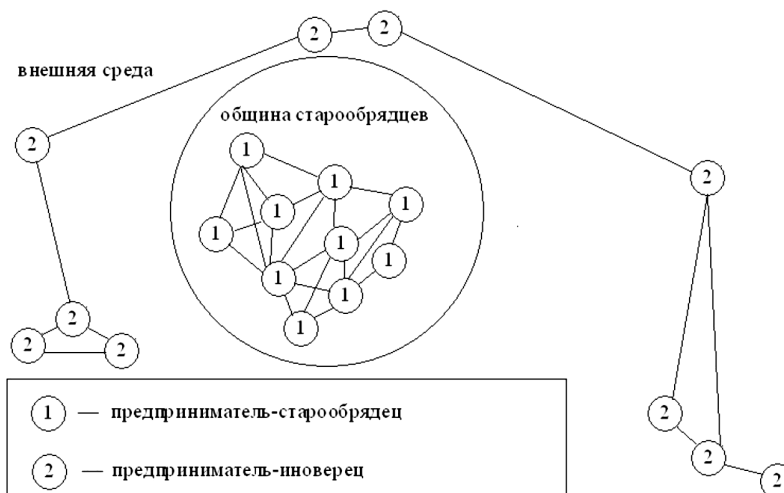

Рисунок 2. Уплотнение социального меньшинства

Можно предположить, что причиной того, что индейцы, оказавшись в стесненных условиях, погибали, а евреи или старообрядцы, наоборот, успешно приспосабливались к изменившимся условиям, была способность реагировать на изменения и менять свой образ жизни.

Выводы

Таким образом, можно сделать несколько выводов. Во-первых, социальное меньшинство, способное изменять свой образ жизни и средства производства в условиях угнетения, способно стать устойчивее и прогрессивнее, в том числе за счет роста количества контактов между единомышленниками или единоверцами. Во-вторых, угнетаемое социальное меньшинство может на долгие годы отказаться от церемониальных мероприятий, и, таким образом, сохранить средства для развития промышленности или финансовой сферы. В-третьих, меньшинство, неспособное изменить свой образ жизни и средства производства в условиях угнетения, может понести большой урон или даже исчезнуть, как, например, индейцы США, которые, долго сохраняя прежний образ жизни и сред-

ства производства, стали вымирать. В-четвертых, оказывается, что одни и те же институциональные ограничения могут привести к совершенно разным результатам развития в зависимости от особенностей неформальных институтов, присущих тем или иным этнокультурным меньшинствам.

Этот вывод полностью противоречит распространённому в конце 1980-х и начале 1990-х годов представлению, что вне зависимости от особенностей неформальных институтов, присущих России, реформы формальных институтов по единому рецепту, известному как Вашингтонский консенсус, принесут такие же результаты, какие принесли они развитым рыночным странам. В этой связи в центре дальнейших исследований будут вопросы того, какие институциональные ограничения должны быть созданы в России, с учетом ее неформальных институтов, которые позволили бы выбрать наиболее эффективную траекторию реформ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-06-00532а.

Список литературы

1. Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция: Пер. с англ. / Оливер И. Уильямсон; Науч. ред. и вступ. ст. В. С. Каткало. СПб.: Лениздат, 1996. 702 с.
2. Михайлов В.С. Этнокультурное предпринимательство как стимул развития экономики (на примере старообрядческих общин в Российской империи) // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 4. С. 1270–1273.
3. Полтерович В.М. Элементы теории реформ. М.: Экономика. 2007. 448 с.
4. Шестакович А.Г., Зулькарнай И.У. Инновационный центр «Сколково» как проект по трансплантации успешных институтов «Силиконовой Долины» // Инновационная деятельность. 2014. № 3 (30). С. 17–27.
5. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
6. Полтерович В. Стратегии институциональных реформ. Перспективные траектории // Экономика и математические методы. 2006. Т. 42. № 1. С. 3–18.
7. Зулькарнай И.У. Государство и ограниченная рациональность населения: формализованные модели. М.: Наука. 2014. 230 с.
8. Пеликан П. Институты отбора предпринимателей: применение модели для исследования экономического роста и финансовых кризисов // ЭКОВЕСТ. 2002. 2. 1. С. 45–80.
9. Седов А.В. Купцы-старообрядцы Блиновы. Н.Новгород, 2007. С. 125–126.
10. Зулькарнай И.У. Ограниченная рациональность индивидов: графические модели несовершенной памяти // Журнал экономической теории. 2009. № 2. С. 249–256.

11. Зулькарнай И.У. Предельная полезность и полезность единицы блага в условиях ограниченной рациональности индивидов // Известия Уфимского научного центра РАН. 2012. № 1. С. 51–57.

12. Лозинский С.Г. История инквизиции. СПб., 1914. С. 41–42.

13. Румянцев М.А. Религиозные основания хозяйствования. СПб., 2005. 420 с.

14. Колосова Ю.А. Программирование развития индейских резерваций США // Советская этнография. 1974. № 4. С. 129–132.

15. Мойкин Н.П. Индейцы США сегодня // США: экономика, политика, идеология. 1977. № 5. С. 34–44.

16. Стельмах В.Г. Политика переселения индейцев США в 30-е гг. 19 в. // Советская этнография. 1983. № 2. С. 51–61.

References

1. Williamson O.I. Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, «relational» Contracting: Trans. from Engl. / Oliver J. Williamson.; Sci. Ed. and Introd. Art. V.S. Katkalo]. SPb.: Lenizdat, 1996. 702 p.

2. Mikhailov V.S. Ethnic and Cultural Entrepreneurship as an Incentive to the Development of the Economy (for example, the Old Believer Communities in the Russian Empire) // Bulletin of the Bashkir University. 2014. T. 19. № 4. P. 1270–1273.

3. Polterovich V. Elements of Reform Theory. M.: Economics, 2007. 448 p.

4. Shestakovich A.G., Zulkarnay I.U. Innovation Center «Skolkovo» as a project to transplant successful institutions «Silicon Valley» // Innovation. 2014. No. 3 (30). P. 17–27.

5. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. M.: Fund economic book «Start», 1997. 180 p.

6. Polterovich B. Strategies of Institutional Reforms. Future Trajectory // Economics and Mathematical Methods. 2006. T. 42. № 1. P. 3–18.

7. Zulkarnay I.U. State and Bounded Rationality Population: Formal Model. M.: Nauka, 2014. 230 p.

8. Pelican P. Entrepreneurs Selection Institutes: the Use of a Model for the Study of Economic Growth and Financial Crises // ECOWEST. 2002. 2. 1. P. 45–80.

9. Sedov A.V. Old Believer Merchants Blinov. Nizhny Novgorod, 2007. P. 125–126.

10. Zulkarnay I.U. Bounded Rationality of Individuals: Graphical Models of Imperfect Memory // Journal of Economic Theory. 2009. № 2. P. 249–256.

11. Zulkarnay I.U. Marginal Utility and Usefulness of the Benefit Unit under Conditions of Limited Rationality of Individuals // Proceedings of the Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences. 2012. № 1. P. 51–57.

12. Lozinski S.G. History of the Inquisition. St.Petersburg, 1914. pp. 41–42.

13. Rumyantsev M.A. The Religious Foundation of Management. St.Petersburg, 2005. 420 p.

14. Kolosov Y.A. Programming of the US Indian Reservations // Soviet Ethnography. 1974. No. 4. p. 129–132.

15. Moykin N.P. US Indians Today // USA: Economics, Politics, Ideology. 1977. № 5. P. 34–44.

16. Stelmakh V.G. US Indian Removal Policy in the 30–ies 19 century // Soviet Ethnography. 1983. No. 2. p. 51–61.

ОБ АВТОРАХ

Абзалилова Лия Рашитовна

кандидат физико-математических наук, доцент кафедры «Математики и математического моделирования», ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Абросимова Марина Александровна

кандидат технических наук, доцент кафедры «Информатика и ИКТ», ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Буренина Ирина Валерьевна

доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой «Экономика и управление на предприятии нефтяной и газовой промышленности» Института нефтегазового бизнеса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Быль Евгения Андреевна

аспирант кафедры «Экономика и управление на предприятии нефтяной и газовой промышленности» Института нефтегазового бизнеса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Валиев Шамиль Зуфарович

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Региональная экономика и управление» Института экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Габидуллина Элина Винеровна

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Региональная экономика и управление» Института экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Гайсина Люция Мугтабаровна

кандидат социологических наук, доцент кафедры «Политология, социология и связи с общественностью», ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Галиуллина Светлана Дмитриевна

доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой «История и политология», ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Галлямов Рушан Рахимзянович

доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, ФГБУН «Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН», г. Уфа, Российская Федерация

Гарипов Фанус Нагимович

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН «Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук», г. Уфа, Российская Федерация

Гарипова Зухра Фанусовна

кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, ФГБУН «Институт социально-экономических исследований» Уфимского научного центра Российской академии наук, г. Уфа, Российская Федерация

Гирфанова Лилия Рашитовна

кандидат технических наук, доцент кафедры «Технология и конструирование одежды» Института экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Дубовик Майя Валериановна

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Экономическая теория», ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», г. Москва, Российская Федерация, e-mail: mvdubovik@gmail.com

Зайнашева Зарима Гафаровна

доктор экономических наук, профессор кафедры «Региональная экономика и управление» Института экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: zarema54@mail.ru

Захаров Андрей Владимирович

кандидат физико-математических наук, доцент кафедры «Информатика и ИКТ», ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Зубкова Надежда Михайловна

инженер кафедры «Технология и конструирование одежды» Института экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Зулькарнай Ильдар Узбекович

доктор экономических наук, заведующий лабораторией исследований социально-экономических проблем регионов, Институт экономики, финансов и бизнеса, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Российская Федерация

Ислакаева Гузель Разимовна

кандидат экономических наук, научный сотрудник лаборатории исследований социально-экономических проблем регионов Института экономики, финансов и бизнеса, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Российская Федерация

Карабельская Ирина Владимировна

доцент кафедры «Информатика и ИКТ», ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Клименков Геннадий Владимирович

кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник Пермского филиала ФБГУН «Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук», г. Пермь, Российская Федерация

Корнева Виктория Олеговна

магистрант кафедры «Региональная экономика и управление» Института экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Лейберт Татьяна Борисовна

доктор экономических наук, директор Института нефтегазового бизнеса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Минеева Иляна Маратовна

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Гуманитарные и естественнонаучные дисциплины», Башкирский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, г. Уфа, Российская Федерация

Михайлов Вячеслав Сергеевич

аспирант кафедры «Экономика и менеджмент» Института экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Мутраков Олег Сергеевич

аспирант кафедры «Региональная экономика и управление» Института экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: mutrakov@rambler.ru

Ольховик Александра Олеговна

аспирант экономического факультета, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Павлова Карина Константиновна

аспирант, ГБОУ ВО «Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан», г. Уфа, Российская Федерация

Самарина Евгения Аликовна

Аспирант кафедры «Финансы и кредит» Института экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Сираж Разуки Аббас

Степень магистра в бухгалтерском учете, Университет Аль-Олбейт, г. Эль-Мафрак, Иордания

Суслова Татьяна Андреевна

магистрант кафедры «Туризм, гостиничный и ресторанный сервис» Института экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Тимирьянова Венера Маратовна

студент магистерской программы «Социология коммуникаций», ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: 79174073127@mail.ru

Федорова Ольга Анатольевна

аспирант Института экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Халикова Эльвира Анваровна

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Бухгалтерский учет и аудит» Институт нефтегазового бизнеса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Чотонов Мамашарип Мамытович

кандидат экономических наук, доцент, ректор, Кыргызский государственный университет культуры и искусств им. Б. Бейшеналиевой, г. Бишкек, Кыргызская Республика

Щёлокова Дина Валерьевна

научный сотрудник Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Российская Федерация

Южаков Владимир Алексеевич

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Уральского социально-экономического института (филиала) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Челябинск, Российская Федерация

ABOUT THE AUTHORS

Abrosimova Marina A.

Candidate of Technical Sciences, Assistant Professor of Department of «Informatics and ICT», FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation, e-mail: m.abrosimova@gmail.com

Abzalilova Liya R.

Candidate of Physics-Mathematical Sciences, Assistant Professor of the Department «Mathematics and Mathematical Modeling», FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation, e-mail: abzalilova.liya@gmail.com

Burenina Irina V.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Department «Economy and Management at Enterprise of the Oil and Gas Industry», Institute of Oil and Gas Business, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Byl Eugeniya A.

Graduate Student of Department «Economy and Management at Enterprise of the Oil and Gas Industry», Institute of Oil and Gas Business, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Chotonov Mamasharip M.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Rector, Kyrgyz State University of Culture and Arts named after B. Beyshenalieva, Bishkek, Kyrgyz Republic

Dubovik Maya V.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of Economic Theory Department, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation, e-mail: mvdubovik@gmail.com

Fedorova Olga A.

Graduate Student, Institution of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation, e-mail: olgaf79@mail.ru

Gabidullina Elina V.

Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor of the Department «Regional Economics and Management», Institute of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Gaisina Lyutsiya M.

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Politologie, Sociology and Public Relations, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation, e-mail: glmug@mail.ru

Galiullina Svetlana D.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department «History and Politics», FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Gallyamov Rushan R.

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Social and Economic Research, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation, e-mail: gal-rushan@yandex.ru

Garipov Fanus N.

Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, FSBIS «Institute of Socio-Economic Research», Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation

Garipova Zukhra F.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, FSBIS «Institute of Socio-Economic Research», Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation

Girfanova Liliya R.

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department «Technology and Design of Clothes», Institute of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Islakaeva Guzel N.

Candidate of Economic Sciences, Researcher of the Laboratory of Studies on Socio-Economic Problems of the Regions, Institute of Economics, Finance and Business, FSBEI HE «Bashkir State University», Ufa, Russian Federation

Khalikova Elvira A.

Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor of «Accounting and Audit», Institute of Oil and Gas Business, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Klimenkov Gennady V.

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Perm Branch of Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation

Karabelskaya Irina V.

Graduate Student of the Department «Physics», Assistant Professor of the Department «Informatics and ICT», FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Korneva Victoria O.

Graduate Student of Chair «Regional Economics and Management» of Institute of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Leybert Tatyana B.

Doctor of Economic Sciences, Director of Institute of Oil and Gas Business, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Mikhailov Vyacheslav S.

Graduate Student of Economics and Management Department of Institute of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Mineeva Ilyana M.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Humanities and Natural Sciences of the Bashkir Co-Operative Institute (Branch) Russian University of Cooperation, Ufa, Russian Federation

Mutrakov Oleg S.

Graduate Student of the Department «Regional Economics and Management» of Institute of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation, e-mail: mutrakov@rambler.ru

Olkhovik Aleksandra O.

Graduate Student of Economic Faculty, FSBEI HE «Saint-Petersburg State University», Saint-Petersburg, Russian Federation

Pavlova Karina K.

Graduate Student, SBEI HE «Bashkir Academy of State Service and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan», Ufa, Russian Federation

Samarina Eugeniya A.

Graduate Student of Finance and Credit Department of Institute of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Shchelokova Dina. V.

Researcher, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation, e-mail: dinalar@mail.ru

Siraj Razooqi Abbas

Accounting M.S, Al al-Bayt University, Mafrq, Jordan

Suslova Tatyana A.

Graduate Student of the Department «Tourism, Hotel and Restaurant Service» of Institute of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Timirjanova Venera M.

Student of the Master's Program «Sociology of Communication», FSBEI HE «Bashkir State University», Ufa, Russian Federation, e-mail: 79174073127@mail.ru

Valiev Shamil Z.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Department «Regional Economy and Management» of Institute of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation, e-mail: shzvaliev@mail.ru

Yuzhakov Vladimir A.

Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor of Department of Economics of the Ural Social Economic Institute (Branch) of the Academy of Labour and Social Relations, Chelyabinsk, Russian Federation

Zainasheva Zarima G.

Doctor of Economic Sciences, Professor of Regional Economics and Management Department, Institute of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation, e-mail: zarema54@mail.ru

Zakharov Andrey V.

Candidate of Physic-Mathematical Sciences, Assistant Professor of Department «Informatics and ICT», FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Zubkova Nadezhda M.

Engineer of the Department «Technology and Construction of Clothing» of Institute of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Zulkarnay Ildar U.

Doctor of Economic Sciences, Head of Laboratory Research Socio-Economic Problems of Regions, Institute of Economics, Finance and Business, FSBEI HE «Bashkir State University», Ufa, Russian Federation

СПИСОК СТАТЕЙ, ИЗДАННЫХ В 2016 ГОДУ

- Абросимова М. А., Валиев Ш. З. Управление информационными ресурсами в вузе (№ 2 (16) 2016 — с. 130).
- Абросимова М. А., Захаров А. В. Особенности создания умной инфраструктуры в вузе (№ 4 (18) 2016 — с. 125).
- Амбарцумян С.Г. Проблемы модернизации жилищной сферы в РФ (№ 1 (15) 2016 — с. 74).
- Ахметов И. В., Никонова С. А., Ахметова Л. Р. Перспектива развития рынка образовательных услуг высшего образования в Республике Башкортостан (№ 2 (16) 2016 — с. 135).
- Ахтариева Л. Г., Зайнуллина С. Ф. Оценка инновационных затрат регионов Приволжского Федерального округа (№ 2 (16) 2016 — с. 108).
- Ахунов Р. Р. Развитие межрегиональной интеграции как направление повышения конкурентоспособности в системе воспроизводственного потенциала региона (№ 1 (15) 2016 — с. 7).
- Бакиева Г. Р., Муфтиева Л. Ф. Совершенствование стратегического управления организационным развитием туристического предприятия на основе управленческого анализа (№ 2 (16) 2016 — с. 60).
- Баталова Н. Т., Петрова А. Д. Прозрачность и надежность банковской информации как предпосылка анализа финансовой отчетности (№ 1 (15) 2016 — с. 95).
- Батина И. Н., Разуева О. В. Состояние и проблемы функционирования ЖКХ на современном этапе (№ 3 (17) 2016 — с. 57).
- Блаженкова Н. М., Аль Гарбави Х. Р. Технология современного управления информацией и степень их влияния на национальную экономику (№ 2 (16) 2016 — с. 19).
- Блаженкова Н. М., Аль Гарбави Х. Р. Влияние системы менеджмента качества (СМК) на развитие экономических секторов в свете международной конкуренции (сравнительное исследование России и ЕС) (№ 1 (15) 2016 — с. 54).
- Буренина И. В., Быль Е. А. Быстрорастущие компании: обзор и сравнение подходов к определению и критериям (№ 4 (18) 2016 — с. 80).
- Валеева Г. В., Греб А. В., Красулина Н. А. Совершенствование управления процессом физического воспитания студентов-нефтяников (№ 2 (16) 2016 — с. 140).
- Валиев Ш. З., Гавриленко И. Г., Седаков Д. А. Жилищное самоуправление граждан как фактор повышения качества жилищно-коммунальных услуг (№ 3 (17) 2016 — с. 20).
- Валиев Ш. З., Абзалилова Л. Р., Федорова О. А. Применение методов когнитивного моделирования при разработке стратегического планирования предприятий нефтехимической и нефтеперерабатывающей отраслей (№ 4 (18) 2016 — с. 39).
- Валиев Ш. З., Неучева М. Ю. Оценка состояния и результатов функционирования особых экономических зон в России за 2014 год (№ 1 (15) 2016 — с. 34).
- Васильев С. А. Вопросы инвестиционных возможностей развития ЖКХ (№ 3 (17) 2016 — с. 49).
- Вишневская Н. Г., Грищенко О. Н., Старицына О. А., Хамадеева З. А. Социально-экономические и географические аспекты трудовой миграции в Республике Башкортостан (№ 2 (16) 2016 — с. 150).
- Габидуллина Э. В., Галиуллина С. Д., Сулова Т. А., Корнева В. О. Брендинг как один из инструментов развития территорий (№ 4 (18) 2016 — с. 110).
- Гайсина Л. М. Оценка эффективности системы мотивации на предприятиях нефтегазовой отрасли (№ 2 (16) 2016 — с. 24).
- Гайсина Л. М. Синергетический подход и его применение в исследовании организационных структур и систем управления: возможности и ограничения (№ 3 (17) 2016 — с. 155).
- Гайсина Л. М. Концепция синергетического управления в нефтегазовой сфере: единство социальной самоорганизации и стабилизации в условиях социальных изменений (№ 4 (18) 2016 — с. 163).

-
- Галиев Г. Т., Гимаев И. З. Социальный аудит – важный фактор в исследованиях проблем жилищно-коммунального хозяйства России (№ 1 (15) 2016 — с. 50).
- Галлямов Р. Р. Урало-Поволжский макрорегион России: состояние и перспективы возрождения исламской религиозности (№ 4 (18) 2016 — с. 156).
- Гарипов Ф. Н., Гарипова З. Ф. К проблеме институционального развития экономики (№ 4 (18) 2016 — с. 22).
- Деркач В. В. Роль принципа детерминизма в познании современных социальных процессов (№ 2 (16) 2016 — с. 155).
- Деркач В. В. Роль принципа историзма в прогнозировании социальных процессов (№ 3 (17) 2016 — с. 163).
- Дубовик М. В., Тимирьянова В. М. Анализ отложенного спроса потребителей на региональном рынке бытовой техники (№ 4 (18) 2016 — с. 86).
- Духхани Адил Башир Дахир Венчурный бизнес как движущий фактор инновационного развития в мире (№ 3 (17) 2016 — с. 132).
- Емельянов Д. Н., Нариманова О. В., Нариманов Н. Ф. Реформа здравоохранения как фактор развития человеческого капитала российской экономики (№ 2 (16) 2016 — с. 50).
- Зайнашева З. Г., Габидуллина Э. В., Смильгина К. Л. Зарубежный опыт повышения качества и доступности предоставления государственных услуг (№ 1 (15) 2016 — с. 38).
- Зайнашева З. Г., Мутраков О. С. Зарубежный опыт планирования и развития сферы спортивно-оздоровительных услуг (№ 4 (18) 2016 — с. 45).
- Зимин А. Ф., Тимирьянова В. М. Пространственная организация рынка потребительских товаров (№ 1 (15) 2016 — с. 44).
- Зиннуров У. Г., Аввакумов А. А. Совершенствование законодательного обеспечения государственно-частного партнёрства при реализации инновационной деятельности (№ 2 (16) 2016 — с. 95).
- Зубкова Н. М., Карабельская И. В., Гирфанова Л. Р. Формирование нового мышления в современном экологическом дизайне (№ 4 (18) 2016 — с. 146).
- Зулькарнай И. У. Институциональные препятствия эффективному использованию лесных ресурсов в России (№ 2 (16) 2016 — с. 9).
- Зулькарнай И. У. Стимулы экономического развития, создаваемые бюджетной системой Китая для всех уровней государственного и местного управления (№ 4 (18) 2016 — с. 16).
- Ибрагимова З. Ф., Япарова-Абдулхаликова Г. И. Потребительские расходы и их структура в контексте неравенства населения (№ 3 (17) 2016 — с. 102).
- Ибрагимова Н. У., Арапов В. В. Методические подходы к оценке эффективности функционирования и управления региональным кластером (№ 2 (16) 2016 — с. 45).
- Иваненко Л. В., Солодова Е. П. Мониторинг как основа управления социальной инфраструктурой региона (№ 3 (17) 2016 — с. 13).
- Иваненко Л. В. Кластеры и инновации. Кластерный стандарт (№ 1 (15) 2016 — с. 17).
- Ислакаева Г. Р. Вопросы стимулирования публикационной активности в научных изданиях, индексируемых в Web of Science и Scopus (№ 4 (18) 2016 — с. 139).
- Исмагилова Т. В., Михайлов В. С., Галиуллина С. Д. Контроль качества услуг ЖКХ (№ 3 (17) 2016 — с. 26).
- Исхакова Р. Ф., Исхакова Ф. С. Сущность и структура психолого-педагогической компетентности преподавателя (№ 1 (15) 2016 — с. 119).
- Казыханов Р. Р. Методический инструментарий оценки отдельных параметров инновационного взаимодействия крупного и малого бизнеса (№ 1 (15) 2016 — с. 105).
- Клименков Г. В. Построение системы адаптивного управления на базе логико-лингвистического моделирования (№ 2 (16) 2016 — с. 66).
- Клименков Г. В. Формирование стратегии организации и функционирования управляющей структуры региона (№ 4 (18) 2016 — с. 104).

-
- Курманова Д. А. Методологические основы формирования системы экономической безопасности в финансовой сфере (№ 2 (16) 2016 — с. 55).
- Лейберт Т. Б., Халикова Э. А. Влияние государственной налоговой политики на деятельность нефтяных компаний (№ 4 (18) 2016 — с. 9).
- Леонова Л. Б., Засухина В. С. Доступность жилья в России: анализ, проблемы и пути выхода (№ 3 (17) 2016 — с. 110).
- Леонова Л. Б. Новые эффективные рыночные механизмы и инструменты для реализации концепции реформирования ЖКХ (№ 1 (15) 2016 — с. 64).
- Лисогор Г. И. Экономико-математическое моделирование — основа сценарного стратегического планирования (№ 2 (16) 2016 — с. 37).
- Лушникова О. Л. Проблема формулирования социального заказа образованию (№ 3 (17) 2016 — с. 149).
- Маликов Р. И., Хурамшина Э. Р. Инструментарий оценки эффективности формирования безбарьерной деловой среды (№ 1 (15) 2016 — с. 99).
- Малинин С. В., Бахтизина А. Р., Старцев Г. Н. Методы нормирования труда в системе координат современного производства (№ 3 (17) 2016 — с. 90).
- Мамателашвили О. В. Конфигурация антикризисных мер в механизме обеспечения экономической безопасности предприятия в современных условиях (№ 1 (15) 2016 — с. 59).
- Мамедова А. У. Теоретико-методологические основы управления стратегическими изменениями (№ 3 (17) 2016 — с. 70).
- Мельников Ю. Б., Боярский М. Д., Локшин М. Д. Математика как одна из идеологических основ экономического образования (№ 3 (17) 2016 — с. 142).
- Минеева И. М., Галиуллина С. Д. Историческая наука в системе экономического знания (№ 4 (18) 2016 — с. 132).
- Михайлов В. С. Институциональные ограничения как стимулы развития социальных меньшинств (№ 4 (18) 2016 — с. 173).
- Муллахметов Х. Ш. Управленческий контроль в современных условиях: теоретические аспекты (№ 2 (16) 2016 — с. 29).
- Мухаметьянова Р. И. Влияние человеческого фактора на уровень организационного потенциала малого предприятия (№ 3 (17) 2016 — с. 83).
- Нуриев Б. Д., Галиуллина В. В. Мурабаха как инструмент исламского банкинга (№ 1 (15) 2016 — с. 89).
- Ольховик А. О. Теоретико-игровое моделирование взаимодействия субъектов сферы высшего образования (№ 4 (18) 2016 — с. 150).
- Павлова К. К. Структура доходов населения как индикатор социально-экономического развития территории (№ 4 (18) 2016 — с. 119).
- Пурик Э. Э., Ахмадуллин М. Л., Шакирова М. Г. Принципы организации творческой деятельности студентов-дизайнеров (№ 2 (16) 2016 — с. 120).
- Радюхина Г. В. Повышение эффективности организации швейного мелкосерийного производства (№ 1 (15) 2016 — с. 78).
- Рамазанов Р. Р. Агентное моделирование формирования населенных пунктов (№ 3 (17) 2016 — с. 76).
- Расулев А. Ф., Султанова Л. Ш. Союз рынков капитала в целях инновационного развития (№ 2 (16) 2016 — с. 100).
- Салихова С. Ф., Мутраков О. С., Губайдуллин А. М. Показатели экономической эффективности деятельности предприятий сферы услуг (№ 3 (17) 2016 — с. 42).
- Самарина Е. А. Адаптивное управление развитием предпринимательских структур в корпоративной среде (№ 1 (15) 2016 — с. 109).
- Самарина Е. А. Сущность и значимость адаптивного управления развитием предпринимательских структур в корпоративной среде (№ 4 (18) 2016 — с. 98).

-
- Сафина Е. А. Роль общественности в функционировании народного образования в Российской Империи (№ 1 (15) 2016 — с. 125).
- Сафуанов Р. М., Байрушина Ф. Ф. Теоретические аспекты стратегического регионального анализа (№ 2 (16) 2016 — с. 14).
- Симионов Р. Ю. Управление инновациями на основе проектного подхода (№ 3 (17) 2016 — с. 126).
- Сираж Разуки Аббас. Формирование компетенции и компетентности бухгалтерской службы (№ 4 (18) 2016 — с. 71).
- Солодилова Н. З., Гибадуллин Р. В., Маликов Р. И., Гришин К. Е. Инструментарий оценки административного давления на субъекты предпринимательской деятельности (№ 2 (16) 2016 — с. 71).
- Солодилова Н. З., Сунаева Г. Г., Шарипова И. М. Интернетизация производства в основании новой экономической модели (№ 3 (17) 2016 — с. 7).
- Угрюмова Н. В. Развитие механизма управления эффективностью организационных преобразований промышленных предприятий (№ 2 (16) 2016 — с. 41).
- Усоский В. Н. Денежно-кредитная политика Национального банка Республики Беларусь и состояние денежного рынка страны в 2008–2015 гг. (Часть II) (№ 1 (15) 2016 — с. 82).
- Хайретдинова О. А. Практический аспект разработки комплексной туристской информационной системы (№ 3 (17) 2016 — с. 120).
- Харисов В. И. Инновационные драйверы повышения конкурентоспособности предпринимательских структур в российской экономике (№ 2 (16) 2016 — с. 85).
- Худяев П. В. Институциональные изменения в процессе экономической эволюции: сущность и понятие (№ 1 (15) 2016 — с. 129).
- Чаадаева В. В. Информационная и финансовая модели взаимодействия участников рынка ЖКХ (№ 3 (17) 2016 — с. 64).
- Чотонов М. М. Методы бюджетного регулирования социальной защиты населения Кыргызской Республики (№ 4 (18) 2016 — с. 32).
- Шайхутдинова Г. Ф., Никонова С. А., Карачурина Р. Ф. Стимулирование инновационной активности предпринимательства в Республике Башкортостан (№ 2 (16) 2016 — с. 80).
- Шевалдина Е. И., Зайнуллин В. К., Шевалдина Ю. С. Диагностика современного развития сферы спортивно-оздоровительных услуг на примере Октябрьского района городского округа город Уфа (№ 3 (17) 2016 — с. 31).
- Шишкин М. В., Мисько О. Н. Экономическое образование в России: вчера, сегодня, завтра (Часть III) (№ 1 (15) 2016 — с. 112).
- Щелокова Д. В. Учет рисков при оценке экономической эффективности добычи углеводородных ресурсов из нетрадиционных источников сырья (№ 4 (18) 2016 — с. 63).
- Южаков В. А. Причины экономического спада: санкции, цены на нефть и необходимость институциональных преобразований (№ 4 (18) 2016 — с. 50).
- Юрик Л., Сижаква М., Сакал П. Метод анализа иерархий компетенций при отборе преподавателей высшей школы (№ 2 (16) 2016 — с. 113).
- Юсупов К. Н., Янгиров А. В., Ахунов Р. Р., Токтамышева Ю. С. Оценка стратегии социально-экономического развития национальной экономики (№ 1 (15) 2016 — с. 23).
- Юсупов Р. Г. Научно-образовательная политика в Республике Башкортостан на рубеже XX-XXI веков: государственно-правовое регулирование (№ 2 (16) 2016 — с. 125).
- Якобсон А. Я., Черных А. Б., Ивановский А. В. Мигранты на рынке труда: социологические и управленческие аспекты (№ 2 (16) 2016 — с. 144).

LIST OF ARTICLES PUBLISHED IN 2016

- Abrosimova M. A., Valiev S. Z. Administration of information resources in a higher educational institution (№ 2 (16) 2016 — p. 130).
- Abrosimova M. A., Zakharov A. V. The peculiarities of developing smart infrastructure in a higher educational institution (№ 4 (18) 2016 — p. 125).
- Ahmetov I. V., Nikonova S. A., Ahmetova L. R. Prospect of development of education market of the higher education in the Republic of Bashkortostan (№ 2 (16) 2016 — p. 135).
- Ahtarieva L. G., Zajnullina S. F. Evaluation of innovative cost regions of Privolzhskiy federal district (№ 2 (16) 2016 — p. 108).
- Ahunov R.R. The development of the interregional integration as a direction of increase of the competitiveness in the region's reproductive potential system (№ 1 (15) 2016 — p. 7).
- Ambartsumyan S. G. Problems of modernization of the housing sector in the Russian Federation (№ 1 (15) 2016 — p. 74).
- Bakieva G. R., Muftieva L. F. Improvement of strategic management of organizational development of the tourist enterprise on the basis of managerial analysis (№ 2 (16) 2016 — p. 60).
- Batalova N. T., Petrova A. D. The transparency and reliability of the bank information as a prerequisite of analysis of financial statements (№ 1 (15) 2016 — p. 95).
- Batina I. N., Razueva O. V. Current housing utilities state and problems on functioning at the present stage (№ 3 (17) 2016 — p. 57).
- Blajenkova N. M., Al Garbavi H. R. The impact of the quality management system (QMS) for the development of economic sectors in the light of international competition (comparative study of Russia and the EU) (№ 1 (15) 2016 — p. 54).
- Blazhenkova N. M., Al Garbavi H. R. Technology modern information management and their impact on the national economy (№ 2 (16) 2016 — p. 19).
- Burenina I. V., Byl E. A. Fast-growing companies: an overview and comparison of approaches to definition and criteria (№ 4 (18) 2016 — p. 80).
- Chaadaeva V. V. Communication and financial models of interaction of participants of the market of housing and public utilities (№ 3 (17) 2016 — p. 64).
- Chotonov M. M. Methods of budgetary regulation of social protection of population of the Kyrgyz Republic (№ 4 (18) 2016 — p. 32).
- Derkach V. V. The role of the principle of determinism in cognition modern social processes (№ 2 (16) 2016 — p. 155).
- Derkach V. V. The role of the principle of historicism in forecasting social processes (№ 3 (17) 2016 — p. 163).
- Dubovik M. V., Timirjanova V. M. Analysis of pent-up demand of consumers in the regional market of home appliances (№ 4 (18) 2016 — p. 86).
- Dukhani Adil Bashir Dahir Venture business as a driver innovative development in the world (№ 3 (17) 2016 — p. 133).
- Emeljanov D. N., Narimanova O. V., Narimanov N. F. Reform of healthcare as a factor in the development of human capital of the Russian economy (№ 2 (16) 2016 — p. 50).
- Gabidullina E. V., Galiullina S. D., Suslova T. A., Korneva V. O. Branding as a tool for development of the territory (№ 4 (18) 2016 — p. 110).
- Gaisina L. M. Synergistic approach and its use in research of organization structure and management system: possibilities and limitations (№ 3 (17) 2016 — p. 155).
- Gaisina L. M. The synergy management concept in the oil and gas industry: unity of social self-organization and stabilization in the conditions of social changes (№ 4 (18) 2016 — p. 163).
- Galiev G. T., Gimaev I. Z. Social audit is an important factor in the research housing and communal services of Russia (№ 1 (15) 2016 — p. 50).

-
- Gallyamov R. R. Ural-Volga macroregion of Russia: condition and prospects of the revival of Islamic religiosity (№ 4 (18) 2016 — p. 156).
- Garipov F. N., Garipova Z. F. The problem of institutional development of the economy (№ 4 (18) 2016 — p. 22).
- Gaysina L. M. Assessment of efficiency of motivation system on enterprises of oil and gas industry (№ 2 (16) 2016 — p. 24).
- Harisov V. I. Innovative drivers of competitiveness of enterprise structures in the Russian economy (№ 2 (16) 2016 — p. 85).
- Hudyaev P. V. Institutional changes in the process of economic evolution: the nature and notion (№ 1 (15) 2016 — p. 129).
- Ibragimova N. U., Arapov V. V. Methodological approach to evaluating the effectiveness of functioning and controlling region cluster (№ 2 (16) 2016 — p. 45).
- Ibragimova Z. F., Yaparova-Abdulhalikova G. I. Structure of consumer expenditures of population in the context of inequality (№ 3 (17) 2016 — p. 102).
- Iskhakova R. F., Iskhakova F. S. Essence and structure of a teacher's psychological and pedagogical competence (№ 1 (15) 2016 — p. 119).
- Islakaeva G. R. Problems of stimulation of public activities in journals indexed in Web of Science and Scopus (№ 4 (18) 2016 — p. 139).
- Ismagilova T. G., Mikhailov V. S. Quality control services utilities (№ 3 (17) 2016 — p. 26).
- Ivanenko L. V., Solodova E. P. Monitoring as the basis of management of regional social infrastructure (№ 3 (17) 2016 — p. 13).
- Ivanenko L. V. Clusters and innovations. Cluster standard (№ 1 (15) 2016 — p. 17).
- Jakobson A. Ja., Chernyh A. B., Ivanovskij A. V. Migrants in the labour market: sociological and managerial aspects (№ 2 (16) 2016 — p. 144).
- Jurik L., Sizhakova M., Sakal P. Method of analysis of hierarchies of competencies in the selection of high school teachers (№ 2 (16) 2016 — p. 113).
- Jusupov R. G. Research and educational policy in the Republic of Bashkortostan at the turn of XX — XXI centuries: the state-legal regulation (№ 2 (16) 2016 — p. 125).
- Kazyhanov R. R. Methodological tools for assessing individual parameters innovative interaction big and small business (№ 1 (15) 2016 — p. 105).
- Khairitdinova O. A. Practical aspect of tourism integrated information system elaboration (№ 3 (17) 2016 — p. 120).
- Klimenkov G. V. Building systems adaptive control based on logic-linguistic modeling (№ 2 (16) 2016 — p. 66).
- Klimenkov G. V. Formation of strategy organization and operation of the management structure of the region (№ 4 (18) 2016 — p. 104).
- Kurmanova D. A. Methodological bases of formation of system of economic security in the financial sector (№ 2 (16) 2016 — p. 55).
- Leonova L. B., Zasukhina V. S. Affordable housing in Russian Federation: analysis, problems and ways (№ 3 (17) 2016 — p. 110).
- Leonova L. B. New efficient market mechanisms and instruments for the implementation of the concept of reforming housing and communal sphere (№ 1 (15) 2016 — p. 64).
- Leybert T. B., Khalikova E. A. Influence of the state tax policy on activity of the oil companies (№ 4 (18) 2016 — p. 9).
- Lisogor G. I. Economic-mathematical modeling - the basis scenario-based strategic planning (№ 2 (16) 2016 — p. 37).
- Lushnikova O. L. The problem of formulation the social order to education (№ 3 (17) 2016 — p. 149).

-
- Malikov R. I., Huramshina J. R. Tools for assessing the efficiency of formation disability business environment (№ 1 (15) 2016 — p. 99).
- Malinin S. V., Bakhtizina A. R., Startsev G. N. Methods of work measurement in the coordinate system of modern production (№ 3 (17) 2016 — p. 90).
- Mamatelashvili O. V. The configuration of the anti-crisis measures mechanism to ensure economic security in modern conditions (№ 1 (15) 2016 — p. 59).
- Mamedova A. U. Theoretical-methodological basis of strategic change management (№ 3 (17) 2016 — p. 70).
- Melnikov Yu. B., Boyarsky M. D., Lokshin M. D. Mathematics as one of ideological basis of economic education (№ 3 (17) 2016 — p. 142).
- Mikhailov V. S. Institutional limitations as incentives of social minorities (№ 4 (18) 2016 — p. 173).
- Mineeva I. M., Galiullina S. D. Historical knowledge in social and economic development of Russia and regions (№ 4 (18) 2016 — p. 132).
- Muhametjanova R. I. The human impact on the level of institutional capacity of small enterprises (№ 3 (17) 2016 — p. 83).
- Mullahmetov H. Sh. Management control in modern conditions: theoretical aspects (№ 2 (16) 2016 — p. 29).
- Nuriev B. D., Galiullina V. V. Murabahah as a tool of Islamic banking (№ 1 (15) 2016 — p. 89).
- Olkhovik A. O. Game-theoretic modeling of interaction of main actors of the higher education sphere (№ 4 (18) 2016 — p. 150).
- Pavlova K. K. The structure of the population income as an indicator of a social and economic development of the territory (№ 4 (18) 2016 — p. 119).
- Purik Je. Je., Ahmadullin M. L., Shakirova M. G. The principles of organization of creative activities in design studies (№ 2 (16) 2016 — p. 120).
- Raduhina G. V. Improving the efficiency of the sewing small-scale production (№ 1 (15) 2016 — p. 78).
- Ramazanov R. R. Agent based modeling of formation of settlements (№ 3 (17) 2016 — p. 76).
- Rasulev A. F., Sultanova L. S. Capital markets alliance for innovative development (№ 2 (16) 2016 — p. 100).
- Safina E. A. The role of non-government organizations in functioning public education in the Russian (№ 1 (15) 2016 — p.125).
- Safuanov R. M., Bajrushina F. F. The theoretical aspects of strategic regional analysis (№ 2 (16) 2016 — p. 14).
- Salihova S. F., Mutrakov O. S., Gubaydullin A. M. The parameters of the economic efficiency of the service company activity (№ 3 (17) 2016 — p. 42).
- Samarina E. A. The nature and importance of adaptive management development of enterprise structures in an enterprise environment (№ 4 (18) 2016 — p. 98).
- Shajhutdinova G. F., Nikonova S. A., Karachurina R. F. Stimulation of innovative activity of entrepreneurship in the Republic of Bashkortostan (№ 2 (16) 2016 — p. 80).
- Shchelokova D. V. Adjusting for risk in economic efficiency assessment of hydrocarbon resources production from non-conventional sources of raw materials (№ 4 (18) 2016 — p. 63).
- Shevaldina E. I., Zainullin V. K., Shevaldina Ju. S. Diagnosis of current development in the sphere of sports and recreation service in the Oktyabrsky district in Ufa (№ 3 (17) 2016 — p. 31).
- Shishkin M. V., Misko O. N. Economic education in Russia: yesterday, today, tomorrow (Part III) (№ 1 (15) 2016 — p. 112).
- Simionov R. Yu. Management of innovations on the basis of the project approach (№ 3 (17) 2016 — p. 126).
- Siraj Razooqi Abbas Accounting department competence and scope formation (№ 4 (18) 2016 — p. 71).

-
- Solodilova N. Z., Gibadullin R. V., Malikov R. I., Grishin K. E. Assessment toolkit administrative pressure on the subjects of entrepreneurial activity (№ 2 (16) 2016 — p. 71).
- Solodilova N. Z., Sunaeva G. G., Sharipova I. M. Production internetization in the basis of new economic model (№ 3 (17) 2016 — p. 7).
- Ugrjumova N. V. Mechanism of efficiency organizational changes industrial enterprises (№ 2 (16) 2016 — p. 41).
- Usosky V.N. Monetary policy of the National bank of the Republic Belarus and condition of monetary market in country 2008—2015 (Part II) (№ 1 (15) 2016 — p.82).
- Valeeva G. V., Greb A. V., Krasulina N. A. Process improvement of physical education students of petroleum (№ 2 (16) 2016 — p. 140).
- Valiev Sh. Z., Abzalilova L. R., Fedorova O. A. Application of cognitive modelling in the development of strategic planning petrochemical and oil-refining industry (№ 4 (18) 2016 — p. 39).
- Valiev Sh. Z., Gavrilenko I. G., Sedakov D. A. Housing the self-government of citizens as a factor of improving the quality of housing and communal services (№ 3 (17) 2016 — p.20).
- Valiev Sh. Z., Neucheva M. Yu. Evaluation of the results of special economic zones functioning in Russia in 2014 (№ 1 (15) 2016 — p. 34).
- Vasiliev S. A. The investment opportunities for development of housing (№ 3 (17) 2016 — p. 49).
- Vishnevskaja N. G., Grishhenko O. N., Staricyna O. A., Hamadeeva Z. A. Socio-economic and geographic aspects of labour migration in the Republic of Bashkortostan (№ 2 (16) 2016 — p. 150).
- Yusupov K. N., Yangirov A. V., Ahunov R. R., Toktamysheva Yu. S. The evaluation of the social and economic development's strategy of the national economy (№ 1 (15) 2016 — p. 23).
- Yuzhakov V. A. The causes of the recession: sanctions, oil prices and necessity of institutional reforms (№ 4 (18) 2016 — p. 50).
- Zainasheva Z. G., Gabidullina J. V., Smil'gina K. L. Foreign experience of improving the quality and accessibility of public services (№ 1 (15) 2016 — p. 38).
- Zainasheva Z. G., Mutrakov O. S. Foreign experience in planning and developing the sphere of sports and fitness services (№ 4 (18) 2016 — p. 45).
- Zimin A. F., Timiryanova V. M. Spatial organization in the consumer goods market (№ 1 (15) 2016 — p. 44).
- Zinnurov U. G., Avvakumov A. A. Improvement of legislative security of public-private partnership in the implementation of innovative activity (№ 2 (16) 2016 — p. 95).
- Zubkova N. M., Karabelskaya I. V., Girfanova L. R. Formation of new thinking in the modern ecological design (№ 4 (18) 2016 — p.146).
- Zulkarnaj I. U. Institutional obstacles of effective using of forest resources in Russia (№ 2 (16) 2016 — p. 9).
- Zulkarnaj I. U. Incentives of economic development that the budget system of China creates for state and local governments (№ 4 (18) 2016 — p. 16).

Требования к оформлению материалов, предоставляемых для публикации в журнале:

1. Статьи, предоставляемые авторами в журнал, должны соответствовать профилю журнала, обладать новизной, интересовать широкий круг научной общественности.
2. Редакция принимает к публикации только открытые материалы на русском и английском языках (для иностранных авторов).
3. Поля — 2,5 см с каждой стороны; шрифт — TimesNewRoman, кегль — 14, межстрочный интервал — полуторный; ссылки на литературу в квадратных скобках. При наличии ссылок список литературы обязателен (в порядке цитирования, в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 или ГОСТ Р7.05–2008).
4. В правом верхнем углу жирным курсивом: фамилия, имя, отчество авторов (обязательно полностью), ученая степень, ученое звание, должность, наименование организации (полностью), страна, город.
5. По центру, жирным шрифтом, заглавными буквами: название статьи. УДК — в правом верхнем углу.
6. В конце статьи укажите почтовый адрес с указанием индекса, фамилию и инициалы получателя (поэтому адресу будет выслан журнал), телефон (мобильный), e-mail контактного лица. Файл со статьей оформить: Фамилия И.О. doc (или docx). Отправлять по адресу: uor-ugaes@mail.ru.
7. Обязательно прислать цветное фото авторов отдельным файлом (не менее 1 Мб и не более 5Мб).
8. К статье должны быть приложены на русском и английском языках: название статьи, аннотация (не менее 240 слов, определяющих теоретическую ценность и практическую новизну статьи), ключевые слова (не менее 10), список литературы обязателен (не менее 8 источников).
9. Автор дает согласие на воспроизведение на безвозмездной основе в сети Интернет на сайте ФГБОУ ВО «УГНТУ» электронной версии своей статьи, опубликованной в журнале «Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика».
10. Графический и табличный материал должен быть представлен в приложении к WORD. Например, MicrosoftGraph, без использования сканирования; для диаграмм применять различную штриховку, размер шрифта 10 или 11 pt, математические формулы оформляются через редактор формул MicrosoftEquation, а их нумерация проставляется с правой стороны. Таблицы подписываются 12-м шрифтом в правом верхнем углу, диаграммы, рисунки — по центру внизу.
11. Сокращение слов, имени названий, как правило, не допускается. Разрешаются лишь общепринятые сокращения мер, физических, химических и математических величин и терминов и т.д.
12. Поступившие в редакцию статьи в обязательном порядке будут проходить рецензирование. Рецензии отклоненных работ высылаются авторам и содержат аргументированный отказ от публикации. В рецензиях работ, отправленных на доработку, указываются замечания к статье.
13. Все статьи, поступившие в редакцию, в обязательном порядке проходят проверку в системе
14. «Антиплагиат». Для аспирантов, студентов, кандидатов наук допустимая норма заимствований — не более 25%, для докторов наук, профессоров — не более 15%.

Памятка авторам

В статье настоятельно рекомендуется:

- НЕ использовать табуляцию (клавиша Tab);
- НЕ устанавливать свои стили абзацев (кроме принятых по умолчанию);
- НЕ расставлять автоматические списки (при нумерации строк и абзацев);
- НЕ ставить двойные, тройные и т. д. пробелы между словами. Рекомендуется применять в статье только один тип кавычек («») или («»).

Помнить о том, что необходимо различать дефис и тире. Тире выставляется сочетанием двух клавиш («Ctrl» + «-»).

Все цитаты в статье должны быть соотнесены со списком литературы, при прямом цитировании обязательно указывать номера страниц. Список литературы не следует смешивать с примечаниями, которые должны располагаться перед списком литературы.

Статьи, не соответствующие требованиям, отклоняются для доработки.

Requirements for the materials, provided for publication in the journal:

1. Articles provided by the authors in the Journal should match the profile of the magazine, are new, are interested in a wide range of scientific community.
2. Revision accepted for publication only open materials in Russian Federation and English (for foreign authors).
3. Fields — 2.5 cm on each side; font — Times New Roman, font size — 14, line spacing — one and a half; References in square brackets. If there is a list of literature references is required (in order of citation in accordance with GOST 7.1–2003 or GOST R7.05–2008).
4. In the upper right corner in bold italics: surname, name, patronymic of the author (certainly in full), academic degree, academic rank, position, name of organization (in full), country, city.
5. Centered, bold capital letters: title of the article. UDC — in the upper right corner.
6. At the end of the article, specify the e-mail address with ZIP code, name and initials of the recipient (the address will be sent to the magazine), telephone (mobile), e-mail the contact person. Article File Contents: Surname N. P. doc (or docx). Send to the address: uop-ugaes@mail.ru.
7. Be sure to send a color photo of the authors in a separate file (at least 1 MB and not more than 5 MB).
8. To the article must be accompanied by the Russian Federation and English languages: the article title, abstract (not less than 240 words, determine the theoretical value and practical novelty of the article), keywords (at least 10), references required (at least 8 sources).
9. Author agree stop lay free of charge on the Internet at the website FSEI HE «USPTU» electronic version of his article published in the journal «Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economy».
10. Graphical and tabular material should be presented in the annex to the WORD. For example, Microsoft Graph, without scanning; diagrams for applying a different shading, font size 10 or 11 pt, mathematical formulas are made through the formula editor Microsoft Equation, and their numbers stamped on the right side. Table signed by the 12th print in the upper right corner, diagrams, drawings — at the bottom center.
11. Reductions of words of names usually are not permitted. Allowed only standard abbreviations measures, physical, chemical and mathematical quantities and terms, etc.
12. Received articles will necessarily be reviewed. Reviews of rejected papers are sent to the authors and contain are atoned rejection of the publication. In reviews of works sent for revision, specify comments on the article.
13. All articles received by the editorial compulsorily tested in the «Anti-plagiarism». For graduate students, candidates of sciences allow able rate loans — no more than 25% for doctors, professors — not more than 15%.

Memo to authors

The article is highly recommended:

- DO NOT use the tab key (Tab);
- DO NOT place your paragraph styles (other than the defaults);
- DO NOT set automatic lists (with line numbers and paragraphs);
- DO NOT put double, triple and so. D. The spaces between words. Recommended in the article is only one type of quotes («») or («»).

Remember that it is necessary to distinguish between hyphens and dashes. Dash exhibited a combination of two keys («Ctrl» +«-»).

All quotations in the article should be correlated with the list of literature, with direct quotations necessarily indicate page numbers. References should not be confused with the notes that must be placed before the bibliography.

Articles that do not meet the requirements will be rejected for revision.